

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ·83

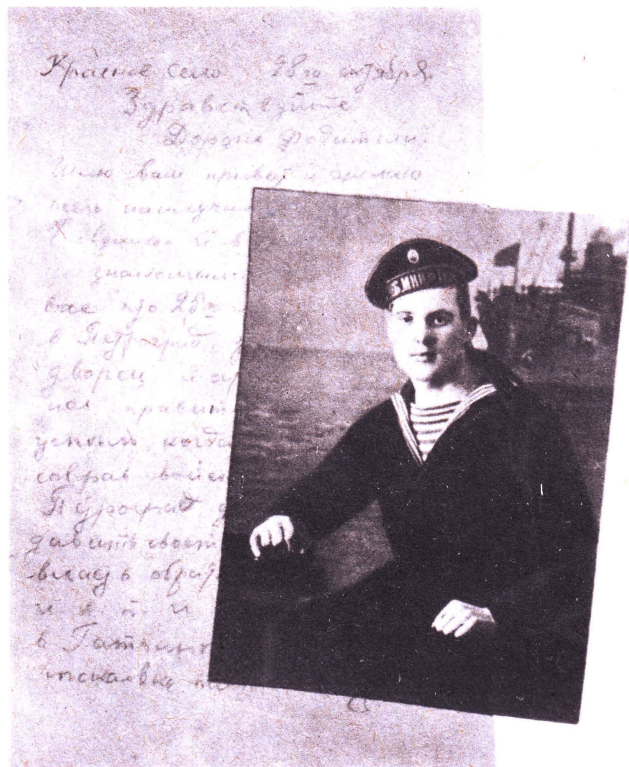

5 МАЙ

Рядовой революции

Яков
АНДРЕЕВ

Всего два дня назад прогремел выстрел «Авроры», позади ночь штурма Зимнего дворца. Он пишет письмо домой:

«Здравствуйте, дорогие родители! Шлю Вам привет и желаю всего наилучшего, кланяюсь бабушке и всем-всем родным и знакомым.

Уведомляю Вас, что 25-го мы выступили в Петроград, заняли Зимний дворец и арестовали Временное правительство. Керенский успел куда-то бежать и, собрав войско, двинулся на Петроград для того, чтобы подавить восстание и захватить власть обратно. Собрал казаков и сейчас находится в Гатчине, около Петрограда. Несколько полков выступили против его войск с пулеметами и артиллерией, броневиками. Войск у Керенского не знаю сколь, кто говорит 8 тыс., кто — 10 тыс. Нас привезли

сюда на подмогу. Сейчас сидим в бараках в Красном Селе, от Гатчины верст 18. Бою еще не было, не знаю, как все окончится. Летают аэропланы, гроыхает артиллерия, едут кавалеристы, словом, как на фронте.

Да, сегодня жив, здоров, завтра не знаю, что будет. Если будет бой, то, наверное, немногие вернутся отсюда...»

Издалека доносится голос орудий, дребезжит стекло в окне барака. Парень в матросском бушлате, склонившись над листком бумаги, вырванном из ученической тетради, старательно выводит огрызком карандаша строчки письма.

«...Когда мы приехали в Петроград, в Зимнем дворце заседали юнкера. Начали обстреливать дворец из пулеметов, это было 25-го, ночью. Юнкера не сдались и начали тоже обстреливать нас из пулеметов. Видя, что они не сдаются, с крейсера «Аврора» был дан холостой выстрел из орудия, потом загремели орудия из Петропавловской крепости, потом немного стихло. Конечно, стреляли холостыми. Потом был дан выстрел боевым снарядом, который попал в карниз дворца. После этого на штурм пошли матросы и начали арестовывать юнкеров. Во втором часу ночи на 26-е мы заняли Зимний окончательно...»

...Пожелтевший от времени листок бумаги. Слово сама история писала огрызком карандаша: **«Выступили в Петроград... Заняли Зимний. ...Арестовали Временное правительство...»**

Шестьдесят пять лет назад их написал крестьянский парень с Урала, матрос учебного корабля «Народоволец» Семен Афанасьев. Письмо это стало экспонатом Свердловского государственного историко-революционного музея. Принес его в музей родной брат Семена Евсеевича — З. Е. Афанасьев. Он рассказал, что его старший брат — Семен Афанасьев — родился в большой крестьянской семье на Урале 1 сентября 1897 года. С детских лет помогал отцу по хозяйству, а когда подрос — обучился столярному ремеслу. В десять лет закончил три класса церковно-приходской школы. В 1916 году был призван во флот, служил в Кронштадте.

...Все сильнее дребезжит стекло в оконной раме — канонада усиливается. Молодому матросу, склонившемуся над листком бумаги, осталось дописать несколько строк и поставить дату. Он еще не знает, что это его последнее письмо. Он не знает, что завтра он погибнет в бою, а его товарищи по борьбе напишут отцу в далекую уральскую деревню: «Ваш сын погиб, но имя его не умрет как имя борца за свободу и землю...»

Задумавшись, он выводит последние строчки письма: **«...Вперед не знаю, буду или нет жить. Ну, пока! Прощайте! Ваш сын Сеня. 28 октября 1917 года.»**

Оставалось жить еще несколько часов. Еще несколько часов своей жизни он отдаст революции.

Фото А. Лыскова

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-83

5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

Н. Мережников, А. Карпович КОГДА ЕСТЬ ДОМ	2
СОРОК ЧЕТЫРЕ ГОРЯЧИХ И ХОЛОДНЫХ ДНЯ. Пуб- ликация А. Коваленко	4
ЖИВЫЕ СТРОКИ ВОЙНЫ	12
И. Лиров ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	21
Б. Марков ТАНК ПОНОМАРЕВЫХ	22
Б. Семенов КРАНОВЩИК	25
Ю. Рязанов ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ. Окончание	26
ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ: «ПОЗВАТЬ В ДОРОГУ ЗАВТРАШ- НИХ». Интервью	30
ВСТРЕЧИ НА ОБИ	32
В. Крапивин ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ. Повесть. Окон- чание	33
А. Балаховский «БУДУЩЕЕ СВЕТЛО И ПРЕКРАСНО...»	64
Ю. Галай КУЛИБИН-МЛАДШИЙ	66
Г. Дмитрин, Б. Маршалов ЗАКАЗ ЧЕЛЯБИНСКИХ МАЛЬЧИШЕК	67
Г. Браилковский ГОША С ЭСМИНЦА «ЯКОВ СВЕРДЛОВ»	68
Ю. Немиров ДВА ЛЕТА В КОТЛОМИНО	69
Б. Козулин ИСТОРИЯ ОДНОЙ АНТИФАШИСТСКОЙ ЛИСТОВКИ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	70 72
В. Пашин МАЙСКИЕ ЖУКИ	74
И. Корниенко ПРИЧУДЫ	76
Д. Воловик КОРОЛЬ ШАХМАТ ПРИГЛАШАЕТ В СВЕРДЛОВ- СКИЙ ДВОРЕЦ	77
Б. АЛЕНКИН На тигров с кинокамерой	78
Мир на ладони	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
2 Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
4 Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
12 Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
21 Геннадий МАШКИН,
22 Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
25 Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
33 Корректор
Маяя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219.
Свердловск, ГСП-353,
67 ул. 8 Марта, 8
68 Телефоны 51-09-71, 51-22-40.

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 01.02.83.
НС 12050.
Подписано к печати 18.03.83.
70 Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
72 Усл. печатных листов 9,0.
Усл. кр.-отт. 11,08.
Учетно-издательских листов 11,4.
74 Тираж 287 000
Заказ 450.
Цена 40 коп.
76 Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

77 На 1-й стр. обложки — ри-
сунком Розы АТЛАС.

80 © «Уральский следопыт», 1983 г.

КОГДА ЕСТЬ ДОМ

**Николай
МЕРЕЖНИКОВ**

Когда есть дом

Когда есть дом,
Когда есть ключ,
Когда ты молод и везуч,
Стой и ключом позванивай,
Весну к себе
Заманивай.

Но вот услышит ли
Весна?
Не тем весна увлечена.

Ей надо жить,
Дышать,
Цвести,
Ручьи и борозды вести.
Собой ей надо полнить мир.
Так что ей твой уют квартир?

И коль вот так
Звенеть ключом,
Остаться можно
Ни при чем.

Огонь

Корове на ночь корму дал,
Принес воды на коромысле...
Как далеко заводят мысли!
В них только попадись —
пропал!

Спать, спать...
Не думать — не страдать.
О, как целительно бездумье!
Но к изголовью мир опять
Приходит —
в цвете, жесте, шуме.

Тот давний мир —
Он все с тобой.
Как въяве,
Мучит и тревожит.
И дней сегодняшних прибой
Его омыть с тебя
Не может.
Вот ты:

на локте — синий номер,
Над головою —
«Еден-зайн!».

Вот он,
Цедящий «шне-ель!» и «шва-айн!»,
Сверхчеловек —
в ремнях и хrome.

Унижен ты — он вознесен.
Ты раб — он высшей мечен метой.
Спокойно спит в ночи планета,
Тебе же снова
сон не в сон.

Непостиженье мира — боль,
И нет мучительнее боли.
Тебя баюкает:

— Отбой! —
Мир, виноватый пред тобою.
Спи, спи! —
тебе он говорит
И прочь виденья ночи гонит.
Не спишь —
Огонь еще горит!
И тот,
в Майданеке,
горит,
И этот, нынешний,
В Лонгшоне.

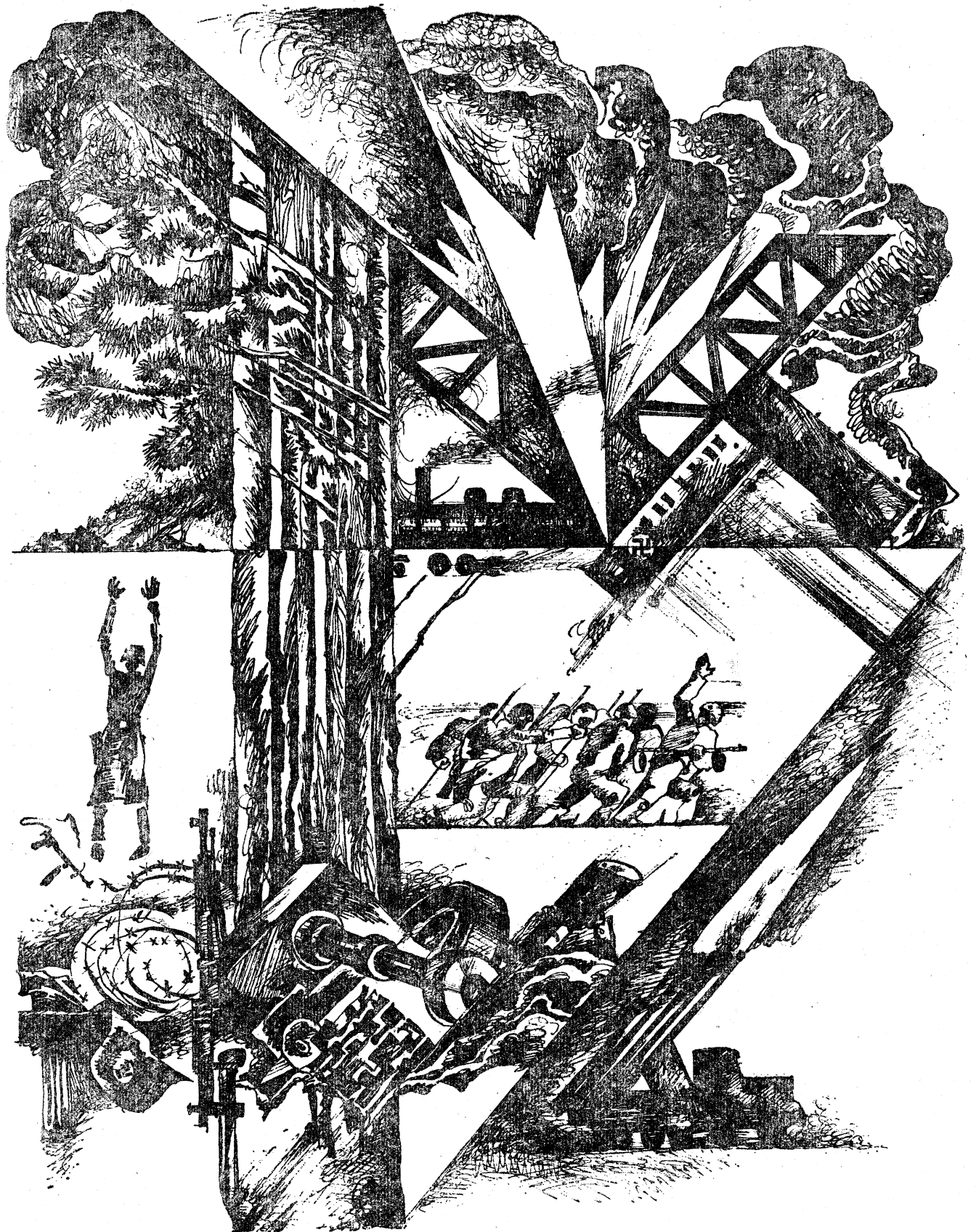
Вьюга

Снова вьюга потекла
В желоба проселков.
Белой взвесью
Обмела
Гарусные елки.

И взбежала на крыльцо
Лесенкой скрипучей,
Обняла твое лицо
Пламенем летучим.

Что ж ты встала,
замерла
На крутой ступеньке?
Ночь ли что
Не унесла?
Не принес ли
день что?

Взгляд смежив, едва дыша,
В бездны горя глянув,
Обостряется душа
От чужих страданий.

Сорок четыре горячих и холодных дня

Рисунок
С. Сухова

...На месте бывших боев в Верейском районе и в селе Ахматово под Москвой остались осколки, ржавые каски, штыки. В этих местах прошел с боями отряд имени Москвы. На сбор материалов о нем я потратил более пяти лет.

В отряде были сотрудники милиции, пограничники, пожарники, спортсмены, динамовцы-снайперы, которые сводили на нет усилия фашистского командования.

«Ни дня без боя!» — было девизом воинов-чекистов отряда.

3 декабря 1941 года отряд имени Москвы под прикрытием сильной метели пересек на лыжах линию фронта и затерялся в лесах Подмоскovie. С этого дня в тылу у немцев начало твориться непонятное. Танки и автомашины взрывались в самых неожиданных местах. Взлетал в воздух транспорт с боеприпасами. Длинные обозы, уходившие с продовольственных складов, к месту назначения не прибывали. Ни одному из солдат и офицеров, сопровождавших обозы, не посчастливилось уцелеть и рассказать, что же произошло. Гитлеровцев охватил страх: даже телеги с сеном они отправляли только в сопровождении танков...

...Но пусть об этом лучше расскажут записки командира отряда имени Москвы, бывшего шахтера из Донбасса, чекиста старшего лейтенанта Михаила Ивановича ФИЛОНЕНКО.

День первый — 3 декабря 1941 года, среда. Температура минус 25—30 градусов, метель, ветер северный.

Утром построил отряд: пятьдесят воинов-чекистов. Большинство наших бойцов фашистов еще в глаза не видели. Снова напомнили с комиссаром Анатолием Ермолаевым, что рейд тяжелый и опасный, есть возможность отказать. Никто не вышел из строя.

— Если кто стесняется товарищей, — сказал я, — то после индивидуальных бесед будет новое построение. Неуверенные в себе в строй могут не становиться.

Через час построили отряд. Все пятьдесят человек. Я еще продолжал отговаривать медсестру Тамару Малыгину, восемнадцатилетнюю девушку, которая пришла добровольцем в отряд. Впрочем, в отряде все добровольцы. Тамара отличная спортсменка-лыжница, прекрасно владеет автоматом, пистолетом. Но не женское дело в снежной лесной постели устраивать ночлег, быть в холоде и голоде. Тамара сказала твердо:

— Я выносливая. За меня вам краснеть не придется.

Подели три автомашины. И мы выехали в Останкино. Здесь получили и подогнали на всех лыжи. В двенадцать часов выехали в Апрелевку, затем в Рогачево.

Поздно вечером отряд миновал боевые порядки тан-

ковой дивизии полковника Ротмистрова, перешел линию фронта и растворился в снежных лесах, в тылу врага.

Шли всю ночь. Утром начался сильный снегопад: наши следы были классически заделаны погодой.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

БУДЬ ОСТОРОЖЕН

Ты все видишь, тебя никто не видит. Обнаружить врагу себя значит обнаружить весь отряд. Действуй скрытно. По возможности избегай вести разведку боем. Враг силен — помни: ты в тылу у врага.

День второй — 4 декабря. Минус 25. Пасмурно, сплошная облачность, метель.

Утром, когда гасили костры, прибежал Федор Сафонов с двумя своими разведчиками:

— Идет немецкий обоз в десять подвод. Гитлеровцы закутаны с ног до головы, по-моему, сопротивления особо не окажут...

Я принимаю решение: дать внезапный и скоротечный бой. Старшине Сафонову с группой захвата приказываю взять одного-двух офицеров в плен, остальных уничтожить.

Гитлеровцы даже не успели поднять оружие, как двенадцать фашистов было убито на месте, двух офицеров взяли в плен. Отряд на подводах углубился в лес. Допросили пленных, после уничтожили — свидетелей нам оставлять никак нельзя.

Убито фашистов — 14, из них 4 офицера и 3 унтер-офицера. Захвачено 18 автоматов, 3 винтовки, 4 пистолета, 5000 патронов, пять ящиков боеприпасов, десять ящиков гранат, много продовольствия. Наших потерь нет. Раненых и обмороженных нет.

Ночевали в лесу. Разгребли метровый снег до земли, наломали хвойных веток, настелили на землю, накрыли плащ-палаткой. Ложились по пять — десять человек, прижимаясь друг к другу, накрывались второй плащ-палаткой, затем снова ветками и снегом. Через полчаса в таком снежном «шалаше» делается тепло. Но через каждый час дежурные будили людей и переворачивали на другой бок, чтобы не замерзли. Часовых выставляли на час, на каждом посту — по двое. Подходы к месту ночлега заминировали.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

ПОИСК

Разведка с целью захвата пленных, «языка» называется поиском. Если есть время, изучи заранее, где располагаются у противника секреты и караулы, в какие часы происходит смена, по каким дорогам ходят посыльные, где живут офицеры и т. д. Отправляясь

в поиск, осмотри внимательно оружие, захвати гранаты и кинжал. Ранец или вещевой мешок не бери. Если ночь лунная, закрась блестящие части оружия, закопти или замажь глиной.

Старайся действовать внезапно и бесшумно — только холодным оружием. Если в крайнем случае прибегай к гранатам или огнестрельному оружию.

Одна часть поисковой группы захватывает пленных, другая находится в дозоре, охраняет своих и прикрывает их отход с пленными. Лучше всего захватить в плен офицера или посыльного с доносением.

В РАЗВЕДКЕ ТЫ ДОЛЖЕН УЗНАТЬ

О противнике: где он находится, в каком количестве, как расположены его силы, к каким действиям готовится, где неприятельский штаб, запасы горючего и продовольствия, где размещены офицеры.

О местности: как подойти скрытно к противнику, в каком состоянии дороги, мосты и т. д., какие боевые средства выгоднее использовать.

КОГДА ИДТИ В РАЗВЕДКУ

Самое лучшее время — перед рассветом, тогда в лагере врага часовые и дозорные утомлены больше всего, внимание их притупилось. Туман, ночь, непогода — верные помощники разведчика.

День третий — 5 декабря. Минус 22, ночью — 28—30 градусов. Пасмурно, метель, ветер умеренный.

С комиссаром и комсоргом отряда поздравили всех с днем Советской Конституции, пожелали удачного рейда и быстрейшего изгнания фашистов с нашей земли.

У населенного пункта Ахматово Сафонов вместе с Михаилом Задковым и Иваном Грачевым вышли в поиск. На окраине села без шума захватили повозку с унтер-офицером. Пленный дал хорошие сведения: их рота находится на отдыхе, половина личного состава обмороженные и больные. Указал, в каких домах они разместились.

К Ахматово отряд подошел внезапно, с трех сторон. Сняли часовых, порезали провода связи, забросали гранатами дома, где располагались фашисты. Весь гарнизон был уничтожен. Водрузили красный флаг над школой, разбросали листовки: «Возмездие фашистов всюду наступит, и под Москвой им осталось быть считанные дни. Смерть немецким оккупантам!» Собрали документы и оружие у врага и ушли так же быстро, как и появились.

Убито фашистов — 68, из них 10 офицеров, двух взяли в плен. Взято оружия — 70 автоматов и пистолетов, несколько тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Наших потерь нет.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

ДЕРЖИ СВЯЗЬ СО СВОИМИ

Если нет посыльного, пользуйся звуковыми и световыми сигналами. Уходя в разведку, договорись с командиром отряда, что будет означать каждый сигнал: движение рук, резкий свист, стук палкой по дереву, подражание пению птиц или лаю собаки, выстрелы с ровными промежутками и т. п. Всегда помни, что эти сигналы слышит и противник, поэтому будь осторожен. Звуковые сигналы лучше применять ночью, в туманы, метели.

День четвертый — 6 декабря. Минус 23 днем, ночью — 28 градусов. Пасмурно, тихо, снегопад.

Нас разбудила мощная канонада. Били по обороне фашистов тяжелые орудия, минометы, а затем поднялись сотни краснозвездных самолетов и стали бомбить врага.

Началось возмездие, началось контрнаступление под Москвой!.. Гитлеровцы бегут в панике, в одних рубашках, некоторые падают в снег и замерзают, и уже никто не знает, как поется в песне, «где могилка моя...»

Весь день мы вели наблюдение за отступающими войсками и перегруппировкой живой силы и техники. По железной дороге пошли бронепоезда — подвозят свежие части, чтобы закрыть образовавшуюся брешь в обороне.

В 22 часа 30 минут заминировали мост и железную дорогу. В 23 часа вражеский эшелон с солдатами и техникой взорвался вместе с мостом. Погибло около сотни фашистов, в реку слетели 10 танков и 21 орудие, три цистерны с бензином. Часовых у моста снимал Федя Сафонов с группой захвата. Минировали мост и подступы

пиротехники старшины Феде Кувшинова — храбрые ребята.

Почти всю ночь уходили на лыжах в глубь леса. И только утром, в тридцати километрах от места диверсии, сделали большой привал.

День пятый — 7 декабря. Минус 18, ночью — 22 градуса. Тихо, слабый снегопад.

На соснах, елках образовались огромные белые шапки снега, многие деревья напоминают сказочных витязей. Сегодня дал отдых всему отряду. Нашли спрятанные в лесу запасы продовольствия из обоза фашистов, разогрели на костре тушенку. По плану мы должны разведать населенный пункт Верея, по возможности парализовать движение войск через реку Протва — взорвать мосты и дать знать местному населению, что Советская власть штука прочная: она в состоянии разгромить фашистские полчища.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

ЧТО СОБИРАЕТСЯ ДЕЛАТЬ ПРОТИВНИК?

Признаки наступления. Появились новые войска, орудия, танки. Противник спешно чинит дороги. Исправляются подходы к реке, собираются лодки, паромы, вьются плоты.

Признаки отступления. О подготовке к отступлению всегда знают местные жители, это подтвердил опыт всех войн. Запасы продовольствия и горючего отвозятся в тыл. Враг портит дороги, взрывает мосты. Неприятельские связисты снимают телефонные линии.

КАКОВЫ СИЛЫ ВРАГА

По глубине походных колонн различных родов войск можно определить силы.

Пехота: рота растягивается до 200 метров, батальон — до одного километра, полк — до 4,5 километра.

Конница: эскадрон занимает глубину 150—200 метров, полк — до трех километров.

Артиллерия: батарея занимает 300—400 метров, дивизион конной тяги — более двух километров, полк тяги механической — 12 километров.

Автоброневой взвод растягивается на 700 метров, дивизион — на 2,5 километра.

День шестой — 8 декабря. Минус 15—18, снегопад, метель во второй половине дня, ветер сильный.

Трое разведчиков обморозили себе кончик носа. Это первое обмораживание. На привале Тамара Малыгина оттирала некоторым воинам щеки и носы снегом, смазала мазью, еще раз подробно проинструктировала всех, как уберечься от обмораживания.

У Вереи полно фашистов. Движение непонятное: одни колонны идут в населенный пункт, другие — из него. Вызываю старшину Сафонова, даю задание группе захвата достать «языка», желательно офицера. Прошло не более двух часов. Федя Сафонов привел двух связанных гитлеровских офицеров. Один с рыцарским крестом — полковник.

Пленные сказали, что в Верее находятся остатки разбитой пехотной дивизии, которая за три дня боев потеряла более восьмидесяти процентов своего состава и всю технику; вместо разбитой дивизии прибывают свежие части, пытаются сдерживать наступление русских.

— Ваша проклятая зима нарушила все планы нашего фюрера... Но придет весна, и мы свободно зайдем Москву и дойдем до Урала, — с гонором заявил полковник.

Я приказал Сафонову расстрелять гитлеровцев. Всему отряду объявил тревогу, надо срочно заматывать следы: этих «видных» фашисты начнут немедленно искать.

Более трех часов мы были в пути. Идти по лесу очень тяжело, снег по пояс, лыжи то и дело слетают с ног, рвутся крепления — они полужесткие, приходится использовать бинты, ремни, тесемки. Расположились на ночлег. Заминировали лагерь, развели костер.

Разработали план, как вывести из строя железнодорожную ветку. Надо срочно помогать своим частям — бить фашистов в хвост и в гриву, бить беспощадно, жестоко, с ненавистью, так, чтобы запомнили на всю жизнь и назвали своим детям...

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

РАЗВЕДКА СЕЛЕНИЯ

Хорошо прибегнуть к помощи какого-нибудь верного человека, живущего в селении. Если такого человека нет, добудь сведения сам. Подходи осторожно, убедись, что вблизи нет противника. Необычный шум, лай собак, дым от походных кухонь дадут знать, что в селении воинская часть.

Если около деревни не видно ни одного человека, это подозрительно — может быть засада. К строениям подходи с той стороны, где хозяйственные постройки: дворы, сады, огороды.

Входя в дом, имей наготове ручную гранату. Дверь за собой плотно не закрывай. Во дворе оставь дозорного. Всегда становись так, чтобы тебя не обстреляли из окон и дверей.

День седьмой — 9 декабря. Минус 24—27, метель, ветер северный.

Группа разведчиков ушла к населенному пункту Афонасьево. В селе был слышен лай собак, крики. Сафонов со своими людьми незаметно подошел к крайнему дому, вызвал хозяина. Фашисты прибыли неделю назад: злые, избитые, обмороженные. День и ночь пьют шнапс, гуляют, насилуют женщин, убивают мужчин, вешают партизан.

— Сколько немцев в селе? — спросил Сафонов.

— Да примерно взвода три, ждут танки и подкрепление, — ответил крестьянин Михаил Савельев. — А офицеры вон в том доме, что со ставнями, где свет горит. На ночь они ставни закрывают, боятся партизан, и еще двух часовых у дома ставят. Очень трусят! Им сообщили, что в одном гарнизоне партизаны уничтожили всех гитлеровцев. «Помнят нашу работу», — подумал Федор.

Из калитки соседнего дома вышли два пьяных и перевязанных гитлеровца, направились к избе Савельева. Разведчики в снях разоружили и скрутили их — оказался унтер-офицер и ефрейтор. Через час «языки» были доставлены в отряд. Они подтвердили все, что сказал Савельев.

Медлить мы не стали. Отряд был разбит на пять групп: три группы по десять человек делают налет на село сразу с трех сторон. Первую группу возглавляет старший лейтенант Казанков, вторую — комиссар отряда Ермолаев, третью — старшина Кувшинов. Группу прикрытия возглавит сержант Задков, которому сказано, чтобы следил за ходом боя и прикрыл отряд, когда он будет отходить в сторону Шустиково. Разведчики — само собой, они идут прежде всех, и я с ними.

Операцию решено начать в 23.40, закончить в 0.25. Пароль — «Москва», отзыв — «Штык». Числовой пропуск — 17. Всем быть в белых масках, это основное различие «свой — чужой».

Бесшумно подошли к селу. Разведчики первым делом взорвали дом, где находились офицеры, предварительно сняв часовых, — взрыв был сигналом к началу атаки.

В селе поднялось невообразимое. Жители быстро сообразили, что к чему: выскакивали из домов с вилами, кольями, топорами, добивали фашистов. Гарнизон был полностью уничтожен. Сельчане просились к нам в отряд, но взять мы их не могли, а посоветовали, как организовать партизанский отряд.

Убито фашистов — 52, из них офицеров — 5. Более сотни единиц оружия роздано населению. Потерь нет. Обмороженных двое.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

УМЕЙ ЧИТАТЬ СЛЕДЫ

След ноги подскажет время, направление и скорость движения, количество прошедших, их рост, возраст и т. д.

Направление движения определяется сравнительно легко, если остается «поволока» и «выволока», то есть сдвиг грунта в момент постановки ноги или при оттапливании. О направлении движения могут дать представление сломанные ветки, опытный чекист обратит внимание и на сбитую росу, иней.

Противник может двигаться спиной, а также с помощью перевнутой каблукками вперед обуви. При движении спиной наиболь-

шая глубина следа — у каблука, линия шагов несколько искривлена, угол разворота ступней заметно сокращается. Перевернутая обувь дает «поволоку» и «выволоку» более отчетливые, линия прямая, иногда заметны отгиски ремней (тесьмы, проволочки).

КАК ДАВНО ПРОШЕЛ ВРАГ

Ветер способствует разрушению следа, а мороз укрепляет его очертания. На снегу при минус 15—18 градусов дно следа промерзает через два-три часа. В слабый снегопад через полчаса следа будет засыпан наполовину, все зависит от плотности осадков, силы ветра.

КТО ПРОШЕЛ

Шаг среднего роста мужчины при медленной ходьбе колеблется в пределах 50—60 см, при обычном движении — 70—80 см, при ускоренном длина шага может превышать метр, при беге увеличивается еще больше, но резко уменьшается ширина и угол разворота ступней.

Если «след в след» (волчий шаг), то задача усложняется. Надо искать двойные отгиски каблук и подметок, дно следа перестает быть дугообразным. При переносе одного человека другим увеличивается глубина следа. Чем старше человек — тем меньше длина шага, нередко заметно волочение. Тучный человек идет, как человек с грузом. У переутомленного и раненого отсутствует стабильность в длине и ширине шага, нарушается прямота движения.

День восьмой — 10 декабря. Минус 27—30, ночью до — 45, снегопад, ветер слабый, лес заиндевелый.

Ночь шли в Шустиково. Очень морозно. Выставил охрану и разрешил отдохнуть и согреться в пустой стожке.

После обеда и отдыха совершили переход в Борисово. Шли медленно, впереди и по бокам охранение. Встретили крестьян, прятавшихся от фашистов. Сказали, что в Борисово зверствуют гитлеровцы и полиция.

День девятый — 11 декабря. Минус 26—29, снегопад, тихо.

Весь день двигались в направлении Дорохово — Можайск. Всюду немцы. Их столько, что забиты все дороги. Сотни, тысячи убитых, замерзших...

День десятый — 12 декабря. Минус 26.

На дороге встретили три повозки фашистов, они везли продовольствие и боеприпасы. Уничтожили трех фашистов и одного полицая. Боеприпасы взорвали, продовольствие спрятали в лесу.

День одиннадцатый — 13 декабря. Минус 22—25, малый снегопад.

Совершили переход в Бородино. Встретили легковую машину в сопровождении автоматчиков. Две удачно брошенные противотанковые гранаты — и стрелять было не в кого. Забрали документы и оружие. В машине, где был фашистский полковник, кроме документов был взят портфель с золотыми и серебряными изделиями, награбленными в нашей стране.

Быстро изменили маршрут и направились в Храброво.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

ХОДИ НЕСЛЫШНО

Ставь ногу на всю ступню, а не на пятку — такой твой шаг не слышен. На твердом грунте поставь сначала на землю носок, а потом плавно опусти каблук, на мягком грунте — наоборот.

НЕ ЧИХАЙ И НЕ КАШЛЯЙ ГРОМКО

Если в разведке захотелось чихнуть, потри сильно переносицу. Не сможешь удержаться — быстро сними шапку, уткни в нее лицо и тогда только чихай. Кашляй тоже в шапку.

День двенадцатый — 14 декабря. Минус 18—20, сильный снегопад.

Совершили переход в Губино. Встретили колонну фашистских танков. Они стояли на заправке. В бой не вступали, удалились в направлении Юрлово.

День тринадцатый — 15 декабря. Минус 17, метель, ветер.

Прибыли в Выселово. Немцы привезли в село много раненых и обмороженных. Бить их не стали, они и так из строя выведены. Вышли в Афонасьево. Разрушили ли-

нию связи противника — более трех километров. Сделали засады, стали ждать немецких связистов. Связисты прибыли с охраной: шесть автоматчиков. Уничтожили 8 фашистов. Забрали документы и оружие. Направились к Верее.

День четырнадцатый — 16 декабря. Минус 15, ветер сильный.

В километре от Вереи три полицая и четвертый преследовали неизвестного человека без верхней одежды. Они в него стреляли, а он все бежал в лес. Три полицая и четвертый, который оказался старостой, были схвачены. Выяснили, что преследовали они приговоренного к смерти партизана.

Фашистских прихвостней тут же, на месте, уничтожили, а партизану выдали немецкую форму одежды и отправили в лес. Он очень просился в отряд, но знакомых людей нам брать категорически запрещено.

День пятнадцатый — 17 декабря. Минус 25—30, снегопад, ветер умеренный, метель.

Вышли в Симбухово. По дороге изрубили 300 метров кабельной связи врага.

День шестнадцатый — 18 декабря. Минус 24—27, ветер слабый, метель.

Прибыли в Назарьево. Ночью взорвали склад с боеприпасами и сожгли бензохранилище.

Всю ночь шли в Таширово.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

НЕ ОСТАВЛЯЙ СЛЕДОВ

Не ступай на места с мокрой землей, обойди это место обочинной. Не пересекай лесные поляны посередине, старайся двигаться по опушке леса. Помни, что рано утром на росистой траве остаются четкие следы. Помни: для розыска партизан фашисты пользуются служебными собаками. Прими все меры к тому, чтобы после тебя осталось как можно меньше следов.

День семнадцатый — 19 декабря. Минус 26—29, ветер северо-восточный, метель.

Колесим по лесу. Метель, даже маленькая, нас здорово выручает.

Встретили немецкий обоз в 50 подвод, его сопровождали три танка и два бронетранспортера. В бой не вступали — не было возможности.

День восемнадцатый — 20 декабря. Минус 30—33, ветер умеренный, метель.

Мерзли сильно. В районе Дорохово — Шаликино пытались совершить железнодорожную диверсию, не получилось: убили трех гитлеровцев, но прибыло подкрепление. Ушли в лес, заминировали дорогу за собой: ждали преследования. Фашисты очень скоро попытались догнать нас, но подорвались на минах и прекратили преследование.

По пути в Петрищево Федя Сафонов со своей группой захвата добыл «языка», офицера штаба пехотной дивизии. От него узнали, что наши войска сегодня освободили Волоколамск и что разбиты полностью самые отборные гитлеровские армии под Москвой. Он все время повторял: «Гитлер капут! Гитлер капут!» Да, наконец-то враг понял это!

В Петрищево узнали о казни 29 ноября 1941 года партизанки Тани. Дали клятву мстить беспощадно за нашу юную разведчицу, за кровь многих тысяч ни в чем не повинных советских людей. Каждый рвался в бой...

День девятнадцатый — 21 декабря. Минус 27—30, снегопад, метель.

Утром все продрогли до костей, но на душе было радостно: сегодня день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Миша Задков говорит:

— Надо бы за здоровье Верховного и выпить...

Пришлось разрешить по двести граммов шнапса для обогреть и в знак уважения своего вождя. В бой не вступали.

День двадцатый — 22 декабря. Минус 25—27.

При переходе в Колодкино — Петрищево в лесу встре-

тили фашистский обоз. Атаковали внезапно. Убили 7 фашистов, двух взяли в плен. Заполучили десять подвод с продовольствием, боеприпасами, теплой одеждой и обувью.

День двадцать первый — 23 декабря. Минус 18—21, метель, ветер.

Совершили переход в Борисово. Произвели рекогносцировку местности. В бой не вступали.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

СОХРАНЯЙ СПИЧКИ

Перед переправой или под дождем некоторое количество спичек вместе с боковой стенкой спичечной коробки положи в пустую патронную гильзу. Перед употреблением потри отсыревшую спичку о волосы. Спички, предварительно обмакнутые в парафин, делаются нечувствительными к сырости. Перед походом все спички должны быть розданы нескольким партизанам-разведчикам: отсыреют у одного, сохранятся у другого.

День двадцать второй — 24 декабря. Минус 20—23, ночью до 25.

При переходе к Верее встретили колонну автомашин с бочками бензина, они шли для заправки танков и бронетранспортеров. Все восемь автозаправщиков сожгли вместе с фашистами. Потерь нет. Отличились в бою Сафонов Федор, Задков Михаил, Грачев Иван, Правдин Виктор, Сокулькин Александр, Маркин Павел, Дубенский Богдан, Бахметков Лев и другие. Красивый фейерверк устроили в лесу!..

День двадцать третий — 25 декабря. Минус 21—24, ветер слабый.

Вели рекогносцировку местности в районе Афонасьево. Откопали спрятанное продовольствие, отбитое у фашистов две недели назад. В бой не вступали.

День двадцать четвертый — 26 декабря. Минус 20—23, снегопад, ветер слабый, метель.

В бой не вступали.

День двадцать пятый — 27 декабря. Минус 21—24.

Совершили переход в Шустиково. На дороге убили трех фашистов.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

РАЗВЕДКА ДОРОГИ

О дороге надо знать следующее: если она не вымощена и не асфальтирована, то какой ее грунт — песчаный или твердый, ширину ее в шагах; где находятся мосты — деревянные, железные, каменные, исправны ли, каковы их размеры; по какой местности пролегает дорога — открытой, закрытой, сухой, болотистой; какие вражеские части можно пропустить — пехоту, автоколонну, танки...

День двадцать шестой — 28 декабря. Минус 22—24, метель.

В бой не вступали.

День двадцать седьмой — 29 декабря. Минус 21—23, ветер сильный.

Сожгли два бронетранспортера в лесу. При них одиннадцать фашистов — оказали сопротивление. Были уничтожены. Своих потерь нет.

День двадцать восьмой — 30 декабря. Минус 20—24, слабый снегопад, ветер слабый.

Немцы решили под Новый год помыться и попариться в бане. И мы решили поддать им жару. Баню взорвали, а выскочивших голых немцев расстреляли.

День двадцать девятый — 31 декабря. Минус 15—17, сильный снегопад, тихо.

Мы с комиссаром собрали весь личный состав и после завтрака подвели итоги за весь «наш» 1941 год. Что мы, как добровольцы, коммунисты и комсомольцы, смогли сделать, как приблизили день победы над врагом? Все подсчитали. И мы внесли свой вклад в разгром фашистских оккупантов!..

Но впереди еще тяжелые и опасные километры.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ РАЗВЕДКА БОЛОТА

Быстро и хорошо промерзают травяные болота: лед на них образует сплошную крепкую корку. Мишистые болота со слоем очеса замерзают медленнее: лед на них легко трескается и проваливается. Мишистые болота, поросшие кустарником, проходимы. Кочковатые болота промерзают неравномерно. Плохо замерзают болота, покрытые порослью ивняка и ольшаника. Окраины болот замерзают хуже всего.

День тридцатый — 1 января 1942 года. Минус 22—25, во второй половине дня сильный снегопад.

Вот уже месяц, как мы совершаем рейд по тылам фашистов. Утром мы вместе с комиссаром Анатолием Ермолаевым поздравили весь личный состав отряда с Новым годом, с новым счастьем, пожелали еще крепче бить фашистов, быть всегда здоровыми и вернуться на Большую землю с победой!

Потерь в отряде по-прежнему нет. Хотя у половины изломались лыжи, маневренность отряда стала ниже. Несколько человек обморозили пальцы ног, рук... Принимаем меры защиты воинов от морозов. По-прежнему в населенные пункты на ночлег не заходим — все ночи проводим в снежной «постели».

День тридцать первый — 2 января. Минус 21—24, ночью до 28.

Целый день находились в районе Колодкино и Крюково, вели наблюдение за войсками противника, за их передвижением. Вечером взяли одного «языка». Он сообщил, что прибыло подкрепление в зимней одежде и что командование отдало приказ перейти к обороне.

Двинулись в Таширово.

День тридцать второй — 3 января. Минус 22, снегопад, ветер западный, слабый.

В Таширово много фашистов. Приближаться опасно. Послал разведку. Через час старшина Сафонов доложил, что немцы выставили КПП и проверяют всех, кто входит в село и выходит из него.

Взяли курс снова в Крюково. Двое разведчиков обморозили пальцы ног, пришлось оттирать снегом и бинтовать. Люди очень устали. Перегрузки страшные. Холод.

День тридцать третий — 4 января. Минус 18—20. Ветер сильный.

У Крюково мы в декабре спрятали продовольствие после разгрома вражеского обоза, были несколько лошадей и засыпаны снегом — это был наш «НЗ». Продукты, которые были с собой, на исходе. Отыскали «НЗ» и устроили пир горой: конина, тушенка, шпиг, даже сохранился шнапс для обогрева.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ ЧЕМ ПРОПИТАТЬСЯ В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ

На войне бывают такие моменты, когда надо подольше растянуть имеющийся паек, когда доброг становится каждый кусок хлеба, каждая щепоть муки. Тогда большим подспорьем может послужить древесная мука из сосновой или березовой коры.

По наружной части древесины (заболони) проходит вода и различные питательные вещества, извлекаемые деревом из почвы. С молодого дерева срезается верхний слой коры, на внутреннем слое на расстоянии метра проводятся два кольцеобразных надреза, а между ними — продольные надрезы. Пластинки коры соскабливаются острым ножом. Их режут на мелкие кусочки, варят в нескольких водах, чтобы уничтожить привкус смолы, и потом кору сушат, пока она не станет хрупкой. Теперь ее можно растолочь и растереть в муку.

В хвойном лесу под снегом можно найти бруснику, а на моховых болотах — клюкву. Сосновую или еловую шишку подержи над костром, шишка раскроется, и внутри найдешь питательные семена.

Съедобны лишайники, особенно так называемый олений и исландский мох. Этот мох сизо-серого цвета, с горьким вкусом. Его надо продержать несколько часов в воде с золой от костра, потом промыть в чистой воде. При варке мох даст вполне пригодный для еды студень. В крайнем случае лишайник просто можно вымочить в воде и есть в сыром виде. Пемзи: лишайник желтого цвета ядо-

вит. На берегах рек и озер можно раскопать камышовые корневища. Они съедобны в сыром, а тем более в печеном и вареном виде.

День тридцать четвертый — 5 января. Минус 16—19, сильная метель.

Прибыли снова к Верее, разведали подходы, захватили двух пьяных фашистов. Они показали, что в Верею прибыл полк СС для борьбы с партизанами, а командующий группой «Центр» фельдмаршал фон Бок вызвал еще карательный батальон белофиннов из-под Ленинграда — для более эффективной борьбы с партизанами.

День тридцать пятый — 6 января. Минус 20—23, слабый снегопад.

Встретили на дороге по пути в Афонасьево две немецкие повозки с грузом. Фашисты оказали сопротивление. Пятерых солдат и офицера убили. Пошли к Вышгороду.

День тридцать шестой — 7 января. Минус 23—25, метель.

Боевых действий не предпринимали. Нашли запасы одежды, боеприпасов, взрывчатых веществ — то, что требовало пополнения.

День тридцать седьмой — 8 января. Минус 25—27, метель.

Разрушили телефонную линию связи противника, уничтожили две повозки. В завязавшейся перестрелке убито пять солдат и два офицера. наших потерь нет.

День тридцать восьмой — 9 января. Минус 26—29, снегопад.

Из засады застрелили шестерых немецких солдат и офицера, патрулировавших на дороге.

День тридцать девятый — 10 января. Минус 22—25, метель.

Вели разведку. Пополнили боеприпасы и продовольствие. Подошли к Борисово.

День сороковой — 11 января. Минус 22—24, метель, ветер сильный.

Атаквали вражеский обоз в 100 подвод. Огнем из автоматов и винтовок убили 45 фашистов. Подожгли два фургона с боеприпасами. наших потерь нет.

Впервые за весь рейд некоторым фашистам удалось бежать. Надо ожидать преследования.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ

УЗЫВИМЫЕ МЕСТА ТАНКОВ

Днем надейся больше на глаза, чем на слух. Ночью шум работающего мотора танка при тихой погоде слышен на расстоянии до 900 метров, при ветре в сторону танка — до 450 метров, а при ветре со стороны танка — до 1,5 километра.

Не суетись, не перебегай с места на место. Спрячься в канаву, яму, снарядную воронку, за бугорок или куст. Приготовься встретить танк и уничтожить его любым доступным тебе средством.

Стреляя из винтовки или обычного пулемета калибром в 7,62 мм, можно вывести из строя танкетки, легкие танки, броневые автомобили. Открывая огонь с расстояния 100—300 метров. Стреляй по смотровым щелям танка: меткий огонь по ним паразит команду брызгами свинца. Особенно меткие стрелки (снайперы) стреляют по приборам наблюдения.

Если танк не удалось остановить, подпусти на расстояние 25—30 метров и бросай гранату. Целься в гусеницу, ведущие колеса, крышу моторной группы, крышу башни. Нет противотанковой гранаты — сделай связку: пять гранат, поставленных на предохранительный взвод, крепко свяжи бечевкой, проводом, четыре гранаты рукоятками в одну сторону, а пятую — в противоположную. «Возьми за рукоятку пятой гранаты и бросай, эта граната взорвет всю связку».

День сорок первый — 12 января. Минус 21—24, снег, метель.

Вырезали два пролета кабельной связи, в другом месте разрушили линию связи на протяжении 600 метров. Убили трех немецких солдат и офицера. заминировали несколько участков дороги.

Работать приходится все труднее и труднее. После

диверсии ушли в лес. Подступы к лагерю заминировали, начали ужинать. В это время раздался взрыв — взрывались наши мины.

Сафонов с ребятами обнаружили два трупа гитлеровцев, остальные убежали.

Итак, за нами идут по следу. Но пока фашисты боются входить глубже в лес.

Вечером направились к Ахматово. Переход трудный. У восьмидесяти процентов состава лыжи изломаны. Завтра возвращаемся на Большую землю. Потерь пока нет.

День сорок второй — 13 января. Минус 23—25, метель.

Встали рано — готовились к переходу через линию фронта. Я построил отряд, коротко поставил задачу: вырваться из тыла противника. В это время прибежал наблюдатель: немцы идут по лесу на лыжах.

Даю команду: «К бою!». Решили мы их подпустить на 50—60 метров и ударить прицельным залповым огнем. Разглядели карателей: отряд белофиннов и несколько немцев... Более десятка их подорвались сразу на минах, расставленных накануне. Залповым огнем уложили еще более трех десятков... Остальные бежали.

Наскоро собрав документы и оружие, мы поспешно стали отходить.

Не прошли и двух километров, как снова стали нас наступать карательные отряды фашистов. Опять бой... Уничтожили несколько десятков врагов. Но было ясно: надо оставлять прикрытие и отходить — иначе весь отряд погибнет и пропадут все добытые нами сведения.

Комиссар отряда Анатолий Ермолаев, старшина Федор Сафонов, Кувшинов Федор, старший лейтенант Андрей Казанков добровольно решили прикрыть отряд. Мы распрощались у деревни Ахматово и передали им все патроны для пулеметов, автоматов, гранаты. Себе оставили лишь по две гранаты и по одному магазину с патронами к автомату и пистолету.

Каждый из нас понимал: прикрыть нас — значит пойти на верную смерть. Силы карателей превышали наши в десятки раз, натренированные белофинны на лыжах чувствовали себя в лесу как дома. Наши же разведчики измучены и без лыж. Ни малого отдыха не могла нам дать обстановка, после которого мы снова могли бы успешно бить врага...

Мы отходили, а позади были слышны короткие очереди пулеметов, автоматная трескотня, взрывы гранат. Меня ранило в плечо, от потери крови мутилось сознание, но надо было собрать последние силы, сделать рывок и вывести отряд.

Каратели бросились на горстку наших оставшихся товарищей...

День сорок третий — 14 января. Минус 21—23, снегопад, метель, ветер сильный.

Шли весь день и всю ночь. Измотались в доску. Питание кончилось, боеприпасы — по одной гранате, по 10—12 патронов... Я угодил в большую яму в лесу, она была засыпана снегом. Сам бы я не выбрался — сил не было. Хорошо, Миша Задков заметил, отстегнул ремень от автомата, кинул один конец мне, и они вместе с Ваней Грачевым вытащили. Лежать бы мне в снежной ямке, в прямом смысле слова.

Ночью в лесу заметили костры. Посмотрели по карте: эта территория занята гитлеровцами. Послал группу из трех человек — разведать, что за люди. Оказалось: наши части заняли уже здесь оборону.

День сорок четвертый — 15 января 1942 года. Минус 20—23.

В три часа ночи нам разрешили подойти к кострам наших войск, а затем направили в штаб дивизии, армии и фронта.

Побритые, помытые и накормленные, предстали мы перед командующим Западным фронтом Г. К. Жуковым. Доложили о работе нашего отряда.

Многие старые военачальники в штабе фронта не поверили, что возможен был такой рейд. Но у нас были вещественные доказательства: мы принесли полный мешок жетонов, снятых с убитых фашистов, мешок офи-

церских и солдатских документов, мешок советских и мешок немецких денег... Вот только после этого нам поверили... Из рук Маршала Советского Союза Г. К. Жукова я получил орден Красного Знамени...

Наши потери: погибли четыре отважных разведчика и четверо были ранены в последнем бою. Смертью храбрых погибли: комиссар отряда Анатолий Ермолаев, начальник разведки отряда коммунист Андрей Казанков, заместитель командира по военной разведке, комсомолец старшина Сафонов Федор, командир взвода пиротехников, коммунист старшина Федор Кувшинов. Они впоследствии были похоронены со всеми воинскими почестями в Москве, рядом с прославленными Героями Советского Союза В. В. Талалихиным, Л. М. Доватором...

В том бою один Федор Сафонов оставался еще живой... Враги предложили ему сдаться в плен; в ответ он выпустил по ним две последние очереди из автомата — патроны кончились. Пошли в ход гранаты. Сафонова ранило в ноги. К тому времени прошло уже около четырех часов, как они, четверо, начали сдерживать фашистов... Последнюю гранату Сафонов оставил для себя. Враги, видя, что он не стреляет, решили взять живым раненого разведчика и приблизились почти вплотную. И тут взорвалась граната.

Когда через несколько дней наши войска освободили Верейский район, у деревни Ахматово им предстала страшная картина. Валялись трупы врагов — их были сотни... Среди фашистов были обнаружены и трупы четверых советских разведчиков. Гитлеровцы надругались даже над мертвыми воинами-чекистами: комиссару и комсору выкололи глаза, отрезали нос и уши, распорол животы и засыпали солью...

Эпилог

ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ ЛЫТКАРИНСКОГО ГОРОДСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

За героизм и мужество, проявленные при выполнении воинского долга в период длительного рейда по тылам фашистов под Москвой с 3 декабря 1941 года по 15 января 1942 года, ходатайствуем перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении бывшему комсору отряда, заместителю командира по разведке старшине войск НКВД САФОНОВУ Федору Григорьевичу звания Героя Советского Союза (посмертно).

Председатель Лыткаринского городского исполкома
народных депутатов

Г. СПИРИН

Секретарь Лыткаринского городского исполкома

Т. ТЕЛЕГИНА

1980 г.

Как объясняет командир отряда Михаил Иванович Филоненко, в то беспокойное время было не до наград. Ненагражденными остались воины-чекисты, прикрывшие товарищей.

...Я узнал об этом рейде, когда работал с архивом НКВД СССР. Подробно, в донесениях, предстала работа отряда имени Москвы в тылу у немцев.

Публикацию подготовил
А. КОВАЛЕНКО

Вексель А. С. Пушкина

Уральские магнаты Яковлевы не знали счета своим богатствам. Заводы Нейвинский, Верх-Тагильский, Уткинский, Шайтанский, Режевской, Нейво-Рудянский, Сылвенский, Сергинский, Верх-Исетский — огромнейшая вотчина досталась по наследству мотоватому Ивану Алексеевичу Яковлеву (1804—1882). 14 тысяч десятин земли, девять заводов, десятки тысяч крепостных и приписных крестьян давали ему многомиллионные доходы.

В Петербурге И. А. Яковлев меценатствовал, водил широкое знакомство с писателями и театральными. Как и когда произошло его знакомство с Александром Сергеевичем Пушкиным — неизвестно, но в 1829 году они были «на короткой ноге».

В апреле 1829 года Александр Сергеевич увлекся красавицей Н. Н. Гончаровой, 1 мая через Ф. И. Толстого сделал ей предложение. Человеку в такой ситуации нужны были немалые деньги. Пушкин попросил займы у И. А. Яковлева.

Летом 1829 года Яковлев уехал из Москвы в Париж, где и жил до 1836 года. Его вынудило покинуть Россию громкое дело шулера и мошенника Политковского, с которым Яковлев был близок.

В одном из писем из Парижа И. А. Яковлев писал Н. А. Муханову:

«Благодарю за несколько слов о Пушкине... Он чуть ли не должен получить отсюда небольшое приглашение анонимное. Дойдет ли до него? А не худо бы было ему потрудиться пожаловать, куда зовут».

Как известно, А. С. Пушкин не раз намеревался вырваться из России, чтобы уйти от «всевидающего ока» царя и жандармов.

Щепетильный по части долгов, А. С. Пушкин 9 июля 1836 года писал Яковлеву, вернувшемуся из Парижа:

«Любезный Иван Алексеевич! Я так перед тобой виноват, что и не оправдываюсь. Деньги ко мне приходили и уходили между пальцами — я платил чужие долги, выкупал чужие имения — а свои долги остались мне на шею. Крайне расстроенные дела сделали меня несостоятельным... И я принужден у тебя просить еще отсрочки до осени. Между тем поздравляю тебя с приездом... Где бы нам увидеться? Я в трауре (умерла мать поэта.— А. К.) и не езжу никуда, но рад бы тебя встретить, хотя ты мой и займовец. Надеюсь на твое слишком испытанное великодушие. Весь твой А. Пушкин».

Видимо, возвратясь в Петербург, Яковлев решил напомнить поэту о своем появлении. Бесспорно, что шесть тысяч рублей ассигнациями, которые он ему заявил, для миллионера ничего не значили. Ему лишь было лестно, что великий поэт России его должник.

В пушкинском списке долга, на обороте письма Д. М. Княжевича от 21 марта 1834 года, рукою поэта еще раз упомянуто имя Яковлева: «Яковл — 3900 руб». Вероятно, поэт стремился погасить эту сумму как часть долга.

А финал пушкинского долга таков.

В делах опеки семьи поэта сохранилась расписка И. А. Яковлева: «1837 года мая 17 дня, я нижеподписавшийся дал расписку господам опекунам, определенным к малолетним детям покойного камер-юнкера Пушкина в том, что должные мне деньги ассигнациями шесть тысяч рублей на основании собственной Пушкиным подписанной записки получил Ив. Ал. сын Яковлев».

А. КОРОВИН

«Секретные» имена

Обычай «засекречивать» имена появился на заре человеческой цивилизации — повсюду, где люди отождествляли имя с душой человека. Так было в Древнем Египте. Там полагали, что, зная настоящее имя какого-либо человека, можно было проклясть его и таким образом уничтожить душу. Поэтому под страхом смерти никто не смел произносить имя живущего фараона. Его наделяли разными иносказательными именами, скажем, — «Тот, в ком умиротворились два бога». После смерти же упоминание настоящего имени человека означало вечное сохранение его личности. Поэтому фараон и вельможи любыми путями стремились увековечить свои имена.

В древних мифах можно встретить упоминание о том, что тот, кто познает настоящее имя человека при его жизни, становится властителем его души. По этой самой причине в ряде древних религий тайна имен богов была доступна только жрецам, простые же смертные знали их под «псевдонимами».

В других религиях (более позднего времени) имя бога можно было произносить лишь в исключительных случаях — при чтении молитв или совершении обрядов. Отголосок этих древних верований сохранился и в христианстве — одна из заповедей так и гласит: «Не поминай имя господина всуе».

Табу на имена в старые времена некоторые народы относили и к тем представителям животного мира, которые вызывали у них страх своей силой либо дерзким и коварным нравом. Так, например, у народов, населявших Сибирь, было заказано называть настоящим именем медведя. Его звали «хозяином тайги», «старичком», «дедом». В Прибалтике некогда тоже звали медведя иносказательно — «медовая лапа» или «лохматый».

Подобный обычай по отношению к другим зверям бытовал во многих местах земного шара. На Суматре тигра всегда звали «полосатым», крокодила на Яве — «дядей» или «стариком». В разных районах Индии и Африки и сегодня еще, увидев змею, скажут: «О, смотрите, там лежит веревка!» Слишком много несчастий приносят еще змеи в этих местах, и поэтому там цепко держится старый обычай: не рассердить змею, назвав ее подлинным именем.

В. РОЩАХОВСКИЙ

Бирюковские чтения

«Сбором краеведов» принято уже называть традиционные Бирюковские чтения. Нынешние, состоявшиеся в мае, были посвящены 95-летию В. П. Бирюкова. Известнейший краевед, он открыл для нас множество любопытных страниц истории Урала.

Основной доклад чтений — «Публицист ленинской школы» (о делегате II съезда РСДРП Г. М. Мишеневе) — сделал челябинский писатель А. А. Шамаков. В других докладах и сообщениях было рассказано об архивных находках, исследованиях ученых, литераторов, краеведов. Кроме уральцев в нынешних Бирюковских чтениях участвовали краеведы и ученые Москвы, Воронежа, Казани, Уфы, Кургана... Этот «сбор», как и все предыдущие, прошел в Челябинске.

Живые строки войны

МАЛЬЦЕВ Константин Терентьевич,
старший лейтенант, командир взвода противотанковых орудий

ПИСЬМА РОДНЫМ

«Пишу в праздничный день 7 ноября. Накануне прослушал по радио выступление товарища Сталина: обстановка в стране тяжелая и напряженная, облегчения пока не предвидится. Наоборот: настоящая война впереди — это будет, когда Красная Армия перейдет из обороны в наступление. Так что на нашу судьбу выпадет львиная доля войны. И кто может знать, придется ли встречать 25-ю годовщину Октября, доведется ли когда побывать на родине, встретиться с вами...

Мне хочется говорить о другом — о своей родной Мальцевке, которую я по-настоящему полюбил только сейчас, о родном колхозе, в котором я работал с начала его создания и где работу крестьянскую полюбил на всю жизнь. Только вот приходится временно забыть о ней. Приходится жалеть и горько раскаиваться в том, что не сумел с достаточной полнотой использовать молодость для больших дел и спохватился лишь в последнее время. Правы были вы, когда по-отечески напоминали мне об этом, а я был неправ...

Очень благодарен вам, что меня не забываете. Ваши письма многое дают мне. Не так давно получил письмо и от мамы. Любовь к своим родным для меня превыше всего, что я раньше недооценивал. За ваше счастье, за вашу светлую жизнь я пойду бороться, за будущее своих братьев и сестер я буду жертвовать собой.

17.XI.41.»

«За последнее время я получил от вас несколько писем. Особенно произвело на меня огромное впечатление сообщение о поездке в Омск. Вопросы, которые вы там решали относительно выведения озимых пшениц, которые выдерживали бы сибирские природные условия, очень меня заинтересовали. Еще и еще раз возникло в душе непреодолимое стремление в будущем стать специалистом благородной и прекрасной отрасли науки, вместе с вами работать рука об руку над выведением новых культур.

Ваши письма приносят мне неоценимую услугу, они учат жить. Я нахожусь сейчас на волоске от самостоятельной жизни: окончится учеба, и я — командир, надо работать с людьми, нести громадную ответственность, решать все самому...

15.XII.41.»

«Спешу обрадовать вас. С успехом сдал государственные экзамены, мне присвоено звание младшего лейтенанта. Не сегодня-завтра отправляемся. Не исключено, что,

«ЖИВЫЕ СТРОКИ ВОЙНЫ» — ТАК НАЗЫВАЛАСЬ КНИГА, ВЫПУЩЕННАЯ ТРИ ГОДА НАЗАД СРЕДНЕ-УРАЛЬСКИМ КНИЖНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ. ПИСЬМА С ФРОНТА — ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ. КНИГА ПОЛУЧИЛА ВЫСОКУЮ ОЦЕНКУ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ ВТОРОЙ СБОРНИК. ПРЕДЛАГАЕМ НЕКОТОРЫЕ ИЗ ПИСЕМ ФРОНТОВИКОВ.

попав в один из прифронтовых округов, могу сразу окзаться в действующей армии, о чем и мечтаю.

20.II.42.»

«...Наконец нашел время написать пару строк. Идут сильные бои на берегу Днепра. Враг рвется на Кавказ, к Сталинграду... Вот и сейчас пишу, а в небе идет воздушный бой... Скоро пойдут на нас их танки. Вы не бойтесь за меня. Мы их отобьем, мы будем держать оборону, чего бы это нам ни стоило...

13.VIII.42.»

«Жив и здоров. Продолжаются жестокие бои за каждую пядь земли. Для всех ясен приказ Родины: «Ни шагу назад!» На моем участке инициатива в наших руках. Мы прорвали оборону и ведем наступление. Как всегда, подает жару фашистам артиллерия, в том числе и моя батарея 122-миллиметровых гаубиц образца 1938 года. Безотказное, хорошее оружие.

Не буду описывать всего, что пришлось повидать на освобожденной нами территории. Скажу только, что кровь закипает в жилах, когда даю команду: «Огонь!»

20.IX.42.»

«Здравствуй, дорогой и любимый папа! Утром я получил от тебя довольно пространное письмо. Поверь, папа, я тяжело пережил каждое твое слово. Это письмо написано по случаю моей к вам просьбы положить в посылку, которую вы мне собрали, бутылку водки... Моя глупая просьба была вызвана обстановкой. Такая злоба и ненависть кипит к врагам, что при их виде я стервенею и не могу хладнокровно смотреть на них. В эти минуты становишься как зверь, здесь уже несколько не думаешь о себе. И вот я думал, что в такие минуты может помочь водка — хоть немного отрезвит от гнева и ненависти... В бою мне нужна холодная голова... Папа, не думай, что я хочу это привести в качестве оправдания, ибо это не похоже на оправдание, скорее это похоже... сам не знаю на что. Как командир я храню командирскую честь. И имени твоего не уроню.

27.XI.42.»

«Всем, всем по горячему фронтовому привету!»

Папа, я получил от тебя письмо, которое написано в Москве. Думаю, что мое письмо застанет тебя уже дома. Я с большим вниманием слежу за работой сессии Всесоюзной сельскохозяйственной академии — хоть и кратко, но освещается она на страницах «Правды».

Ты спрашивал меня, на какую новую должность меня перевели. Сообщаю, что должность у меня сейчас огневик — командир огневого взвода (ранее был командир взвода боепитания). На счету моей батареи два разбитых дзота, несколько блиндажей, три батареи врага подавлены и, конечно, не одна сотня уничтоженных гитлеровцев...

19.XII.42.»

«Дня три-четыре назад я писал вам, что возвратился из госпиталю (болел сыпным тифом). Сейчас уже приступил к боевым обязанностям, но на другом поприще — я теперь в противотанковой артиллерии. Служба интересная, но вместе с тем требует решительности, хладнокровия, чего у меня не всегда достаёт. Теперь, обстрелянному, мне будет легче преодолеть это, чем раньше.

Дорогие папа и мама, прошло более полутора лет, как я покинул отчий дом. Сколько за это время пришлось пережить, какой огонь пройти... Но я всегда помню родную Мальцевку, помню наши луга и поля, думаю о том, как после войны мы будем вместе с отцом работать...

20.V.43.»

«Сегодня у меня превеликий праздник, получил от вас долгожданное письмо. Я уже достаточно окреп после болезни, страдаю только одышкой. Питание у нас хорошее, всем обеспечены. Очень и очень ошутительна на фронте работа тыла. Техника наша лучше вражеской, я в этом сам не раз убеждался. Против наших пушек не устояли даже хваленые танки «тигры», с помощью которых фашисты мечтали сокрушить нашу оборону.

Русские люди дерутся как львы. Из последних сообщений газет вы знаете, что враг хочет танками и самолетами пробить себе дорогу на восток. Но в первый же день крепко получил по зубам. Вы догадываетесь, что воюю под Курском и Орлом...

Прощу обо мне не беспокоиться. Теперь ваш сын уже не мальчик. Меня обожгло огнем войны и закалило, я уверен в своих пушках и бойцах, и время сейчас работает на нас. Довольно врагу поганить землю российскую, настал час расплаты... Украина скоро будет наша!

Пишите чаще и больше. Каждое письмо ваше в радость. Ждите с победой!

12.VII.43.»

Старший лейтенант Константин Мальцев — сын известного всей стране хлебороба-академика Терентия Семеновича Мальцева. Все годы отец бережно хранит дорогую память о сыне — вот эти письма.

— Чем дольше живу, — сказал Терентий Семенович, — тем острее боль в душе... Он был моей надеждой. Я хотел ему передать свое дело и знаю: он бы завершил его с честью. Он тоже знал это и готовился к этому, но вот... Его письма — все, что осталось...

Косте Мальцеву исполнилось двадцать лет. Война, взвалившая на его плечи офицерскую ответственность, сделала его человеком волевым, негибачаемым.

Взвод противотанковых пушек, которым командовал старший лейтенант Мальцев, дошел до города Сумы: там и сложил свою голову боевой командир-артиллерист.

ТУСНОЛОБОВА Зинаида Михайловна,
Герой Советского Союза, гвардии старшина
медицинской службы

ИЗ ПИСЬМА МУЖУ НА ФРОНТ

«Малый мой Иосиф! Настала очередь и мне надеть военную форму. Мечта моя сбывается. Выдали обмундирование. Когда переоделись — друг дружку не узнали. Непривычно было бы и тебе, дорогой, видеть меня в этом наряде. Ты только никогда-никогда не сердись, что я не стала дожидаться тебя в тылу, а ушла на фронт. Так подсказала мне совесть. А моей совестью являешься и ты, мой любимый Иосиф.

Вот уже вторую неделю ежедневно ползаем по-пластунски, учимся стрелять, перевязывать раненых. Приняли присягу. Потом было распределение. Я попала в 7-ю роту 3-го батальона. Командир наш — лейтенант Тимошенко. Показывал нам фотографии жены, детей.

Ты прости меня, Иосиф, что я тебе так и не успела

сказать, как сильно люблю детей. Уже несколько раз видела их во сне. Налюбуюсь ими, наиграюсь, напестуюсь, а потом просыпаюсь. Но сейчас не до этого. Вот скоро выгоним с нашей Родины этих пришельцев-варваров, и тогда засыпем хату сынами и дочерьми...

VIII.41.»

ИЗ ПИСЕМ МАТЕРИ И БРАТУ

«Дорогая моя мамулька! Мой дорогой братик Женя! Пишу вам с передовой. Если бы вы знали, что здесь творится! Днем и ночью стонет земля. Сколько буду жить на свете, никогда не забуду эти степи. За каждый метр земли идет кровавая битва...

Но вы не волнуйтесь за меня. Пуля ищет боязливых, а я, вы же знаете, не из таковских. Здесь, мама, столько работы, столько забот! Каждому хочется помочь, облегчить страдания. За первые три дня боев вынесла из ада сорок бойцов. Откуда и силы берутся... Меня недавно наградили орденом Красной Звезды, приняли в партию. Вот видите, каким героем становится ваша Зина!..

Под бомбами, если удастся вздремнуть, часто вижу во сне довоенную жизнь. Я сейчас с большой охотой послу бы свиней, доила корову. А побегать бы босиком по лугу... Ничего, кажется, более не хотела бы! Вот уж извините, что размечталась. Война экзаменует не только силу и выдержку человека. Она проверяет и его чувства...

2.II.43.»

«Здравствуйте, родная мамочка, дорогой братишка Женя! Вот я и отвоєвалась.

Не пугайтесь, что пишу не сама. Это временно: прострелили руку, и я пока не могу писать. Лечусь сейчас в Свердловске. Тут таких, как я, очень много. Живем дружно и весело. А зачем же печалиться? Подумаешь, ранили в руку или ногу — зато сердце целое и голова еще на плечах!

IV.43.»

ИЗ ПИСЬМА МУЖУ

«Мой дорогой Иосиф! Не знаю, где и при каких обстоятельствах найдет тебя мое письмо. Пишу все, как есть, ничего не утаивая. Обманывать, ты же знаешь, я никогда не умела. Со мной стряслась непоправимая беда. Я потеряла руки и ноги. Горько и обидно остаться в двадцать три года инвалидом, получать пенсию и просить подать воды... Видимо, моя песенка спета. Будь свободным, родной... Прощай.

IV.43.»

ИЗ ПИСЬМА МАТЕРИ И БРАТУ

«Дорогие мои мама, Женя! Можете не верить, но я пишу сама. Это моя очередная победа. На фронте за каждую высоту ведется бой. А мне еще столько надо преодолеть преград, столько жизненных высоток взять с боем! Знайте, мои родные, я готова к вечному бою...

IV.44.»

ПИСЬМО ВОИНАМ 1-ГО ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА

«Дорогие мои! Пусть это письмо дойдет до сердца каждого. Его пишет человек, которого фашисты в двадцать три года сделали инвалидом, лишили всего: здоровья, молодости. Вот уже пятнадцать месяцев я нахожусь в госпитале. У меня нет рук и ног. Это сделали фашистские изверги...

Милые вы мои! Если бы я имела возможность хотя бы на один день оказаться среди вас, взять в руки автомат, — это стало бы моим главным и действенным лекарством. Я почувствовала бы себя полнокровным человеком. Русские люди! Солдаты! Я была вашим товарищем, шла с вами в бой. Прощу вас: отомстите! За все отомстите.

За истерзанную землю, за нашу растоптанную молодость, за пожарища наших городов и деревень.

Друзья мои! Когда я лежала в госпитале в Свердловске, комсомольцы одного уральского завода, взяв шефство надо мной, сделали в нерабочее время пять танков. Они названы моим именем. Сознание того, что они, боевые машины, на передовой и бьют врага, облегчает мои мучения. Но Полоцк, мой родной город, еще в фашистском плену. Дорогие мои! Бейте, уничтожайте врага! Приближается светлый час Победы. Я не сделала и десятой доли того, о чем мечтала. Но я коммунист и не падаю духом. Я верю в свои силы, верю в вас...

5.V.44.»

ИЗ ПИСЬМА ЗИНЕ ОТ МУЖА

«Милая моя малышка! Родная моя мученица! Никакие несчастья не смогут нас разлучить. Нет такой беды, нет таких мучений, которые заставили бы забыть тебя, моя любимая. И в радости, и в горе — мы будем всегда вместе. Я тот же, прежний твой Иосиф. Вот только бы дождаться Победы, только бы возвратиться домой, к тебе, моя любимая. И заживем мы счастливо...

V.44.»

ПИСЬМА ЗИНЕ С ФРОНТА

«Дорогая Зина! Примите от нас, фронтовиков, горячий привет. Ваше письмо мы, минометчики, читали перед боем. Ненависть к врагу мы несем по полям войны. Скоро раненый зверь будет добит в своем логове. Расплатиться с врагом у нас есть за что, теперь в счет мести мы вписали и ваше горе, Зина. Клянемся своей честью и совестью, что ни на секунду не забудем о вас. Мы, коммунисты-минометчики, даем твердое слово, что будем бить проклятых фашистов беспощадно до той поры, пока не уничтожим последнего.

Старшина Шлепов.»

«Будь мужественной, милая подруга! Мы знаем, какое большое горе постигло тебя. Но тысячи девушек продолжают и будут продолжать благородную работу по спасению раненых воинов. С фронтовым приветом лейтенанты медслужбы М. Смелянский, В. Куковьякина, А. Юшкина, М. Балуква, старшина М. Бабаева.»

«Родная, дорогая Зина! Твое письмо тяжело читать. Твое имя стало священным для нас, ты скоро услышишь об освобождении своего родного Полоцка. Нас не остановят никакие преграды на нашем пути вперед.

Лейтенант Албул, сержант Лукашев, красноармеец Лыков.»

ПИСЬМО В «КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ» (2.VI.44)

«...К нам на фронт пришло письмо от гвардии старшины медицинской службы Зины Туснолобовой, которая вынесла с боя сто двадцать три раненых, а потом, сама раненая, осталась без рук и ног. Зина просила отомстить за нее.

Письмо взволновало воинов. Старший лейтенант Петр Кузьмич Андреев и старшина Николай Кузьмич Мещенский обратились к командованию с просьбой присвоить их самолету-штурмовнику имя Зины Туснолобовой. Просьба удовлетворена.

Штурмовник, на фюзеляже которого крупными буквами написано «За Зину Туснолобову!», уже не раз делал боевые вылеты.

Борис Вдовенко.»

АНКЕТА, КОТОРУЮ ЗАПОЛНИЛА

ЗИНАИДА ТУСНОЛОБОВА

Год рождения

Родилась 13 ноября 1920 года. Второй раз возвратилась к жизни в 1944 году после пятнадцати месяцев, проведенных в госпиталях, и восьми операций.

Партийность

Член КПСС с 1942 года.

Какие имеете награды?

Герой Советского Союза.

Образование

Среднее. Во второй раз училась писать в двадцать три года.

Воинское звание

Гвардии старшина медицинской службы.

Состояние здоровья

Инвалид Отечественной войны, нет рук и ног.

Семейное положение

Замужем.

Любимое занятие

Читать. Хозяйствовать. Собирать грибы.

Ваше представление о счастье

Для женщины счастье — иметь хорошую семью, детей. В этом смысле я счастливый человек.

Самое заветное желание

Сын женился. Сыграли свадьбу дочери. Желаю, чтобы ни мои дети, ни внуки моих детей не знали, что такое война.

Зинаида Михайловна Туснолобова умерла на шестидесятом году жизни. Ее знали многие. С ней, израненной медсестрой, еще в сорок третьем познакомился Свердловск — она прибыла в санитарном поезде прямо с фронта. В Свердловском госпитале началась борьба за ее жизнь. Лучший хирург Николай Васильевич Соколов взялся за это весьма трудное дело. Пришлось ампутировать руки и ноги. Но как помочь молодой женщине, облегчить ее будущую жизнь? — вот вопрос, не давший покоя хирургу. Он ломал голову, советовался с врачами.

— Знаешь, Зина, — сказал Соколов однажды, — мы попробуем сделать так, чтобы ты сама могла держать ложку, а под настроение — и чарку.

И доктор рассказал ей, как уже двум раненым он сделал подобную операцию: расщепил кость предплечья на локтевую и плечевую, и получилось два больших пальца, которыми при упорной тренировке можно даже иголку научиться держать.

Зина согласилась на такое испытание. Сколько уж пришлось ей претерпеть и перестрадать, — попробует еще...

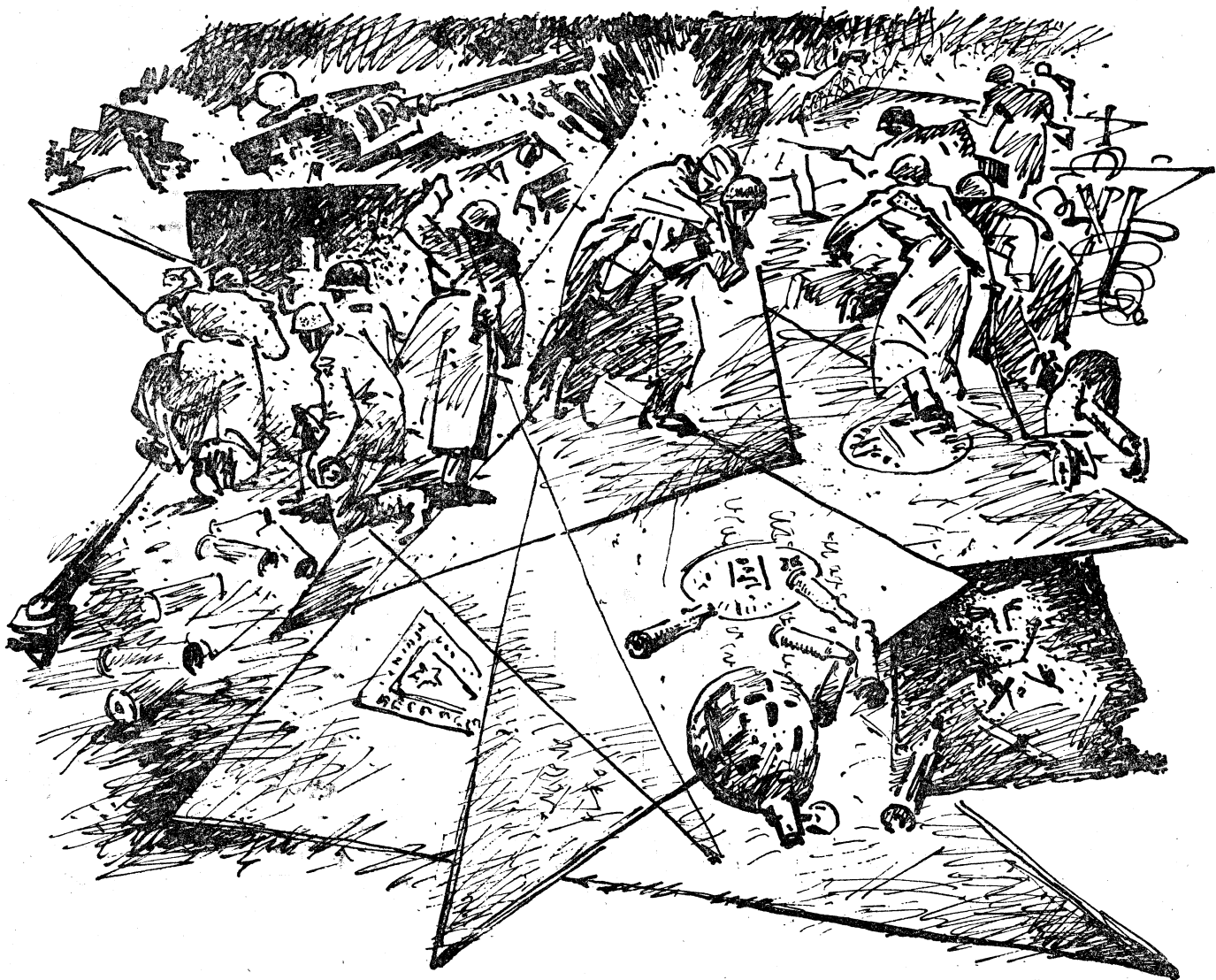
Соколов сам сделал операцию, сам делал Зине перевязки, днем и ночью наблюдал за больной. Ездил даже в Москву, когда ее перевели в столичный госпиталь.

Зина все выдержала — и боль, и страдания. Ее «пальцы» действовали: они держали стакан, зажимали ложку.

— Спасибо тебе, Зина, — говорил хирург. — Ты молодец! Я верил, я знал, что ты мужественный человек.

На всю жизнь запомнила Зина свердловского хирурга Николая Васильевича Соколова. И многих других свердловчан запомнила. Однажды летним днем в госпиталь явилась делегация молодых уралмашевцев. Девчата и парни обступили Зину, спрашивали о фронте, рассказывали о жизни и работе в тылу. Завязалась крепкая дружба фронтовички с молодыми рабочими.

Ветеран завода А. А. Лопатинская так рассказывает об этом: «После трудового дня мы шли в подшефный госпиталь. Он находился на улице Культуры, где теперь общедовали с ними. А если надо было, здесь же становились медсестрами, санитарками, донорами. Особая дружба связывала нас с Зиной Туснолобовой. Она стала нам родной сестрой...»

— А что, если тебе, Зина, побывать на нашем заводе? — предложила однажды Аня Лопатинская.

— Что ты?! — всполошилась Зина. — Напугать рабочих хочешь?..

Аню поддержали Люда Конева, Оля Зубко, Шура Белкина. На помощь девушкам пришел секретарь комсомольской организации завода Николай Тимошенко.

Зину одели в гимнастерку. Носилки поставили в сборочном цехе на танк.

— Товарищи! Сегодня в гости к нам пришла... — начал говорить Николай Тимошенко и споткнулся: — ...согласилась побывать у нас участница боев под Воронежем, отважный санинструктор Зинаида Михайловна Туснолобова...

Говорила Зина о войне, о боях на фронте:

— От вас во многом зависит успех. Я была бы счастлива, чувствовала бы себя снова бойцом, если бы вы хоть по одной заклепке на танках делали за меня...

Эти слова потонули в аплодисментах.

Утром из ворот завода вышло пять боевых машин, на башнях которых белой краской было написано «За Зину Туснолобову!»

КУЗНЕЦОВ Алексей Екимович,
сержант, разведчик

ИЗ ПИСЕМ ПОДРУГЕ

«Здравствуй, Паша! Сообщаю тебе, что я жив, здоров. Твои письма я получил. Признаться, они пришли в самые горячие часы. Читать их сразу мне не пришлось, положил я их ближе к сердцу и после боя начал читать.

Письмо тебе пишу, сидя на корточках, снял каску и открыл перед собой лист бумаги, в котором от всей души пишу свои мысли.

Любовь наша остается прежней, какой она была — вот что хотел бы я тебе написать. А твоя фотокарточка почернела, вся в дыму...

14.V.42.»

«Дорогая Паша! Ты пишешь, что тебе скучно и прощай меня, чтобы я чаще писал письма и веселил тебя. Интересно: а подумала ты — есть ли у меня время, чтобы тебе бесперебойно писать письма? Ты, по-моему, прекрасно знаешь, что я не на курорте. Так вот, ты из себя капризную дамочку не строй. Тут вот несколько дней не

умывался, да еще весели тебя. Выкроишь несчастных десять минут, чтобы написать письмо, а она — еще почаще... Лучше сама пиши по-рабочему и не принципиальничай.

Не обижайся, замечание вполне справедливое. Пиши ответ.

20.VI.42.»

«Здравствуй, Паша! Передаю я тебе горячий привет!

...Я из госпиталя выписался и меня направили пока еще не на фронт — в разведку. Разведчиком быть не так просто, дело опасное, но зато почетное. И пока я лежал в госпитале, изъявил желание — быть разведчиком. Скоро, значит, в короткий промежуток времени, поеду на фронт. До свидания.»

В скупых строках, написанных в короткие промежутки между боями девушке Павлине Невзоровой, сочетаются нежность и строгость воина. При выполнении очередного задания разведчик Алексей Кузнецов погиб под Старой Руссой.

ЖУРКИНА Надежда Александровна,
гвардии старшина, воздушный стрелок-радист,
полный кавалер ордена Славы

ИЗ ПИСЬМА МАТЕРИ

«Дорогая мамочка! Письмо твое получила. Ну, что ты волнуешься за меня? Мы с девчонками не воюем, а держим радиосвязь с нашими соколами. Мы под крышей и в тепле, честное слово.

Когда летят на задание наши орлы, завидуем им. Они бьют врага! А когда кто не возвращается — ревим, как дуры. Знала бы ты, что это за ребята!.. Храбрые и хоть молодые, а все почти имеют награды. Так что мы против них — замухрышки, особенно я, «красавица» в кирзах...

Сейчас жалею — надо было проситься в школу снайперов, по крайней мере, была бы фашистских гадов своими руками.

Береги себя. Не беспокойся, родная, я тебя ни в чем не подведу. Пиши, жду твоих весточек!

Твоя Надя.»

Надя Журкина родилась в Туринске Свердловской области. Со второго курса Московского юридического института добровольно ушла на фронт. Письма домой писала полусуточные, полуироничные, чтобы не тревожить мать.

А на самом деле было так...

На самолете-разведчике стрелок-радист Надя Журкина совершила 87 боевых вылетов в тыл врага, участвовала в 30 воздушных боях с вражескими истребителями, два из которых сбита лично.

Вылет в декабре 1944-го оказался особенно тяжелым... Немецким истребителям удавалось подойти к разведчику на дистанцию пулеметно-пушечного огня, и тогда пулеметы Журкиной и штурмана Александра Гуляева отгоняли их. Стрелки не заметили, как израсходовали боекомплект в своих пулеметах. У Нади осталось патронов на одну короткую очередь. В наушниках раздался тревожный голос: «В воздухе барражируют два «фокке-вульфа». Будьте внимательны!..»

«Снизу «фоккер!» — Надя увидела фашиста первая и прильнула к пулемету. «Вижу!» — ответил командир Виктор Манов и пошел на маневр, чтобы не дать врагу возможности вести прицельный огонь с близкой дистанции. Фашист, видя бездействие пулемета у русских, смелого настигал. Надя разглядела обтянутую черным хромом шлемофона голову и нажала на гашетку... «Промазала...» — огорченно подумала она.

...Поздно вечером в штабе им сказали:
— Задание вы выполнили отлично. Почему не доложили о сбитом самолете?

Манов и Гуляев в недоумении молчали.

— Ну в чем дело? Может, старшина Журкина даст объяснение?

Надя испуганно уставилась на командира полка:

— Товарищ гвардии полковник... Я сегодня никакой самолет не сбивала, честное слово!

Только тут и выяснилось, что Журкина последней очередью сбита фашистского аса, украшенного рыцарским крестом с бриллиантами... Тот был буквально потрясен, когда узнал, что сбита его молоденькая девушка!

...Надежда Александровна Журкина — почетный гражданин Туринска. Она — одна из четырех женщин страны, ставших полными кавалерами ордена Славы. В мирные дни она к боевым наградам добавила орден «Знак Почета», медали. Сейчас живет в Риге, пенсионерка.

КЫРЧАНОВ Степан Федорович,
младший лейтенант, летчик-истребитель, командир партизанского отряда «Тельман», Почетный гражданин поселка Томашевцы и города Зволена в Чехословакии

ИЗ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» (19.IX.42)

«...На летчика Кырчанова, возвращавшегося с задания, напали три немецких истребителя. Горючее у Кырчанова кончилось, он был ранен в руку, но продолжал вести бой. Протаранив и сбив один «мессершмитт», летчик благополучно спустился с парашютом.»

ПИСЬМО КОМИССАРА АВИАЧАСТИ МАТЕРИ О. М. КЫРЧАНОВОЙ

«Командование части выражает Вам большую благодарность за то, что Вы воспитали такого мужественного и храброго сына... В одной из воздушных схваток он вступил с единокровием с тремя вражескими самолетами. Фашистам удалось подбить его машину, но Степан не покинул поле боя. Он пошел на таран и богатырским ударом сбил гитлеровца. А сам спасся, выбросившись с парашютом. Правительством награждено его орденом Красного Знамени...»

ИЗ ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ «КРЫЛЬЯ РОДИНЫ» за 14.IX.42

«Никогда не забудет наш народ имя летчика-истребителя Кырчанова, который совершил лобовой таран и пал смертью храбрых...»

ПИСЬМО ИЗ ЧАСТИ МАТЕРИ

«Ваш сын, младший лейтенант Кырчанов С. Ф., уроженец Свердловской области, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, 5 февраля 1943 года не вернулся с боевого задания.

Командир части подполковник Крюков.»

ИЗ ПИСЬМА С. Ф. КЫРЧАНОВА СЛОВАЦКОМУ СОЮЗУ АНТИФАШИСТСКИХ БОЙЦОВ

«Дорогие товарищи! Настоящим письмом я хочу описать период из моей жизни, моей военной службы, в ко-

тором огромное, незабываемое участие принял Стефан Гложный, крестьянин деревни Свидерник.

В мае 1944 года мне выпало счастье в третий раз убежать из плена, из лагеря г. Оляу. В июле я дошел до деревни Свидерник. Зашел ночью в дом Стефана Гложного попросить хлеба и одежды, чтобы идти дальше на восток, домой, на родину. Здоровье мое было подорвано нечеловеческими условиями плена, а одежда была ветхая и бросалась в глаза. Я вкратце рассказал Стефану Гложному всю мою судьбу с момента, когда в бессознательном состоянии я попал в плен в феврале 1943 года, и о двух неудачных побегах. Он мне поверил и предложил остаться пока, а потом подумать, как быть.

Я жил у Стефана Гложного, как в своей семье, и за этот сердечный прием я благодарен ему и его семье — жене Веронике и матери Агнеше. При активном содействии Стефана Гложного мне удалось встретить еще трех наших офицеров, бежавших из немецкого плена. Один из них, Мелентий Вотинцев, сейчас живет в Пермской области, в селе Большая Соснова, об остальных не знаю — помню только, что одного звали Павлом, второго — Владимиром Бирюковым. Вот нас уже четверо. Стефан Гложный познакомил нас со своим земляком Павлом Гривиком, который скрывался как коммунист от преследования гестапо и местных гардистов.

Потом Гложному стало известно, что в деревню едут фашисты, чтобы забрать скрывающихся в бегах военнопленных (очевидно, кто-то донес). Стефан всех пятерых отвез в село Бытчу и познакомил нас с мельником (фамилию, к сожалению, не помню). У мельника мы взяли оружие, погрузили на телегу и поехали на мост через реку Ваг в Суловские скалы. Оружие сдали представителям подпольного комитета, которых Гривик знал хорошо, а сами поехали в район Попрада, куда явился за нами связной от партизан.

31 августа 1944 года я и Павел Болка с командиром бригады Е. П. Волянским были направлены в г. Зволен для организации партизанского отряда, который вошел потом в состав 2-й чехословацкой бригады «За свободу слова» — отряду присвоили имя «Тельман». Отряд ушел на венгерскую границу в г. Лученец и занял оборону в селе Томашевцы и его окрестностях, выполнил свою задачу и после ряда передислокаций 28 октября 1944 года через село Зволенская Слатина вместе с бригадой ушел в горы. Отряд с боями прошел в Рожнявы и в конце февраля 1945 года соединился с частями Советской Армии.

Дорогие товарищи!.. Еще раз передайте сердечный привет и благодарность тов. Гложному Стефану за его бескорыстную, активную помощь в борьбе с немецким фашизмом и прошу Вас оказать ему все возможное внимание и уважение.

С сердечным приветом
бывший командир партизанского отряда «Тельман»
Степан Федорович Кырчанов.

ПИСЬМО СТЕФАНА ГЛОЖНОГО ИЗ СЛОВАКИИ

«...Примите самое сердечное поздравление и постоянное воспоминание о вас, Степан! Все ваши подарки я получил, получил и часы «Полет». Мы с женой были очень удивлены, что вы послали столько подарков, а те часы с дарственной надписью будут указывать время моим сыновьям, внукам, правнукам и следующим поколениям.

Степан, если можно будет, приезжай хоть раз в Свидерник, и с женой. Павел Болка мог тоже быть. Поехали бы в лес, в ту хату, поговорили бы, повспомнили о прошлых боевых делах и о наших житейских делах за прошедшие двадцать лет.

Я, при моем здоровье, не решаюсь приехать к вам, в такую далекую дорогу, но я мысленно всегда с тобой. Вижу, как привел тебя в дом, глядя на тебя, доброго хлопца, вполне был убежден, что дойдешь до своей великой страны в полном здравии, что и исполнилось.

Приезжай в Словакию, она тебя радостно примет. Еще живут люди, которые тебя знают и рады будут видеть.

Навсегда твой брат Стефан Гложный.»

Степан Кырчанов до войны окончил Свердловский аэроклуб, а затем Пермское авиационное училище. В составе 721-го истребительного авиаполка защищал воздушные подступы к Москве. О его борьбе бок о бок с чехословацкими партизанами написана книга — «Замок на реке Грон» А. С. Абрамова. Сейчас С. Ф. Кырчанов живет в Свердловске, работает в тресте инженерно-строительных изысканий.

РУБЕЛЬ Михаил Борисович, гвардии старший сержант

ИЗ ПИСЕМ РОДИТЕЛЯМ

«Моя жизнь полна всяческих приключений. За короткое время я успел испытать на себе, что значит бомбежка с воздуха, участвовал в наступательной операции под Ржевом, посмотрелся на немецкие укрепления и лупил по ним из пулемета. В эти минуты несколько не думал о себе, — испытывал только радость от того, что проклятые фрицы бежали и падали.

Дом кажется мне волшебным сном. Очень волнуюсь за вас, за ваше здоровье, не знаю, как дела с квартирой, материальным обеспечением. Где моя маленькая жена?

Не беспокойтесь за меня. Если я и буду подвергаться опасности, то мою жизнь охраняют сотни моих товарищей, ибо на фронте мы все спаяны, как один человек.

5.III.43.»

«Вот уже восемь месяцев я оторван от нашей маленькой семьи. Правда, это происходит не только со мной... Я многому научился за эти месяцы — научился быть сдержанным, скрывать свою тоску, научился вести спартанский образ жизни и лишь изредка вздыхать по мягкой постели и английским книгам...

Раечка, нам радиотехнику преподает здесь некий капитан Смирнов, который сказал, что учился с тобой в одной школе в Свердловске, и передает тебе привет. Постарайся вспомнить. Мы готовимся к новым боям, в которых мы, радисты, должны показать весь блеск современной техники.

21.IV.43.»

«С большим опозданием вы получите мое поздравление с великим праздником 1 Мая, но от этого оно не будет менее искренним. Я отмечаю этот праздник вахтой. Вокруг тишина. Перед моими глазами пронесется детство, юность, родной дом, книги, спокойствие и уют, беспечное блаженство. Каким все это кажется туманным, невероятным и несбыточным!.. Не один я испытываю эти чувства: миллионы молодых людей оторваны от работы, от семей, от жен и невест, и мои личные мечты кажутся пустыми и смешными. Но я всегда был мечтателем и теперь, после тяжелых дней, полных напряжения, считаю своим законным правом помечтать.

Мои дела идут прекрасно. Специальность я быстро освоил, просто «взял штурмом», за остальное я спокоен. Буду действовать на фронте так, как мне позволят мои способности и силы. Одним словом, пусть этот праздник 1 Мая будет символом нашей встречи, нашей Победы!

1.V.43.»

«Мои дорогие! С невыразимой радостью читал ваши письма. С удивлением узнал, что папа и мама живут в Таватуе, что есть даже огород. Живите спокойно, мирно, не беспокойтесь обо мне.

Над головами вылетят немецкие самолеты, но не бом-

бят, а наблюдают за нами. Немцам кисло будет в это лето, это не 1942 год! У нас сейчас, пожалуй, самолетов побольше, чем у них.

Мамочка, большое спасибо за книгу, я ее получил и теперь каждую свободную минуту читаю, она поможет мне не забыть свою специальность.

Раечка, забрала ли ты мой диплом? Когда вернусь, непременно буду работать на инфаке (нагонять страх на студентов!).

Папочка, пиши, как с работой? Не тяжело ли тебе? Черт возьми, вернусь — и ни ты, ни мама не будете у меня больше работать! Мы с Раей будем заниматься науками, а вы будете лежать и читать книги!

10.VI.43.»

«Мы все кочуем и кочуем. Повидал массу мест, людей, испытал на себе, как незнакомая женщина с плачем тащит в избу и угощает последним, что у нее есть. Никакие отказы не помогают...

Налеты авиации, обстрелы, бомбежки для нас теперь стали привычными. Едим кашу, когда сверху проносятся вражеские самолеты. Не пугаемся — ведь мы гвардейцы!

3.VII.43.»

«Я уже не радист, а минометчик. Испытал специальности автоматчика, пулеметчика, радиста, минометчика, и все — в боевой обстановке. Ничего не поделаешь, так необходимо. Ощущаешь в руках тяжесть холодной мины, затем грохот и пронзительное жужжание... С радостью сознаешь, что твоя мина понеслась на головы проклятых бандитов...

13.VII.43.»

«Мамочка, твое последнее письмо показало мне, что ты сильно волнуешься обо мне, и это вредит твоему здоровью. Успокойся! Часть, в которой я нахожусь, не простая, ей придается громадное значение, она прекрасно вооружена и, наряду с храбростью, в ней существует глубокая забота о людях. Конечно, полностью тебя я не смогу успокоить, сейчас волнуются миллионы матерей. Но нужно быть бодрыми, уверенными в хорошем исходе, иначе просто не выдержать такого напряжения.

Рая, побольше будь с мамой, ты ведь умеешь держать себя в руках и помочь в этом другим.

7.VII.43.»

«Я безумно хочу домой, но только победителем, гордым, непреклонным, о котором бы все товарищи смогли сказать: «Он храбро бился, по-геройски, по-уральски!» Говорю вполне серьезно, что немцы буквально трещат по швам. Особенно сильно действуют наши «катюши». Звери отступают, никакие усилия им не помогают. Верьте мне, близок их конец!

24.VII.43.»

«Я сейчас наблюдаю, какие страшные разрушения оставили фашистские псы. Деревни сожжены, жители ютятся на камнях, развалинах, в сараях и погребках. Но зато всюду торчат разбитые немецкие танки, броня их хваленая лопнула, как скорлупа, нет больше «тигров» — есть «шакалы», бегущие прочь, поджав хвост. Нет больше немецкого торжества, медленно огрызаясь, уходит враг с нашей земли, оставляя за собой кровавый след... Все силы приложим, чтобы «помочь» ему идти скорее (как говорят военные — «шире шаг!»).

19.VIII.43.»

«Армия наша продолжает двигаться вперед. Хотя и велики трудности, хотя и грозны бои, хотя и масса танков рвется на наших героев, но все равно — наши грозные, озлобленные, серые от пыли и усталости бойцы рвут фашистов, и шаг за шагом оживает земля нашей Родины... Особенно трогательны встречи с освобожденным населением, исхудавшими, но радостными и счастливыми людьми. Женщины выносят ведра с водой, молоком, квасом и си-

дят на крыльце, пока все части не пройдут мимо. Сидят, чтобы усталые, потные бойцы могли напиться...

29.VIII.43.»

«Жив и здоров, не волнуйтесь! Пережили страшные бои. Теперь часть на пополнении. Немцы сильно укрепились и били из орудий и минометов, огнеметов так, что головы из щели нельзя было поднять. И все же — отступают!.. Я уже привык ко всему, а сначала, бывало, волосы на голове шевелились. Человек — очень сильное существо...

8.IX.43.»

«Мои дорогие! В моей жизни громадные изменения. Я уже в другом полку и в другой дивизии. Чудом спасся от неминуемой гибели, но за какие-то часы испытал столько, сколько не испытывал за все время фронтовой жизни.

Я находился с минометной ротой на наблюдательном пункте. Мы пробрались сюда глубокой ночью, зарылись в землю и замаскировались метрах в тридцати от немецких окопов. В шесть утра мы начали корректировать огонь нашей батареи; около щелей рвались снаряды и мины... Я вырыл проход под углом тридцать градусов к основной щели, в восемь утра мы вынуждены были забраться в этот ход, ибо начала работать «катюша». В девять нам по телефону передали: «Сматывайте линию, прибывайте на батарею. Полк отходит, связь кончаем».

Мы приготовились отходить, но НП был открыт — враги обрушили огонь на наш окоп. Стали рыть другой ход, под углом семьдесят градусов... И вдруг рядом раздался взрыв. Я совершенно оглох. Когда пришел в себя, — увидел рядом мертвого командира. Остался я один, грязный, потный. Старался зарыться поглубже. «Тигр» подошел совсем близко и «плюнул» в мой окоп из огнемета. Я скрючился как мог в своем углу, однако чувствую: буду изжарен живьем... Но танк, решив, что со мной покончено, отошел. Зато пошли немецкие цепи... Прикрывшись телами убитых красноармейцев, я лежал весь день. Наши части на этом участке отошли, чтобы с ночи ударить снова, но я ведь об этом тогда ничего не знал. Слышал немецкий говор над моим окопом, кто-то заглядывал в него. А я... не заметил, как уснул.

Очнувшись от страшного грохота: начали бить наши орудия, и — по мне. Три часа длился обстрел, и когда началось наше наступление, когда послышались русские слова над моей головой, я вылез из своей могилы и побрел напрямик, наугад, к своим...

Моя часть после больших потерь отошла на пополнение в тыл. Я попал в другую часть, где сейчас и нахожусь. Отдохнул, поправился, но до сих пор вздрагиваю по ночам. В новой части мне хорошо, пригодилось здесь и мое умение чертить карты и ориентироваться.

Теперь, когда я вне опасности, мой рассказ пусть не очень пугает вас — все позади! Больше всего я боюсь, что раньше этого письма вы можете получить извещение о моей «гибели». Не беспокойтесь, жив!

Именно теперь я и собираюсь жить.

17.IX.43.»

Не суждено было сержанту Рубелю дожить до победы: он пал смертью героя у города Сергеева. Здесь и похоронен воин-уралец.

МЕНЬШЕНИНА Антонина Филипповна,
ефрейтор медицинской службы

ИЗ ПИСЕМ РОДНЫМ

«Милый папа! За то время, что я нахожусь в своей части, у меня произошло много изменений. Принятие присяги, присвоение звания ефрейтора и, наконец, получение

правительственной награды — все это обязывает меня совершенствовать снайперское мастерство.

Тяжело видеть сожженные села и города Калининской области... Два дня назад были на тактических занятиях. Проходя через деревни (если их так можно назвать, а по существу — нет ни одного дома), я видела измученных, изнуренных людей, которые на себе испытали варварскую руку фашизма. В одной из деревень к нам подошла старушка, которая рассказала следующее: два месяца немцы издевались над мирным населением, избивали стариков, насиловали девушек, грабили колхозное добро, охотились за маленькими детьми, которых живьем бросали в колодезь. И эта старушка, мать четырех воинов, со слезами подвела нас к колодезю, куда было сброшено немцами двадцать два советских ребенка, таких же маленьких и любимых матерями, как наша Клара...

Знаешь, папа, я счастлива, что в дело освободительной войны вношу и свою долю стараний. После войны я смогу честно, спокойно смотреть в глаза любому советскому человеку.

Сейчас учусь в полковой школе младших командиров на курсах снайперов. Сама учусь и обучаю новичков. Немножко подкачал мой правый глаз, но я не унываю и приспособилась целиться через оптику левым глазом. Постараюсь, чтобы ласковое и нежное слово «снайпершкa» (так называют меня друзья) в грядущих боях звучало грозно: снайпер.

26.VI.43.»

«Милая мама!

Сейчас ночь, сижу в блиндаже вся вымокшая и грязная. Льет дождь. После десятидневного боя наша часть отведена. У меня большое непоправимое горе: шесть часов назад убит мой любимый друг Юрий Мишин. Тело его не удалось вынести с поля боя... Почему он лежит там, ведь он заслужил, чтобы его вынесли...

Родная! Мы крепко любили друг друга. Он все время охранял и оберегал меня, во время бомбежки прикрывал своим телом, боялся даже поцелуем осквернить нашу дружбу. Мы часто мечтали, что после войны будем учиться в Москве: он — в академии, а я — в училище. Хотели пожениться после войны...

Когда вышел из строя пулеметный расчет, он лег за «максим» и отбил три контратаки противника. Второй раз, уже посмертно, он награжден орденом Красного Знамени (у него был орден Красной Звезды). Хочется написать многое, но сейчас не могу...

17.VII.43.»

«...Нашей части выпала доля форсировать речку. Одна партия за другой переправлялись на противоположный берег. Враг встретил нашу пехоту шквальным огнем... Под таким огнем я и моя подруга Маша Лавро переправляли раненых, находясь по пояс в холодной воде. Можете себе представить... за одну ночь мы с Машей переправили 85 раненых...

4.III.44.»

«Сообщаю, что первой из женщин дивизии форсировала Днепр. Участвовала в уличных боях в Могилеве. Только что рядом разорвался снаряд, ранило двух бойцов. Перевязала. Беспокоит артиллерия...

17.VI.44.»

Последнее письмо храброй медсестры осталось неоконченным и неотправленным: 19 июня на ее долю достался осколок снаряда...

Она мечтала стать актрисой, в 1941-м поступила в театральный институт. Но война требовала свое. Солдатская судьба девушки сложилась так, что вместо санитарной сумки она взяла в руки снайперскую винтовку и в первом же бою уничтожила девять фашистов. А боец Степанов написал родным Антонины, что Тоня, сама раненная, в одной схватке убила семь немцев из немецкой же винтовки. Ее звали «девушка с ружьем...»

ЧЕМПАЛОВ Иван Никанорович, младший лейтенант, артиллерист

ИЗ ПИСЕМ В. В. ПОПОВОЙ, ПРЕПОДАВА- ТЕЛЮ УНИВЕРСИТЕТА

«...С осени умудрился прочитать несколько попавшихся под руку книг, в том числе Достоевского. Под Волховом вместе с другими я бежал в укрытие от налетевших немецких самолетов и по дороге захватил несколько книг. А сейчас ребята покурили все, что способно гореть...

16.XII.43.»

«Получил от Вас письмо, а позже и бандероль. Благодарю за то и за другое! «Литературный Урал» здесь совсем зачитали. Очень хорош перевод Лонгфелло! Понравилась мне и лирические стихи. Это был для меня неожиданный и приятный подарок!

Начал понемногу заниматься английским. За неимением чего-либо подходящего (кроме текстов на консервных банках!) читаю детские рассказы — все-таки тренировка!

19.II.44.»

«Исполнился год, как я нахожусь в армии. Тяжелый год, но пролетел скоро. Если и следующий будет таким же, то, очевидно, с десяток лет (а мне пошел четвертый) еще прибавится...

12.III.44.»

«...Когда я был гражданским человеком, то иногда на заводе было так тяжело, что думалось: пропадешь, не выдержишь. А вот теперь видно, что все это были цветики, а ягодки...

И здесь приходит весна, правда, робко: днем оттаит, затем — снег, и снова все скует. Радуемся мы весне, как грубые материалисты — раз весна, значит, тепло, и солдату лучше станет!

Достал два скверных английских учебника. Был бы очень благодарен, если бы удалось Вам достать и прислать мне что-либо из художественной литературы на английском.

22.III.44.»

«Времени свободного ни минутки. Вот и письмо вчера начал утром, но не уверен, что допишу и отправлю сегодня. Пишу при свете копилки, а бумага — сами видите, какая, пишешь на всем, что под руку попадет. Хорошо, что достал и такую, и даже карандашом своим обзавелся.

Достал Тураева «Историю Древнего Востока», думал, что смогу заняться повторением, но времени, и условий совсем нет.

Узнайте, пожалуйста, где сейчас размещается университет. Учатся ли на истфаке М. Губанова и Полина Корепанова? Они медсестры — может, тоже на фронте. От них я надеюсь узнать о наших ребятах.

12.IV.44.»

Студент-заочник исторического факультета Уральского университета Иван Никанорович Чемпалов сдавал экзамены, когда началась война. Повестка из военкомата обошла его стороной, ибо он был специалистом Челябинского абразивного завода и имел бронь. В феврале 1943 года, когда началось формирование Уральского добровольческого танкового корпуса, Чемпалов подал заявление, и его зачислили в инженерную роту. В сентябре 1943 года командование направило его в танковое училище, а через год — в училище самоходной артиллерии. С получением звания младшего лейтенанта он стал командиром взвода САУ-100.

...А историю воин не забыл. В 1946 году окончил службу, в 1948 году — университет. Сейчас Иван Никанорович Чемпалов — доктор исторических наук, профессор Уральского университета.

БАРЫШЕВ Василий Степанович,
рядовой, артиллерийский разведчик

ИЗ ПИСЕМ УЧЕНИЦЕ М. КОЧЕРОВОЙ

«Здравствуйте, Рита! Примите привет от своего учителя Барышева В. С. Пишу Вам из Восточной Пруссии, прибыл в свою часть и снова бью проклятых гитлеровцев на их земле... Если не трудно, черкните о себе... Я тоже буду писать по мере приближения к Берлину. Моя семья рассыпалась: Боря служит в РККА, я тоже воюю. Вовик живет у бабушки в Куйбышеве, жена скончалась. И все это вызвано обстоятельствами войны. Проклятые немцы!..

17.XI.44.»

«Сейчас три часа ночи. Только что пришел с поста, согрелся у печки и решил написать Вам. О себе писать нечего. Жив и здоров. Бьем крепко фрицев и тесним их на запад. Вот и все. Мне хотелось бы подробнее знать о Вашей жизни: она привлекательнее, богаче содержанием... Здесь мы привыкли к словам команды, к выстрелам, разрывам, к крови, словом, ко всему, что именуется войной. Вот почему так велика потребность в теплых словах...

Пишите, Рита, хотя бы немного, несколько строк, и больше о себе. Я знаю, что Вы будете писать во имя будущей нашей встречи после войны, в шесть часов вечера, у свердловского театра; и еще потому, что Вы самая чуткая, самая отзывчивая из моих друзей.

Скоро Новый год. Это день моего рождения. 1943 год я встретил под стенами Сталинграда, а 1945-й встречу в Восточной Пруссии. Я подниму бокал с вином и произнесу тост за свою Родину, за ее счастье и славу, за нашу победу; я выпью за моих родных и друзей. А за Вас, Рита, я выпью отдельно, как за самого лучшего друга.

28.XII.44.»

«Ваше письмо, Рита, я получил. Здесь днем и ночью идут ожесточенные бои, немцы отчаянно сопротивляются, боясь открыть нам ворота на Берлин. Письмо читал под гром артиллерийской канонады, и весь мир — говорю без преувеличений — сжался до листка бумаги. Вы представились мне той Ритой, которую я знал в девятом классе школы. Но я старался многое изменить в Вашем образе: Вы были тогда девочкой, а с тех пор прошло более трех лет... Я представил Вас возмужалой, цветущей, красивой девушкой, без жеманства и кокетства, без притворства и многих других отрицательных черт. Вы, Рита, искренний, самый лучший друг мой... Я верю в нашу дружбу: она ободряет меня и успокаивает.

Скоро закончится война, и воины-победители вернуться домой, к родным семьям, к своим очагам, к своим друзьям. Я, если буду жив, тоже вернусь, и одной из самых радостных встреч будет встреча с Вами, Рита. Мы так много расскажем друг другу о пережитом, заглянем в будущее... Пусть это будет не последняя встреча, мы будем видеться и никогда не потеряем друг друга из виду. Ведь правда, Рита?..

17.II.45.»

«Спасибо, друг мой, за Вашу весточку... Мои боевые друзья передают Ваши письма мне всегда с требованием поплясать: выделывать какое-нибудь антраша на единственной здоровой правой ноге — и под аплодисменты вручают письмо. «Хорошая специальность у Риты — будет журналисткой, неплохо это», — так оценили мои друзья Ваше будущее поприще.

В Пруссии началась весна: быстро тает снег, идут иногда дожди, дуют ветры. У нас, на Урале, весна наступает последовательнее. Зима прошла в битвах за Пруссию и закончилась нашей победой: сейчас немцы в крепком кольце. Они оправдывают свое поражение тем, что

это они «научили нас воевать». А мы им отвечаем: «Вы, мол, нас научили, а мы вас отучим воевать!»

О жизни стоит подумать, Рита, и я думаю, но не по-обломовски, а так, как может думать каждый: о жизни, которая будет строго размерена сочетанием и физических, и духовных, культурных интересов. Право, странно: здесь жизнь ежеминутно подвержена смертельной опасности, здесь с презрением смотрят на смерть, отдают жизнь за Родину и, кажется, жизнь и в грош не ставится; но она здесь и более ошутима, более дорога каждому воину...

12.III.45.»

«Сегодня день отдыха, это бывает редко на войне. Дней пять тому назад мы ликвидировали одну группировку немцев, прижали к морю и уничтожили. Туда им и дорога. Я никогда не забуду той минуты, когда к небу взметнулись сотни и тысячи разноцветных ракет, возвестивших нашу победу. Мы бросали ракеты, кричали «ура!» Осталась еще одна задача: ликвидировать последнюю группировку — кенигсбергскую, и тогда Пруссия будет поставлена на колени. Это будет скоро, через десяток дней.

Направление берлинское!.. Поверьте, Рита, в апреле — мае мы будем в Берлине...

3.IV.45.»

...Оборвалась переписка учителя-литератора Ирбитской средней школы № 1 Василия Степановича Барышева со своей ученицей Маргаритой Кочеровой. Пропал солдат без вести. Отвоевался на западе, прошел благополучно сквозь огонь многих боев, а на востоке, куда бросила его военная судьба, беда не минула артиллериста Барышева.

Остались письма, которые бережно хранит и по сей день свердловчанка Маргарита Сафонова. Дороги они ей, ибо тот человек, который так душевно писал ученице с войны, был образцом для юной девушки.

Он мечтал о встрече с ней, и она мечтала о встрече с ним. Но война распорядилась по-своему...

*Рисунок
Н. Мооса*

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Иван
ЛИРОВ

Имя Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова вошло в историю нашей Родины как имя выдающегося полководца. Он внес большой личный вклад в строительство Вооруженных Сил Советского Союза, снискал всенародную славу на полях сражений с врагами Советского государства.

С именем Жукова связывались добрые надежды, его имя было окружено солдатской любовью. Георгием Константиновичем дорожил Верховный Главнокомандующий. При разработке планов стратегических операций Сталин учитывал его мнение и нередко спрашивал:

— Что думает по этому поводу товарищ Жуков?

После войны, когда Жуков командовал войсками Уральского военного округа, мне посчастливилось лично встретиться с прославленным полководцем.

Крепкого сложения, широкоплечий, невысокого роста, всегда собранный и подтянутый, Жуков излучал богатырскую физическую силу. Его ухаживавшимся вперед подбородком выражало негибкую волю. Глаза смотрели умно и пронзительно.

Я работал в окружной газете «Красный боец» и видел Жукова на совещаниях, при выездах в гарнизоны, на различных общественных мероприятиях и в свободное от службы время. В любых обстоятельствах в нем, прежде всего, просматривался прирожденный военный, с безукоризненной армейской выправкой. Уставная требовательность к себе и подчиненным была для него непреложным законом, а корректность — свидетельством высокой культуры. Повседневные распоряжения он, как правило, отдавал в форме просьбы.

— Проследите, Николай Александрович, чтобы все было выполнено к сроку, — говорил он командиру соединения.

...Рабочий день в редакции подходил к концу. Зазвонил телефон. Я снял трубку: на проводе был начальник Политуправления округа полковник Белоусов. Он передал просьбу зайти к командиру.

К назначенному времени я был в приемной. Офицер дал поручений жестом показал на дверь. Войдя в кабинет, я, как положено, встал по стойке смирно и начал:

— Товарищ Маршал Советского Союза, подполковник...

Жуков, сдержанно улыбаясь, преврал доклад:

— Не надо тянуться. Я пригласил вас выполнить работу, во время которой вы должны быть свободны, не обращайтесь внимания на субординацию.

Георгий Константинович выдвинул ящик большого письменного стола, покрытого зеленым сукном, и достал из него отпечатанную на машинке статью. В непринужденной форме он пояснил, что требуется. Он хотел, чтобы статья была доходчивой и выразительной.

— Не стесняйтесь истертое, на ваш взгляд, слово заменить более ярким, тяжелую фразу — облегчить, — говорит Жуков, а я слушаю, не сводя с него глаз.

Строгость кабинета, строгость военной формы, маршальские звезды на погонах — все постепенно растворилось в человеческой простоте. Давившая меня вначале скованность прошла сама собой. Никакой суровости или превосходства не ощущал я в поведении маршала, естественность придавал ему спокойный, деловой тон разговора...

Говоря о человеческих достоинствах маршала Жукова, не могу не рассказать о забавном эпизоде, имевшем место во время летних учений в одном из соединений округа.

Часть соединения отработывала наступление на заранее укрепившегося «противника». После офицеры части были приглашены в клуб для подведения итогов. Георгий Константинович последовательно оценивал действия подразделений при выполнении ближайшей и последующей задач, отмечал успехи и недостатки. Когда речь пошла об одной из рот (по существу, не достигшей своей цели), с места по стойке смирно встал молодой старший лейтенант. Жуков, окинув его взглядом, спокойно спросил:

— Как ваша фамилия?

При гробовой тишине в зале офицер молчал. Жуков громче повторил свой вопрос. Старший лейтенант продолжал молчать. Собравшиеся были в недоумении.

— Я спрашиваю вас, как ваша фамилия? — еще громче произнес Жуков.

— Забыл, товарищ маршал! — отчеканил наконец старший лейтенант.

В зале раздался неистовый хохот, рассмеялся и Георгий Константинович. На этом разбор действий девятой роты закончился. Но Жуков все же задержал старшего лейтенанта, указал на его промахи и посоветовал в любых условиях не теряться.

Жуков до мозга костей был преданным сыном нашей партии, его отличали скромность, идейная принципиальность, высокая партийность. В политорганах и армейских партийных организациях он видел силу и основу патристического, морально-правствен-

ного воспитания защитников нашего Отечества.

Вспоминаю его на окружной отчетно-выборной партийной конференции. Он сидел в президиуме, внимательно слушал выступающих и, часто склоняясь над блокнотом, делал записи. Делегаты конференции — солдаты, сержанты, офицеры делились опытом, говорили об успехах, отмечали теньевые стороны жизни войск. Многие именно критиковали работников штаба округа. Равнодушных, скучающих лиц не было. Выступил десятка делегатов. Очередь дошла до Георгия Константиновича. Зал был весь внимание.

Поднявшись на трибуну, Жуков обстоятельно проанализировал состояние боевой и политической подготовки войск и предельно ясно изложил свои соображения о том, как следует взяться за работу делегатам конференции. В заключение он сказал:

— Острая критика, которой были подвергнуты работники штаба округа, в значительной мере относится и ко мне, ибо партия и правительство возложили на меня персональную ответственность за боеготовность войск. Критику, которая была лично в мой адрес, я расцениваю как вашу сердечную заботу об авторитете командующего.

После этих слов надо было видеть, что творилось в зале. Делегаты бурно и долго аплодировали. Каждый сознавал, что нелицеприятная деловая критика — это оружие сильных, верящих в свое дело людей, единомышленников, которые говорят о своих недостатках для того, чтобы устранить их и идти вперед более уверенным шагом.

Георгий Константинович привлекал людей отзывчивостью. В часы приема к нему шли с просьбами и вопросами военные и гражданские и каждый уходил удовлетворенным, успокоенным.

Память сохраняет образ Жукова на службе и вне ее. Если на службе маршал придерживался строго уставного порядка, не допускал отступлений от субординации, то в свободное время он был демократичен, дорожил чувством товарищества. В компании он охотно поддерживал разговор о прочитанной книге, новом фильме, не чуждался обычных житейских разговоров.

Георгий Константинович по-русски горячо любил природу. В свободное время его можно было видеть на охоте или рыбалке. Помнится костер на берегу озера. Солнце медленно опускается за горизонт. Деревья стоят, не шелхнувшись. Над костром — котелок. Удобно расположившиеся вокруг огня рыбаки, предвкусывая наваристую уху, рассказывают охотничьи байки. Среди них — Жуков. Слушая других и сам рассказывая охотничьи приключения, он задумчиво смеется...

Борис
МАРКОВ

ТАНК

ПОНОМАРЕВЫХ

Неторопливо идет наш разговор. Вспоминает солдатская вдова и мать свое лихотное жите и бытие и мешает слезы со смехом. А с портретов глядят с неизменным спокойствием на состарившуюся Ираиду Федоровну муж и сын.

— Как сливаться стали в колхоз, вступили сразу. Чуть не сожгли нас, за колхоз-то, не всем было по нутру. Было у нас три сына и дочь. Отец присушил их к земле. Старшие стали трактористами. Они завсегда были на переднем плане. А как же? Ведь от них все богатство: как вспашут, так и будет. Все умели — пахать, сеять... Летом, как раз в покос, муж мой наказал: «Береги детей, война-то миром кончится, им жить и жить». И ушел воевать. Потом Ивана, старшего, взяли. Помню, Лактион, наш средний, только пришел с работы, печь топились. Садись, говорю, поешь. А тут нарочный из сельсовета: к девяти быть в военкомате. Не успел и руки вымыть...

Медленно вращаются катушки магнитофона — это на вечную память потомкам. Кончиком платка вытирает слезу, кивает на картинку, забранную под стекло:

— Вячеслав, младшенький наш, в детстве где-то достал. Ох и бедовый был. И его в сорок втором война позвала.

Вздыхнув, подходит к сундуку, что-то ищет в нем. Бережно разворачивает сверток, закутанный в тряпицу и старую газету. Сверкнув на солнце, на стол легла пластинка из нержавеющей стали. На отполированной поверхности выгравированы слова: «Сыну и мужу Пономареву от Ираиды и Евдокии Пономаревых».

В музее Уралвагонзавода висит фотография. На ней — танк, группа людей, среди них две женщины. И подпись: «Люди вносили свои сбережения в Фонд помощи фронту... Один из танков, приобретенный на средства трудящихся». А экскурсовод обязательно добавит: «Фамилии этих женщин, к сожалению, не знаем». И так было на протяжении тридцати семи лет...

— Опустела деревня. Собрал нас председатель, — продолжает рассказ Евдокия Игнатьевна, сноха, жена сына Ивана, и говорит: «Ну, дорогие мои, надо теперь в четыре руки работать каждой. До победы неизвестно как долго». Сам-то молоденький, видно, не опытный, но взгляд строгий, слово твердое... Теперь уж и не помнится, кто первым предложил собираться с прялками да вязанием. Раз в неделю. «Красной пряхой» называли эти дни. Мужьям и детям нашим война, и нам — война. Надо было терпеть. Есть нечего, разуты, раздеты, а мы песни поем. Наплачешься, нагорюешь — и опять поешь: То ли горе так вытерпит человека, что ему всякая беда нипочем... Вместе переживали горе, если кто вдруг получал похоронку. Вместе радовались каждой весточке с фронта. Варезки, свитера, носки отправляли на фронт.

К матери подсаживается дочь, которой и самой уже за пятьдесят:

— Мама говорит: «Вот, дочка, будем танк покупать». Я чуть не обмерла: какой танк? Это ж не овца и не корова, он и денег-то стоит немалых. Да, отвечает, большие, шибко большие деньги нужны. Как же, мама, жить-то тогда будем? А ничо, отвечает, переживем, на фронте-то, поди, как труднее, а здесь-то как-никак переживем... Ох и долгая война эта была! Сейчас годки не успеваешь считать, а тогда зима тянется, тянется... Дак ведь не такая, как ноне. Ноне зимы теплые.

— Как же, теплые! Одеты, обуты, вот и теплые... А с танком так получилось. Борис Павлович, председатель наш, купил самолет. Нас и заело: мы хуже, что ли? Стали со сношенкой Дусей думать, чем помочь фронту. Придумали: купим танк. Продадим картошку, двух телок да тридцать пудов зерна, заработанных еще сыновьями. А не хватит, так и другое все продадим.

В студёный январский день 1943 года на шести подводах отправились в город. Три дня добирались. Три дня продавали картошку и мясо на рынке.

— Деньги рассовали по мешкам, закутали в рогожу, в ночь выехали. — Свекровь лукаво посмотрела на сноху, и, словно сговорившись, они рассмеялись.

— Ну как не догадалась сдать деньги в Госбанк — ума не приложу!.. Утром приехали в Петрокаменское. В райкоме партии уже ждали. Выскочили из саней и бегом в дом. И — к печке. Замерзли — страсть! На нас смотрят, что-то спрашивают, а мы как ни в чем не бывало топчемся да греемся.

— А про деньги-то совсем забыли.

— Как вспомнили — бегом к саням.

— Ихний-то конюх корм лошадям задает. Чуть его с ног не свалили...

— Давай шабуршить в санях. Конюх кричит: «Что вы это, бабы, с ума сошли, что ли?»

— Насчитали: пятьдесят одна тысяча! Снесли в Госбанк...

— А потом, на заводе, все нам показали — от винтика до целого танка.

Блестя свежей краской, из заводских ворот вышел танк. Из люка показался танкист, отыскал глазами женщин, высунул руку с поднятым вверх большим пальцем — отличная, мол, машина.

Собрались рабочие. Начался митинг.

— Все сыны мои и муж на фронте... — Больше ничего не могла сказать Ираида Федоровна: слезы застигли глаза, перехватило горло.

— Спасибо, мать! Не продолжай, все понимаем! — раздался голоса.

— Посадили нас в танки — два их было — и поехали в деревню. Сижу в танке, думаю: хорошая машина, шумно только.

В солнечный февральский день жители Новой Башкарки услышали непривычный для тех мест гул. Высыпали на улицу. Увидели танки. Оторопели. Но тут же разнеслась весть, что Ираида со своей снохой Дусей приехали с покупкой из города. Танки остановились возле дома Евдокии Пономаревой. Вокруг столпились колхозники и ребяташки. На броне одного танка оранжевыми буквами горели слова: «Сыну и мужу Ивану Пономареву от Ираиды и Евдокии Пономаревых».

— На заводе хотели прикрепить вот эту пластинку. Примерили — не поглянулась. Тогда другую приспособили, большую. А эту отдали нам на память...

На танк поднялась Евдокия Игнатьевна:

— Из нашей семьи четыре дорогих нам человека находятся в рядах Красной Армии и беспощадно бьют проклятую немчурку. Мы рады успехам на фронте и стараемся не отставать от них, отдаем все силы. Мы решили купить танк на свои личные сбережения и послать его нашему сыну и мужу Ивану Максимовичу. Пусть доргой наш Ваня гонит врага с родной земли...

Не знали Пономаревы, что их Иван не танкист. В письмах спрашивали: «Что делаешь на фронте-то? Пахать-то там некого». А он в ответ: «Воду вожу». Много не рассказывал, чтоб не переживали.

Иван Максимович и в самом деле возил воду. Не только возил, но и добывал ее — воевал сапером. Вступает в разговор и он:

— Как узнал, что мама и Дуся танк купили, удивился и обрадовался. Все смотрел на танки, наш хотел увидеть.

Есть памятник на центральной усадьбе совхоза «Башкирский». Когда открывали его, дети вслух читали плачущим матерям фамилии, соединенные отныне общим кам-

нем. Семьдесят семь парней, дедов и прадедов не вернулись с фронта. Среди них Максим Ефремович и Вячеслав Максимович Пономаревы. Отец и сын.

В День Победы, в родительский ли день или просто в день, когда живые вдруг особенно затоскуют по мертвым, несут сюда цветы. Склоняют седеющие головы братья Иван и Галактион Пономаревы. Слезинки скатываются на боевые ордена и медали. Вздрагивает сгорбленная спина маленькой женщины — вдовы и матери солдатской... А чуть сзади стоят дети — внуки и правнуки Ираиды Федоровны, дети Ивана, Галактиона, Тamarы.

— Как отправили танк на войну, в партию вступила...

— Мы на собрании говорим: «Ты, Федоровна, в нашу победу вложила не только танк, но и душу», — вспоминает Борис Павлович Кравченко.

Домик солдатской вдовы и матери стоит на окраине деревни. Рядом лес. Две красные звездочки на доме. Это тоже память — о муже, о сыне, о войне.

Мать и дочь вспоминают... Мать сурова, спокойна, не плачет, плачет дочь, которой в 1941-м исполнилось двенадцать лет. У Тamarы Максимовны сейчас уже двое взрослых детей и внучка. Может, потому она о войне и говорить без слез не умеет, что примеряет неволью свою юность к детям своим, тягостям тем сейчас запоздало ужасается: как вынесли?

А вот вынесли! И крепко, счастливо стоят на уральской земле Пономаревы.

— Богаче меня никого нет: тринадцать внуков и двадцать три правнука! — Ираида Федоровна улыбается, снимает очки. — Хотя бы не было больше войны! Пусть внуки наши, дети наши поживут без войны!

«Хочу»,

И

ВСЕ ТУТ

Писем с просьбой рассказать о какой-либо профессии, дать адрес учебного заведения, где можно получить ее, в почте журнала много. И многие из них вызывают искреннее желание помочь советом, дружеским участием. Но сегодня поговорим о тех случаях, когда автор письма не дает себе ясного и полного отчета в том, чего, собственно, хочет, не долго размышляет над своим выбором, да и усилий никаких не прикладывает, чтобы узнать о деле, которому решил посвятить жизнь.

«Сначала я хотела быть медиком. Потом — юристом. Потом — стюардессой... А потом поняла, что все это можно воплотить в одной профессии — профессии актера. Хочу быть актрисой...» Лена Б.»

«Как получить специальность эксперта-криминалиста!..» Оля Г.»

«Мечтаю снимать фильмы. Что для этого надо?» Василий Д.»

«Хочу быть спортивным комментатором. Прилично комментирую любой матч...» Сергей И.»

В жизни так много разнообразнейших дел, где можно попробовать свои руки, голову, душу, наконец, но тут, в этих письмах, явно проглядывает прежде всего стремление ребят к романтической, «красивой» жизни.

Само по себе стремление к романтическому нездорово.

Но иногда ребята не хотят понять одну простую вещь: прежде всего, «красивая профессия» не исчерпывается романтическим ореолом, а зачастую, при близком знакомстве с самим делом, и лишена его. Во всяком случае — в том виде, в каком она представляется поверхностному мечтателю. Кроме того, лелеемая область «заманчивых профессий» далеко не безгранична, чтобы вобрать всех желающих. Не хотят ребята понять, что, кроме желания войти в эту область (пусть горячего), необходимы огромные настойчивость, упорство, необходим титанический труд. И что далеко не всем, даже «пробившимся», удастся достичь высот, полного удовлетворения.

Если понять все это, легче найти свой путь, пусть не обставленный атрибутами внешней значительности, но необходимый людям, необходимый самому себе.

Знакома мне одна личность, в полном смысле слова «навоображавшая себе», а в результате — потерявшаяся, надолго выпавшая из деятельной жизни. Сначала эта личность пописывала стишки — бледные, замутненные массой слов, не скрепленных идей. Потом отправилась поступать в театральное училище. Потом решила, что драматургия — это лучшее применение своих способностей, и бросилась писать пьески. Потом запила, обвиняя всех в тупоумии и неспособности понять ее ослепительный талант. Брюжжала, стала невыносима. Мы рассорились, когда личность заявила, что одиночество — лучший признак гениальности, а пьянство естественный результат, к которому приходят все настоящие люди.

Прошло время. Я окончила университет, а личность все еще была на стадии выбора, перебиваясь случайной и потому неинтересной работой.

Двадцать пять лет — это уже не семнадцать. Некоторая опрометчивость и горячность семнадцатилетних даже простительна и не осуждается. Но в двадцать пять на человека странно смотреть, если до сих пор он не нашел свой смысл жизни, если он еще ни одно дело не сделал своим. Такого человека жалко.

Лишь в свои двадцать пять личность отважилась наконец на поступок. Однажды, где-то выпив для храбрости, пришла ко мне и призналась: «А знаешь, я ведь страшно люблю металл... Смотреть на него люблю, гладить его, даже нюхать... Люблю его мощь и покой... Все люблю в нем. Эх, если б сразу пошел на завод — сколько бы уже достиг сейчас! Я уверен — смог бы...»

Человек стал работать на заводе. Говорит, что страшно трудно избавляться от старых привычек, но счастлив: «Наконец не корчу из себя не себя, чувствую себя естественно».

Редактор отдела

Есть в почте журнала несколько писем от школьников, спрашивающих о профессии крановщика:

«Скажите, ведь я права, говоря, что работа на кране — это полет! Лена Д.»

Конечно, Лена, еще как права, если есть в тебе это чувство.

З ададут тебе три вопроса: не кружится ли голова на высоте? Не угнетает ли одиночество? Умеешь ли терпеливо, спокойно ждать? — и посоветуют подумать, не торопиться с ответом. Если скажешь «нет» или «да» — все равно тебя направят на медкомиссию. Не на обычную — специальную.

И вот наконец ты знакомишься с профессией. Называется она: крановщик электромостового крана. Могучая двадцатитонная машина подвластна тебе. Чуть тронешь рычаг — едешь вправо, поставишь на нейтраль — стоп! Еще одним рычагом катишь тележку по мосту от себя-на себя или заставляешь замереть на месте. А эти два рычажка поднимают или опускают большой и малый крюки. Инструктор попросит пять — десять раз повторить движения рычагами. Чтобы ты привыкла немного к крану, а кран — к тебе.

Вот далеко внизу машут флажком — вызывают кран. Медленно подплываешь к объекту и конечно — «перелет»: мост завис не точно, крюк ушел в сторону. Ничего, не волнуйся, со временем придет ощущение расстояния, умение опустить крюк точно на цель. А сейчас — мост назад, тележку на себя, крюк вниз... Есть «попадание»!

Нацепил стропаль на крюк тросы, показал руку ладошкой вверх — вира! И тут же — осечка — стоп! Долго ходит вокруг огромной железины (а ты спокойно жди, убрав руки с рычагов, крюк ушел в сторону. Ничего, не волнуйся, со временем придет ощущение расстояния, умение опустить крюк точно на цель. А сейчас — мост назад, тележку на себя, крюк вниз... Есть «попадание»!). Что-то не нравится стропалю, показал руку ладошкой вниз — майна, опустить. И тут же выбросил кулак, грозит. Инструктор не испугался, помахал ему рукой, мол, не надо ругаться, видишь — мы учимся. А тебе скажет: «Видно, опустила со стуком. Тормози чуть раньше качания». И положит свои руки на твои — для страховки. Момент сложный — подъем и опускание на малых высотах.

Наконец, груз приподнят, выдержан на весу — для гарантии. Теперь ты крановщица, хозяйка положения. Делай, как учили: включи постоянный сигнал-звонок, подтяни груз выше станков и — в путь. Главное, двигаться ровно, без ускорений и замедлений. Чтобы не раскатать груз — это опасно.

Так будете кататься с инструктором несколько смен. Потом — в самостоятельный рейс. На утренней оперативке начальник цеха предупредит мастеров: «Сегодня на двадцатитоннике новая крановщица, одна пойдет, будьте повнимательнее, ясно?»

— Ясененько, стропалям накажем, чтоб сигналы поточнее давали.

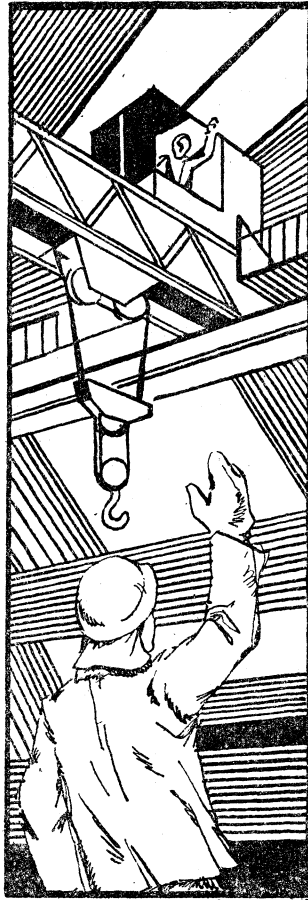
— И пусть кулаками не машут, если что не так.

Ты не заметишь, как внизу будут тебя подстраховывать: чуть долше обычного держать ладонь на весу, терпеть твои недолеты-перелеты. А если ты, заждавшись, не услышишь вызова, могут и погрозить, но вполне добродушно.

Постепенно начнешь постигать тонкости. У каждой крановщицы они свои. Скажем, одна точно «зависает» над объектом, ориентируясь по цеховым колоннам. Другая проводит взглядом по стене, по полу

Кранов- ЩИК

Борис
СЕМЕНОВ

и до объекта. Привыкнешь на глаз определять примерный вес груза. Научишься экономить время — работать сразу двумя рычагами, допустим, мостом и тележкой или тележкой и крюком.

Понравится тебе наблюдать сверху жизнь цеха. «Мне сверху видно все...» — это скорее о крановщиках, чем о летчиках. С самолета подробностей не разберешь.

В обеденный перерыв подгонишь кран к стене. Там есть площадка, от нее вниз — лестница. Долго будешь спускаться, наизусть зная число ступенек — 84. В столовой знакомые крановщицы расскажут новости. На сборочном стенде груз «сыграл», опасная штука, хорошо — никого не «поцеловал». Ясное дело, поднимала не по центру тяжести или косыми тросами. В другом пролете кран застрял посреди цеха, сорвал двигатель моста. Подогнали соседний кран и эвакуировали крановщицу, монтажным поясом страховали.

— А у нас киношники приехали, — скажет третья, — попросили разрешения снимать цех сверху, с крана. В кабине им не понравилось, ракурс неподвижный, высота неизменная. Посадили их в мульдугу, и два часа я возила их по цеху. Замучилась — сигналы показывают неверно, кое-как понимала, чего им надо. Потом показала, подтянув к себе поближе: снимите меня, просто так, на память. Сняли, обещали карточки прислать.

— Действительно, девочки, киношников возим, а сфотографировать на рабочем месте не могут. Недавно пришли снимать меня на Доску почета, а наверх лезть испугались. Пришлось спускаться, потом марафет наводить.

— В кабине снимать все равно нельзя, я тоже знаю. Свету мало и тесно. Слушайте, говорят, будут ставить в кабину кондиционер. Вот тогда заживем, правда?

Да, в жаркие дни под крышей цеха душновато, а зимой там сквознячок приличней. Кабина с вентиляцией и отоплением — мечта всех крановщиц. И еще мечта, более реальная: переговоры по радио. Надоедает перекириваться, когда что-то неясно.

— Девочки, а я купила стихи Валентина Сорокина! — воскликнет одна. — Оказывается, он был крановщиком на Челябинском металлургическом заводе. Есть в книжке строчки, примерно такие: «Распластав свои крылья, та-та-та, та-та-та, словно птица под крышей пролетает мой кран». Здорово, правда?

Здорово, подумаешь ты, «распластав крылья». А «пролетает» — не здорово, кран ведь быстро не ходит. Ладно, это же стихи, поэтическое преувеличение. Надо потом попросить книжку почитать. Был один мужчина на кране, да и тот поэтом стал. Ты вслух это скажешь и все посмеются.

Пообедав, сядешь снова в кабину. Осмотревшись по сторонам, подашь два коротких сигнала звонком: дзынь-дзынь! — «Я на месте, кран к труду готов: кому чего куда везти?..»

Из прошлого в будущее

Юрий
РЯЗАНОВ

Хождения по музеям

Теперь наш разговор о такой проблеме: «коллекционер — музей». Нет-нет, да появится в прессе известие о том, что гражданин имярек передал свое собрание в такой-то музей. И почти всегда за пределами подобных информаций остается все, что предшествовало самому поступку, совершенному по велению сердца или из других побуждений.

Неколлекционеру трудно представить, что это такое — передать свою коллекцию в чужие руки, пусть заботливые, надежные, но все же чужие, расстаться с тем, что старательно, с благоговением собрано по крохам. Нужно мужество, чтобы отказаться от привилегии владеть чем-то необыкновенным. Мне известны случаи, когда коллекционер, лишившись сокровищ, не выдерживал утраты — она становилась личной трагедией. Или начинал все сначала. Знаю и другие факты: собиратель чувствовал себя счастливым в день, когда его коллекция стала — навсегда! — частью музейных фондов. Исполнилась заветная мечта: отдал на радость людям самое дорогое.

Настоящим коллекционером движет идея. Отношение же к нему окружающих бывает неоднозначным: равнодушное, сочувственное, ироническое, восхищенное, завистливое, враждебное...

Собирателям, «выходящим на люди», то есть не замкнувшимся в узком мирке единомышленников, часто задают вопрос: почему не отдаете свои богатства в музей? В вопросе сквозит если не подозрение и обвинение, то озабоченность за судьбу увиденного, а еще чаще — нетерпение. Он, случайный зритель, моментально вскакивает на постамент блюстителя государственных, общенародных интересов, а коллекционер, отдавший тому, что увидел зритель, немало сил, времени, наконец, средств, где-то там, внизу, у подножия постаamenta, бормочет оправдания. В роли самодеятельного прокурора чаще выступают как раз те, кто имеет весьма смутное представление о сути собирательства.

А труд коллекционера кропотлив. Собиратель не знает покоя, не дает себе отдыха. Сколько неприятностей и разочарований подстерегает его на каждом шагу. Не секрет, например, что в погоне за наживой фарцовщики и их подручные обкрадывают и коллекционеров.

К слову пришлось, поэтому выскажусь. Иногда спрашивают: всякий ли может стать коллекционером? Нет, разумеется. Коллекционером надо быть по натуре, необходимо обладать особым психическим складом — это прежде всего. Не потому ли многим «нормальным» людям коллекционеры кажутся, по меньшей мере, чудачками?

Меня однажды осенило, что я по сути только потребитель — обожаю посещать музеи, сам для них не сделал ничего полезного. Решил: помогу, чем могу. Понимал я и другое: одному не приобрести всего, что предлагают, никакой зарплаты не хватит и времени, да и

хранить негде — квартира хотя и двухкомнатная, однако не безразмерная.

В кладовке, так называемой «тещиной» комнате, я хранил почтенные фолианты и чудесные иконы, подерживая необходимую температуру и влажность воздуха; обрабатывал экспонаты препаратами от насекомых-вредителей и микроорганизмов, а от любителей легкой наживы ограждал коллекцию сигнализацией. Но я не расстался с надеждой устроить свое собрание в музей, чтобы оно служило на благо многим.

Уже года через два-три, когда в мою коллекцию попало несколько книг, отпечатанных в Москве в XVII веке, решил их передать в областную публичную библиотеку. К моему удивлению, директриса отказала в просьбе, хотя свои драгоценности я предлагал бесплатно и без всяких условий.

Лет через пять отношение госхранилищ, в том числе и библиотек, к древним русским книгам изменилось, их стали принимать и покупать. Про себя я с удовлетворением отметил, что занимался и продолжаю заниматься не пустым делом.

Не так давно мне прислали письмо из одного сибирского музея. Сотрудница его пишет, что узнала обо мне «как коллекционере икон и старопечатных книг» от коллеги из другого музея, которому я в свое время подарил лучшие экспонаты из собрания произведений древнерусской живописи и дублевой состав коллекции рукописных и старопечатных книг кирилловского шрифта XVI—XIX веков. Далее в письме говорилось: «...если хорошо у нас представлена живопись XIX века, то очень слабо — раздел древнерусского искусства. Поэтому-то мы и обращаемся к Вам с целью попросить Вас иметь нас в виду... тем более, что нам известно, что Вы... имеете хорошие иконы и книги... Будем ждать Вашего положительного (?) ответа».

Ответ я дал, несмотря на вопрос в скобках, положительный, но поставил условием постоянное экспонирование подаренных произведений искусства. Заодно пояснил: ничего не продаю, а только дарю.

В новом письме из музея прочел: «Желание дополнить наше собрание произведениями Вашей прекрасной коллекции несколько расходится с нашими возможностями». Оказывается, из-за недостатка экспозиционных площадей в этом музее. Далее директор сочувственно пишет: «Я понимаю Ваше желание, чтобы все, что Вы желаете передать нашему музею, было выставлено на обозрение, но...» Предлагались условия, меня не устраивающие.

Это не каприз, а право любого владельца, в том числе и коллекционера, — распорядиться своим имуществом в соответствии с убеждением. Если оно законно и разумно. Однако законность и разумность моих условий не однажды вызвали прямо-таки враждебное отношение тех, к кому я обращался. «Да кто ты такой, — читалось в их глазах, — чтобы выставлять нам свои условия?!» В связи с этим мне хочется сказать о слишком расширительном толковании некоторыми должностными лицами Закона об охране памятников культуры и истории. Некий кандидат наук и доцент вполне серьезно ратует за изъятие у коллекционеров (особенно нелюбимых им

Окончание. Начало см. в № 3.

как конкурентов) всего, что представляет научную или государственную ценность. В качестве аргумента-тарана он выдвигает «некомпетентность» коллекционеров, не имеющих не только ученых степеней, но и специального, в данном случае исторического образования. Насколько сей аргумент несостоятелен, видно хотя бы из такого примера, одного из множества. В газете «Социалистическая индустрия» 30 марта 1982 г. под рубрикой «Мир увлечений» опубликован очерк Б. Циркова «Второе дело жизни». Приведу слова академика ВАСХНИЛ Н. П. Анучина: «Орнитологическое собрание Б. Я. Горда представляет большую научную ценность своей полнотой. Рабочий-строитель из Белоярского леспромхоза является одним из лучших знатоков пернатого царства приобской тайги в верхнем течении реки Кеть. Его редкая способность художника-таксидермиста также свидетельствует о том, как первоначальное увлечение собирателя-коллекционера переросло с годами в истинное научное исследование. Если принять во внимание десятилетия упорных поисков, которым он отдает все свободное время, его орнитологическая коллекция чучел и кладок яиц является настоящим подвигом жизни».

Сегодня — «некомпетентный», начинающий коллекционер через десять, двадцать лет может стать отличным специалистом, глубоким знатоком той области науки, к которой относится порожденное им собрание. Так почему же в начале исследовательского пути ему могут легко приклеить ярлык «некомпетентного»?

Иное отношение к коллекционеру-ученому. Сошлюсь на газетную заметку «Уникальная библиотека»: «Два старинных манускрипта пополнили библиотеку заведующего кафедрой Хорезмского педагогического института Х. Саддикова. Библиотека ученого насчитывает ныне несколько сот редких рукописных и старопечатных книг. В течение тридцати лет собирает их Х. Саддиков».

Не коллекция ли помогла ему стать ученым?

И, конечно же, коллекционер — отнюдь не препятствие для изучения того, что он собрал. Согласно закону, каждый коллекционер обязан поставить на государственный учет свое собрание, книжное тоже. Издаются даже каталоги личных собраний книг кирилловского шрифта.

Лично мне такое обвинение — коллекционер — враг науки — кажется надуманным. Личность коллекционера, его интересы и цели, польза, которую он в конечном счете приносит обществу своим собирательством, полностью зачеркиваются с таких позиций. Разумеется, не все представители науки или музейного дела разделяют точку зрения доцента на коллекционирование. Приведу еще одну строчку из того же письма директрисы музея. «Невыполнимых обещаний не даю, поэтому с Вами совершенно откровенна, обманным путем пополнить коллекцию не намерена». Ну что ж, спасибо за ясность...

У меня хранится акт и приказ по музею — о постоянной экспозиции иконы XVII века, замечательного произведения живописного искусства, переданного мной в дар местной картинной галерее. На бумаге стоит печать и красуется подпись директрисы (правда, теперь уже бывшей). А икона, насколько мне известно, находится в запасниках. Почему не выполняется обещание? Мне объяснили: из-за реконструкции экспозиции. Идут годы, а «реконструкции» конца не видно... И трудно против такого довода возразить — нелепо требовать повесить икону, например, среди произведений современной живописи. А как же все-таки соглашение и приказ по музею?

Вероятно, не только мне, но и многим другим коллекционерам музеи делают предложение продать или передать часть собрания. Для коллекционера это большая честь. Мне, когда я получил такое предложение, подумалось, какие заботливые люди трудятся в музее, стремясь пополнить фонды, шлют письма за тридевять земель. А после пришла в голову простая мысль: а почему, собственно, издалика стараются выловить сразу целую коллекцию, собранную, кстати, в другой области? Может, край, откуда рассылаются письма коллекционерам во все концы страны, беден подобными памятниками искусст-

ва? Если вернуться к цитированному выше письму, то могу с уверенностью заявить, что произведений древнерусского искусства в фондах того музея мало только по одной причине — о сборе их не очень-то пеклись штатные сотрудники. В том сибирском крае еще немало произведений прикладного искусства, древних книг хранится у потомков первых поселенцев и местных коллекционеров. Вот с кем надо немедленно наводить мосты музейщикам. И в музеях, где эта работа ведется добросовестно, на недостаток экспонатов не жалуются.

Примечателен такой факт. Картинная галерея, куда мне посчастливилось передать свои лучшие произведения древнерусской живописи, прикладного искусства и дублевой (по орнаментике) комплект рукописных и старопечатных книг кирилловского шрифта, находится в старинном сибирском городе областного значения. Почему именно этой галерее меня осенило передать свою коллекцию? Однажды, оказавшись в том городе и познакомившись с музейной экспозицией, я увидел следующее. Русское искусство было представлено произведениями XVIII—XIX веков да парсусой, видимо, копией конца XVII века. Почему? Оказалось, что в фондах, насчитывающих не одну тысячу экспонатов, имелось всего 2—3 достойные показа иконы XVII—XVIII веков. Правда, в запасниках хранились несколько десятков икон и предметов мелкой пластики, но они не отвечали требованиям музейного уровня. Было очевидно, что все это собрано наспех, насоком, из выброшенного. И точно, сотрудники музея подтвердили, что сбором экспонатов они занимаются два-три дня в году. А у галереи — собственный автобус. Да при желании на нем можно забраться в такие дебри обширного края, где, наверное, нетронутыми еще скиты стоят, где в оставленных жителями деревнях, в заколоченных избах весь скарб лежит, и иконы в красном углу стоят, и книги на чердаках преют... Для длительных экспедиций у музейщиков нет времени, нет средств них заинтересованного человека. А в их же городе живет, не знаю даже, как его назвать, хищник, что ли. Он без больших затрат, но целеустремленно года за три — всего! — накупал по дешевке около 150 икон. Прослышал, что иконы дорого стоят, телефильмов насмотрелся про жуликов, что за папаягу мешок денег загребает, и натаскал в квартиру, горкой сложил «доски» возле батарей водяного отопления, стальные шкафы забил. Живописный слой большинства икон из-за неправильного хранения и попыток самодельной «реставрации» с помощью нашатырного спирта погиб, но кое-что уцелело. А когда сотрудники музея попытались уговорить владельца продать или подарить коллекцию, то он откровенно заявил, что не хочет потворствовать лени штатных сотрудников галереи и их изживуческим поползновениям. Музейщики, конечно, обиделись, а напрасно, он правду говорил об их безынициативности.

Из 160 книг кирилловского шрифта — столько к 1978 году насчитывала моя коллекция — удалось передать в Тюменскую областную картинную галерею 10 рукописных (XVIII—XIX вв.) и 17 печатных (XVI—XX вв.), Камчатскому областному краеведческому музею — 7 рукописных (XVIII—XX вв.) и 25 печатных (XVI—XX вв.). Свердловскому областному краеведческому музею — 11 рукописных (XIX — начало XX вв.) и 8 печатных (XVII—XIX вв.)...

Музеи Тюмени и Петропавловска-Камчатского — обладатели дублетных составов основной коллекции не по содержанию, а по орнаментальному оформлению книги. В эти же музеи и тоже с условием постоянной экспозиции приняты более двадцати лучших моих икон и несколько, но без условия показа, подарены Свердловскому областному краеведческому музею.

Откровенно говоря, каждый раз нелегко было отдавать то, чем дорожил, к чему привык за многие годы.

Так исполнялась моя мечта поделиться со всеми тем, что любил. Я заранее ликовал, уверенный, что экспонаты из моей коллекции передадут другим чувство восхищения, благоговения.

Вместе — дружная семья

Проблемы, проблемы... Их немало в собирательстве. И со временем их количество не уменьшается само собой, скорее — наоборот. В газетах и журналах публикуются материалы о коллекционерах, довольно многочисленные, однако авторы их почему-то не касаются проблем, разве что мимоходом и не самых главных. «Где хранить коллекцию?» — задает вопрос в газетной заметке от имени легиона филателистов В. Лукин. По поводу недостаточного выпуска «филпродукции» (кляссеры, филателистические пинцеты и пр.) в ВОФ автору заметки ответили: «Слишком уж явное отставание от роста численности коллекционеров в стране. За последние десять лет количество членов ВОФ возросло в десять раз, а выпуск продукции для филателистов — лишь в два-три...»

Уже то, что эта проблема вынесена на страницы центральных газет, говорит о серьезном отношении к нуждам коллекционеров.

Большие трудности породил книжный бум. Не первый год от него страдают библиофилы. Проблемой стала комплектация личных библиотек и вообще их пополнение.

Толковое предложение высказал в печати житель г. Львова и, несомненно, книголюб Е. Денисов. Вот его соображения об устранении книжного дефицита: «Хорошо бы переиздавать книги только на конкурсной основе. Госкомиздат мог бы проводить опросы или каким-то другим способом изучать спрос (хотя бы по тематическим направлениям) и на этой основе планировать выпуск, избавляя полки книжных магазинов от ненужных изданий и сберегая бумагу для нужных».

Хочется продолжить мысль Е. Денисова. Выступления в печати раскрывают еще одну сторону жизни новой книги, я назвал бы ее печальной: часто книга обходит стороной того, кому предназначена, для кого написана и выпущена. И едва ли эту проблему мы решим с помощью книготорговой сети. А что, если распределенные книги по тематическим направлениям взять в свои руки первичным организациям Всесоюзного общества книголюбів, в рядах которого десятки миллионов человек? Ведь тогда книга неминуемо придет к тому, кому она действительно нужна. Одновременно решится и проблема пресечения спекуляции вновь выходящими книгами, которая зачастую совершается не без помощи работников магазинов. Кстати, в настоящее время закупка литературы в книжных магазинах и распределение между членами клубов уже практикуется во многих городах, в том числе в свердловском городском клубе «Уральский библиофил».

Продуктивный, на наш взгляд, непосредственный обмен книгами между членами клубов книголюбів во время собраний, и он заслуживает более широкого распространения и совершенствования. Жаль, что опыт такой формы обмена еще не обобщен.

Некоторые клубы, в частности городской клуб «Сургутский библиофил», уже практикуют более широкий по охвату способ книгообмена. В печатных программах заседаний, рассылаемых в такие же клубы других городов, публикуется так называемая «Адресная книга сургутских книголюбів». Она помогает объединению всех увлеченных книгой. На ее страничках сообщаются адрес, фамилия, имя и отчество книголюбів и тема (или темы) собрания. Хорошо было бы и перечислить издания, предназначенные на обмен.

По образцу программ сургутских книголюбів могли бы выпускать подобные адресные книги и секции коллекционеров.

А вот одна из самых острых для коллекционеров проблема. Где приобрести, например, старинную монету? Икону? Шагу? Древнюю книгу, наконец? Пусть она

будет даже дефектной и категорически отвергнутой закупочной комиссией музея,— для собирателя и такая — драгоценность, радость безмерная.

Есть в законе такая установка: «Собирание, в частности, произведений древней живописи и декоративно-прикладного искусства гражданами допускается при наличии специальных разрешений, выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке». Что это за установленный порядок? В местном отделении Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, в котором я, кстати, состою, мне этого не смогли объяснить. А если по какой-либо причине тебе разрешение не выдали, значит, заканчивай коллекционирование? Или, как говорится, будь на подхвате у более удачливого коллеги, получившего разрешение? Чтобы справедливо ответить на эти вопросы, необходимо разработать кодекс чести коллекционера, регламентирующий собирательскую деятельность и нормы отношений коллекционеров между собой. Членство в клубах коллекционеров по интересам должно наряду с обязанностями давать определенные права, а исключение из его состава — лишение их. Клубы организуются по принципу самоуправления. Во главе их, надо полагать, встанут опытные организаторы, способные поднять личное коллекционирование на должную профессиональную, моральную и правовую высоту. Подобное уже практикуется среди филателистов-школьников.

Находясь в обществе, большинство собирателей пойдет по заранее разработанному пути. Конечно, останутся и «дикие» собиратели, но не они будут делать погоду. В создании секционного общества коллекционеров есть необходимость. Его клубы по интересам помогут своим членам советом и примером и расширят поле их деятельности.

Противники любительского коллекционирования, мы уже об этом говорили, за немедленное изъятие у «частных» собирателей всего, что представляет государственную ценность. Цель «борцов» за государственные интересы вроде бы благородная — возратить достояние народа народу, запустить в научный оборот то, что бесполезно лежит скрытым от глаз специалистов. Но призывы к изъятию не всегда порождены высокими помыслами. Иногда скопом, огульно ставится знак равенства между коллекционерами и корыстными накопителями ценностей, не заработанных собственным трудом. Часто незаконно приобретенным объявляют все, что превышает платежные возможности собирателя. Но ведь сплошь и рядом предметы, оцененные в тысячи рублей, еще четверть века назад стоили считанные рубли, а то и вовсе выбрасывались в утиль.

Стремясь упразднить любительское коллекционирование, его противники рубят сук, на котором и сами сидят. Они совершенно не думают, не заботятся о дне завтрашнем. В лице коллекционеров музейщики и ученые имеют добровольных помощников. Так зачем же отрезать у коровы вымя ради кружки молока? К проблеме надо подходить по-другому.

Очевидно — коллекционирование пора приближать к музеям, вузам, где трудятся авторитетные специалисты, готовые квалифицированно помочь собирателям разобраться в своем материале. Разве трудно организовать при городском или областном музее отдел работы с народными, школьными, производственными и прочими музеями и коллекционерами? Эти центры осуществляли бы постоянный учет фондов народных музеев, а в случаях их ликвидации экспонаты не рассеивались бы. И клубы коллекционеров есть смысл взять под опеку музеев, близким по профилю. Думаю, такое общение принесло бы обоюдную пользу.

Думается, что вообще настала необходимость в создании Всесоюзной организации коллекционеров (Добровольное общество коллекционеров СССР) с секциями: филателистической, нумизматической, библиофильской, изобразительной продукции, музыкальных инструментов и т. д. Тогда многие сегодняшние проблемы можно будет

Загадка медного стола

Константин
ЛЯПЦЕВ

решить к общей пользе. Например, проблема приобретения предметов коллекционирования. О ней уже говорилось выше. Закон об охране памятников культуры и истории ограничивает возможности личного собирательства. Это и понятно, государство имеет приоритет на владение объектами исключительного значения. А не станут ли взаимовыгодными магазины для коллекционеров? Вроде уже существующих букинистических и антикварных? Тогда цены на предметы будут устанавливаться не произвольно, а согласно официальному курсу специалистами. Приобретенная же вещь со всеми основными данными атрибуции может вписываться в книжку коллекционера. В ней удобно вести учет состава коллекции, перемещение экспонатов и т. п. Почему бы не начать выпуск массового журнала «Коллекционерство в СССР» или «Советский коллекционер», или под каким-то иным названием? На страницах этого издания отражалась бы (и направлялась) собирательская деятельность в стране, что столь необходимо. Думается, с всеобщим удовлетворением было бы воспринято и установление всесоюзного Дня коллекционера, к которому приурочивались бы в городах и селах выставки из личных собраний — тематические, новых приобретений и находок, юбилейные и т. д. Кое-что в этом направлении уже делается, не хватает лишь общего руководства, единой организации. В июле 1982 года, например, в седьмой раз проведен ежегодный праздник книги («Свердловск литературный»), на котором демонстрировались различные по содержанию и составу выставки, в том числе из личных библиотек жителей города. Выставки осуществляются и клубами библиофилов, филателистов. В Свердловске открыт специализированный комиссионный магазин «Филателия». Он принимает для продажи марки. Но пока подобные магазины — привилегия коллекционеров книг и марок. Создание универсальных магазинов для коллекционеров в областных городах нанесло бы сокрушительный удар по спекулянтам от собирательства. Коллекционерские магазины призваны сыграть положительную роль не только в борьбе со спекулянтами от собирательства, но они превратятся в еще один источник пополнения фондов госмузеев и хранилищ.

Хочется верить и в то, что у нас в стране начнут выпускать и ценники хотя бы на основные виды объектов коллекционирования. Тогда отпадет соблазн использования зарубежных ценников-каталогов. Советский коллекционер получит возможность ориентироваться на одну — государственную цену, установленную авторитетной комиссией, например, при Центральном правлении Всесоюзного общества коллекционеров.

Регулярно и повсеместно, по нашему мнению, уже сейчас следовало бы проводить музейные выставки по ступеням из личных коллекций.

Осуществление перечисленных мероприятий пойдет на пользу личному и государственному собирательству и, значит, в целом нашему обществу. По своим возможностям и размаху Всесоюзное общество коллекционеров внесет достойный вклад в сокровищницу нашей национальной культуры и будет тесно сотрудничать с Всесоюзным обществом охраны памятников истории и культуры и Всесоюзным обществом книголюбов, ведь в целях, поставленных этими добровольными обществами, много общего.

В нижнетагильском краеведческом музее экспонируется большой медный стол. На его столешнице выгравирована надпись: «Сия первая в России медь отыскана в Сибири бывшим комиссаром Никитой Демидовичем Демидовым по грамотам Великого государя и императора Петра Первого в 1702, 1705 и 1709 годах. А из сей перво-выплавленной российской меди сделан оный стол в 1715 году». Вес стола четыреста шестнадцать килограммов, внешний вид его поражает изяществом и чистой отливки. Экспонат уникальный. Однако надпись вызывает недоумение. Прежде всего сомнительно, что стол сделан из первой в России меди и что сделан он в 1715 году. Стол, конечно же, был отлит не из первой российской и даже не из первой уральской меди: Пыскорский на Каме, Сарынинский, Уктусский, Мазуевский и другие заводы выплавляли медь задолго до Демидовых. В самой надписи содержится и убедительное опровержение даты «1715». Никита Демидов носил звание комиссара до своей смерти в 1725 году, и, следовательно, «бывший» означает умерший, а Петр Первый, как известно, в 1715 году именовался только царем, титул императора ему присвоен после 1725 года. Отсюда вывод: медный стол изготовлен после 1725 года, то есть после смерти Никиты Демидова.

Кстати, где, кем изготовлен медный стол?

В 1951 году один из ленинградских институтов сделал анализ меди, из которой он отлит. Оказалось, посторонних примесей нет, по своей чистоте медь не отличается от очищенной современным способом.

Стол отличается красивой, оригинальной формой, исключительно высокой чистотой всех поверхностей.

Наконец, в XVIII веке в русской письменности употреблялась видоизмененная кириллица, введенная при Петре Первом. Надпись на медном столе резко отличается от кириллицы, зато по начертанию весьма близка к письменности дореволюционной России XIX века.

Можно предполагать, что создан стол на бронзолитейной фабрике Выйского завода выдающимся уральским умельцем, мастером-литейщиком Ф. Ф. Звездиным около 1835 года. В пользу этого утверждения говорят и художественные достоинства изделия, и стиль начертания надписи на столешнице, и исключительная чистота меди.

Но вот зачем понадобилось делать стол-фальсификатор истории? Тогдашние (XIX век) владельцы тагильских заводов сами заводскими делами уже не занимались, их интересовали лишь доходы, но зато они отличались тщеславием. Они никогда не забывали подчеркивать, что род Демидовых был «благодетелем российского государства». Так ради славы и возвеличивания рода в 1830 году в Нижнем Тагиле был сооружен довольно курьезный памятник, где один из Демидовых вручает дары коленопреклоненной России. Идея ясна: без щедрот Демидовых плохо пришлось бы стране.

Подобная же идея заложена, очевидно, и в медном столе. Надписью на столешнице Демидовы стремились утвердить общественное мнение в мысли, что они — не только первые люди по железнному делу, но еще и первооткрыватели и основоположники медной промышленности в России, чем выручили страну в трудное для нее время.

Юрий Сенкевич: «Позвать в дорогу завтрашних»

...показать, на что способен человек, умножить веру людей в свои силы, поставить планку на рекорд — и не сбить ее, и тем самым позвать в дорогу завтрашних, для кого рекорд уже станет привычной нормой...

Ю. СЕНКЕВИЧ.
«На «Ра» через Атлантику»

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, КОГДА ОН НЕ В ОТЪЕЗДЕ, «ПРИХОДИТ» К НАМ В ДОМ КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ. ВСТРЕЧИ С НИМ ВСЕГДА ЖДЕМ...

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕНКЕВИЧ — КАНДИДАТ МЕДИЦИНСКИХ НАУК, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР, ЧЛЕН СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР, ВЕДУЩИЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПЕРЕДАЧИ «КЛУБ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ» — ДАЛ ЖУРНАЛИСТУ СВЕТLANE ОРЕХОВОЙ ИНТЕРВЬЮ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА».

С. ОРЕХОВА: — Юрий Александрович, вы были участником двенадцатой антарктической экспедиции, дважды пересекли Атлантику на «Ра», путешествовали по Индийскому океану на «Тигресе», возглавляли киногруппу, снимавшую фильм о советских покорителях Эвереста. Что вас зовет в дорогу? Жажда путешествий? Желание испытать себя в экстремальной ситуации?

Ю. СЕНКЕВИЧ: — Вначале в экспедицию меня позвал научный интерес. Я имею в виду экспедицию в Антарктиду. Жажда путешествий, желание испытать себя в экстремальной ситуации тоже, конечно, были.

С. О.: — Путешествие на «Ра» — ваша первая встреча с морем?

Ю. С.: — Нет, не первая. Мне пришлось плыть на корабле от Австралии до Антарктиды и обратно из Антарктиды в Ленинград. Но одно дело — просто встреча с океаном, как в этом случае, другое — жизнь в стихии. Здесь «две большие разницы», как говорят в Одессе. Впервые я увидел море, кстати, в Одессе, когда был мальчишкой. Оно меня поразило, как, наверное, и всякого, кто первый раз встречается с ним. Гигантская перевернутая голубая чаша, запах йода, необыкновенное

ощущение соленой воды — это потрясло.

С. О.: — Увлекались ли вы в детстве Свифтом, Жюль Верном, Джеком Лондоном? Кто для вас служит авторитетом в морских путешествиях?

Ю. С.: — Конечно, увлекался. Джеком Лондоном и Свифтом увлекаюсь до сих пор. Авторитет в морских плаваниях? Прежде всего Тур Хейердал. А из людей, знающих море... Ален Бомбар, который в одиночку пересек Атлантику, питаясь одним планктоном, Жак-Ив Кусто, создавший ряд фильмов о подводном мире. И у нас в Советском Союзе немало мореплавателей, которые для меня авторитетны. Среди них капитаны атомных ледоколов — К. С. Бадигин, И. А. Ман, директор Института океанологии АН СССР А. С. Монин.

С. О.: — Ваши увлечения в юности? Первые путешествия?

Ю. С.: — Основное увлечение — книги. А вообще я увлекался многим. Больше всего люблю собак, спорт. Катался на лыжах, коньках, играл в баскетбол, плавал. Играл на домре, пытался играть на скрипке. Занимался в слесарном, авиамоделльном кружках при Доме пионеров и школьников. Первые путешествия не

были радостными, потому что они были в военное время. Самое первое путешествие я совершил в возрасте двух лет — переезд из Монголии, где я родился, в Советский Союз. Конечно, ничего об этом не помню. Осознанные мои путешествия начались в Вологодской области, где я жил с мамой в эвакуации. Вея почти первобытный образ жизни: хорошо знал лес, добывал себе корм, рано научился плавать.

С. О.: — Целеустремленность, самопожертвование, желание бросить вызов самому себе, узнать свои возможности — все это свойственно юности. Какую цель ставили себе вы в юности? С чего началась ваша тяга к познанию мира?

Ю. С.: — Эти прекрасные качества свойственны не только юным. Ведь юность кончается где-то к шестнадцати годам, и не следует обделять людей среднего возраста, им это тоже присуще в полной мере. Насчет цели, которую ставил перед собой в юности, не могу сказать. Учился, стремился познать как можно больше... Тяга к познанию мира начинается с первых шагов, как у любого человека. Этот вопрос лучше адресовать моей маме, наверное.

И я вспомнила, что в своей книге «На «Ра» через Атлантику» Юрий Александрович писал: «Тур Хейердал — хозяин своего везения. Ему фантастически везет, потому что к любому своему предприятию он тщательно готовится». Наверное, это один из секретов удач путешественника.

С. О.: — Важно быть удачливым?

Ю. С.: — Невероятно важно. Его Величество Случай в жизни каждого человека играет необыкновенно важную роль, но... Не нужно думать, что случай существует сам по себе. В моем случае случай сыграл определенную роль (я имею в виду включение меня в экипаж «Ра-1»). Если бы я к тому времени не перезимовал в Антарктиде, не был физически закаленным, плохо знал свою профессию врача, то этот случай прошел бы мимо меня.

С. О.: — Французский мыслитель XVI века Мишель де Монтень сказал: «Кто никуда не плывет, для тех не бывает попутного ветра». Как вы относитесь к этому выражению? Считаете ли его законом существования личности в наше время?

Ю. С.: — Это изречение не следует понимать буквально. Может быть, близки ему по смыслу слова великого русского физиолога

И. П. Павлова: «Нет в голове идей — не увидишь фактов». Важно любое стремление, желание человека. Если человек чего-то искренне хочет, то он этого добьется.

С. О.: — Какие качества помогли вам воспитать в себе путешествия на «Ра» и «Тигрисе»? От чего избавиться?

Ю. С.: — К моменту плавания на «Ра» я уже был безнадежно «воспитан». Зимовка в Антарктиде была хорошей подготовкой к «Ра» и «Тигрису», она многому научила. Основное убеждение, которое вынес из нее, — нужно стремиться быть всегда добрым к людям, стараться понять человека, прежде чем его осуждать. Быть терпимым, хотя и твердым. В человеке заложено умение приспосабливаться. К среде, к окружающим людям. Никуда от этого не денешься, но это не означает приспособленчества. Это слово носит отрицательную окраску. Крайние степени как твердости, так и приспособляемости вредны, как всякие крайности. Прожить жизнь, не умея себя в чем-то ограничить, невозможно. Умение поставить себя на место другого человека — все это умение приспособляться. Это сродни дипломатии, искусству актеров. Человек должен уметь построить свое мироощущение таким образом, чтобы среда стала для него интересной и естественной. Если, находясь на корабле, человек все время будет думать о берегу, то ничего хорошего из этого плавания не получится. Тебе будет легче, если ты не будешь доставлять беспокойство другим людям, — понимание этого я вынес из трех плаваний.

С. О.: — Какие, по-вашему, качества должны быть присущи первооткрывателю, путешественнику и как их можно в себе воспитать?

Ю. С.: — Любознательный человек, который занимается делом, должен быть искренен в своем стремлении. Как воспитать в себе любовь к делу? Надо просто заниматься своим делом. Тогда все становится интересным и любимым. Вообще-то, я чувствую себя не вправе давать какие-то рекомендации молодым.

С. О.: — В какой команде вам было легче, теплее, комфортабельнее — на «Ра» или на «Тигрисе»? Каковы были ваши ощущения после первого плавания?

Ю. С.: — Лучше всего было, пожалуй, на «Ра-1». Может быть, оттого, что это путешествие было первым. А все первое особенно запоминается, откладывается. Это если из хорошего выбирать лучшее. Но чего-то словно бы не хватало. Была

неудовлетворенность: ведь на «Ра-1» мы не дошли до конца намеченного маршрута.

С. О.: — Если бы вам пришлось набирать экипаж, кого бы вы взяли с собой?

Ю. С.: — Вообще-то формировал все экспедиции Тур Хейердал. Человек большой интуиции и большой доброты, обладающий всеми качествами лидера. Не знаю, может быть, если учитывать ошибки прошлых плаваний, надо бы иметь на борту профессионального плотника, столяра, боцмана. Что касается особенностей характеров членов экипажа, то мои товарищи меня вполне удовлетворяли. Прежде всего я выбирал бы людей в следующее плавание по их профессиональной пригодности. А если этот человек еще твой друг и ты с ним совместим — это прекрасно! Но не надо забывать, что просто «хороший парень» — это не профессия.

О Туре Хейердале, руководителе экспедиции, в книге Сенкевича много теплых слов. «Мне казалось непостижимым, что работаю рядом с человеком, чей бальсовый плотик многие годы стоял в моем сознании на гребне гигантской, похожей на перевёрнутую запятую волны». И еще читаем: «Слабый становится сильным, робкий — отважным, обидчивый — великодушным, если ими движет единая достойная цель». Мы часто сетуем на то, что не можем найти себе дела по душе, а может, иногда просто нужно «заболеть» идеей друга, разделить с ним его сомнения?

С. О.: — Все ваши путешествия были разными. Что же объединяет эти три плавания?

Ю. С.: — Их объединяет Хейердал, его идея. Он, с моей точки зрения, человек удивительный. Тур открыл новую страницу, эпоху в мореплавании, в освоении океана. Реконструировать плавание древних — эта идея объединяет все его путешествия.

С. О.: — Юрий Александрович, вы побывали везде — и в разных уголках нашей страны, и во льдах Антарктиды, и на морском дне, в Атлантическом и Индийском океанах, вместе с альпинистами поднимались в базовый лагерь на пути к Эвересту. Остался, пожалуй, только космос. Считаете ли возможным для себя эту перспективу?

Ю. С.: — Считаю, что это возможно. Но этим занимаются космонавты, а я лишь готовлю их к поле-

там со своими коллегами. Знаете, где хотелось бы побывать? На острове Таити в Тихом океане. Там удивительная природа, необыкновенной красоты моря...

С. О.: — Не возникло ли это желание под влиянием рассказов и книги «Аку-Аку» Тура Хейердала?

Ю. С.: — Наверное. Может быть, заинтересовал меня этим краем Бэнктон Даниэльсон, который плавал вместе с Туром на «Кон-Тики». Я прочитал его книги «Гоген в Полинезии» и «Любовь в Южных морях». Заставил меня заинтересоваться Гогеном К. Паустовский. Прочитал об этом художнике впервые у него, потом увидел в Эрмитаже в Ленинграде и «заболел».

С. О.: — Ваше отношение к фантастике? Что любите читать?

Ю. С.: — Фантастику люблю. Беляева, Ефремова, Стругацких, из зарубежных — А. Кларка, С. Лема. Люблю читать приключенческую литературу, детективы. Из классиков — Чехова, Бунина, А. Толстого, Бабеля.

С. О.: — Вы написали интересную и правдивую книгу «На «Ра» через Атлантику». Дойдя до конца, не хотелось прощаться с экипажем лодки, не хотелось расставаться с друзьями. Вы обещали читателям книгу о плавании на «Тигрисе». Будет ли она?

Ю. С.: — Книга есть. Вот у меня уже первый экземпляр.

И он пододвинул ко мне прекрасную изданную книжку. На голубом фоне моря ярко выделялись буквы: «В океане «Тигрис». Открываю, книга издана в Москве, в издательстве «Советская Россия». По оформлению она очень похожа на свою предшественницу. На первых страницах книги читатель встретится с экипажем. Прекрасные цветные фотографии, сделанные самим автором и его товарищами, иллюстрируют рассказ об этом плавании. 50 тысяч экземпляров предназначено для библиотек, 10 тысяч поступит в продажу.

С. О.: — Любите ли вы животных? В конце плавания на «Тигрисе» вам хотелось побывать в кенийских заповедниках, почему?

Ю. С.: — Очень люблю. Именно животные воспитывают в человеке доброту. Человек, который любит животных, не может быть недобрый. Когда-то давно в телепередаче я увидел животных кенийских заповедников. Захотелось посмотреть этих замечательных слонов, жирафов вблизи. Недавно я потерял своего

четвероногого друга — восточно-европейскую овчарку. Я убежден, что дети должны расти вместе с животными. Собака — самое удивительное существо, преданность ее ни с чем нельзя сравнить. Может, мне просто везло на собак. По-моему, такой отдачи, такого удовлетворения, такого глубокого чувства у человека ни одно животное не вызывает как собака и лошадь. К сожалению, часто встречаешь негативное отношение к собакам. Я встаю против этого. Только плохие воспитатели или неумные люди могут сказать такое: «Остановитесь, куда вы с собакой, тут же дети!» Конечно, бывают исключения. Встречаются злобные, невоспитанные собаки, но это исключение из правила. В наш технический век человеку необходимо быть ближе к природе, к животным.

С. О.: — Вы знакомы и дружны со многими выдающимися людьми. Какие качества вас больше всего привлекают в людях?

Ю. С.: — Наверное, я буду не оригинален. Ценю больше всего честность и доброту. Это самое главное, по-моему.

Юрий Александрович перебирает лежащие перед ним на столе фотографии. На одну из них смотрит долго и говорит: «Здесь я со своим лучшим другом Карло Маури, итальянцем». Голос его становится грустным: «В последнее время Карло очень болел, перенес две операции на ногу в клинике Илизарова. Карло умер недавно... Он был прекрасным альпинистом; экспедиция на «Ра» была у него двадцать пятной по счету, он покорил многие величайшие вершины в Северной и Южной Америке, ходил на Эверест. Был журналистом-фотографом, чудесным человеком. Сейчас готовится к переводу его книжка для детей. Называться она будет так: «Пока рискую — я живу» или «Рисковать — значит жить».

Юрий Александрович после плавания на «Ра» написал: «Я люблю Карло Маури за то, что он такой крепкий человек. Для экспедиции, мне кажется, равно нужен и Карло с его непримиримостью, с его цельным и надежным характером...» Наверное, для Сенкевича близкими и дорогими людьми за три плавания стали Тур и Карло. «Скажи мне, кто твой друг...» — говорит старинная поговорка. Друзей у Юрия Александровича много. Среди них космонавты, ученые, журналисты, писатели, врачи... Это добрые, отзывчивые люди. Этот общительный человек притягивает их к себе и сам тянется к ним, потому что только с друзьями можно стать лучше, чем ты есть.

Встречи на Оби

Матушка... Сударыня... Напоит, накормит, красотой одарит...
Так говорят у нас о реках.

Чудо природы реки — гордость, радость и счастье людей, всего живого.

В СССР почти три миллиона рек и речек. Среди самых знаменитых, особенно в последние годы, — Обь. Не тем она, Обь, широко известна, что есть одна из крупнейших рек мира, а тем, что стала важнейшей артерией главной топливно-энергетической базы страны. По ней идет основной поток грузов для промыслов Западной Сибири, новых городов и поселков. Этот путь в десятки раз дешевле воздушного, выгоднее автомобильного и стального (последних здесь к тому же еще очень мало). И конечно же, никакая другая, даже самая современная магистраль не способна принять на себя столько, сколько принимает речная обская.

Могучая Обь словно и людям сил прибавляет, когда они приходят к ней. Ведь сколько сделано возле нее за короткое время!

Фотокорреспондент нашего журнала Александр Лысяков побывал на Оби, в районе поселка Октябрьского, глубокой осенью. Река вот-вот готова была встать. Люди, работающие на ней и около, уже одевались по-зимнему. Но работа — кипела. Водолазы, строители газопровода «Уренгой — Помары — Ужгород», охотоведы, рыбаки, лесорубы, изыскатели, геологи, — кого только не встретил журналист. И в небе над Обью все нарастал в эту пору гул моторов, — когда река встает, перевозку грузов, людей берут на себя вертолетчики...

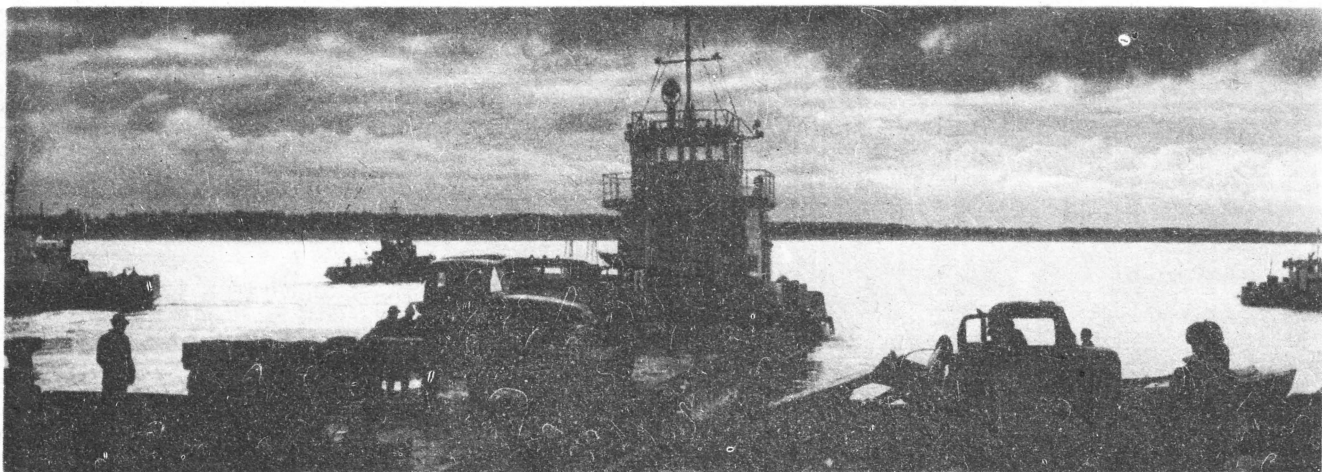
Конечно, самые жаркие дела в тот момент были на Оби у строителей газопровода. Надо было запастись трубами для подводного участка газовой трассы, прорыть с помощью земснаряда траншею поперек реки... Водолазы постоянно контролировали ход операции, — как без них! Только они и могли подсказать, где и что надо сделать на дне, чтобы зимой, при укладке трубы в реку, не было никаких неожиданностей. В это же время на берегу, куда еще совсем недавно выгружали технику, материалы, раскинулся поселок — домики, баня, склады, и прораб Николай Хроменко вместе с женой готовы были принять в уютной комнате гостей, угостить жареной щукой, оладьями, клюквенным морсом.

...Веками дремали эта земля, эти берега. Еще недавно к редким селениям Приобья везли в баржах откуда-то издали керосин, а дорога на «Большую землю» превращалась в долгое путешествие. Приметы прошлого остались. Всего за час теплоход «Метеор» доставит вас к селу Шаркалы, которому почти 400 лет. Темнеют старинные избы. И песни в избах, когда поются, звучат словно из глубин времени. Живы здесь традиции коренных обитателей — хантов и манси. А учительница Тамара Деодорова терпеливо и настойчиво собирает экспонаты для музея народного творчества, помогает вместе со старожилками восстанавливать и развивать прежние ремесла. Ребятишки села, например, уже научились изготавливать национальные игрушки из кусочков меха...

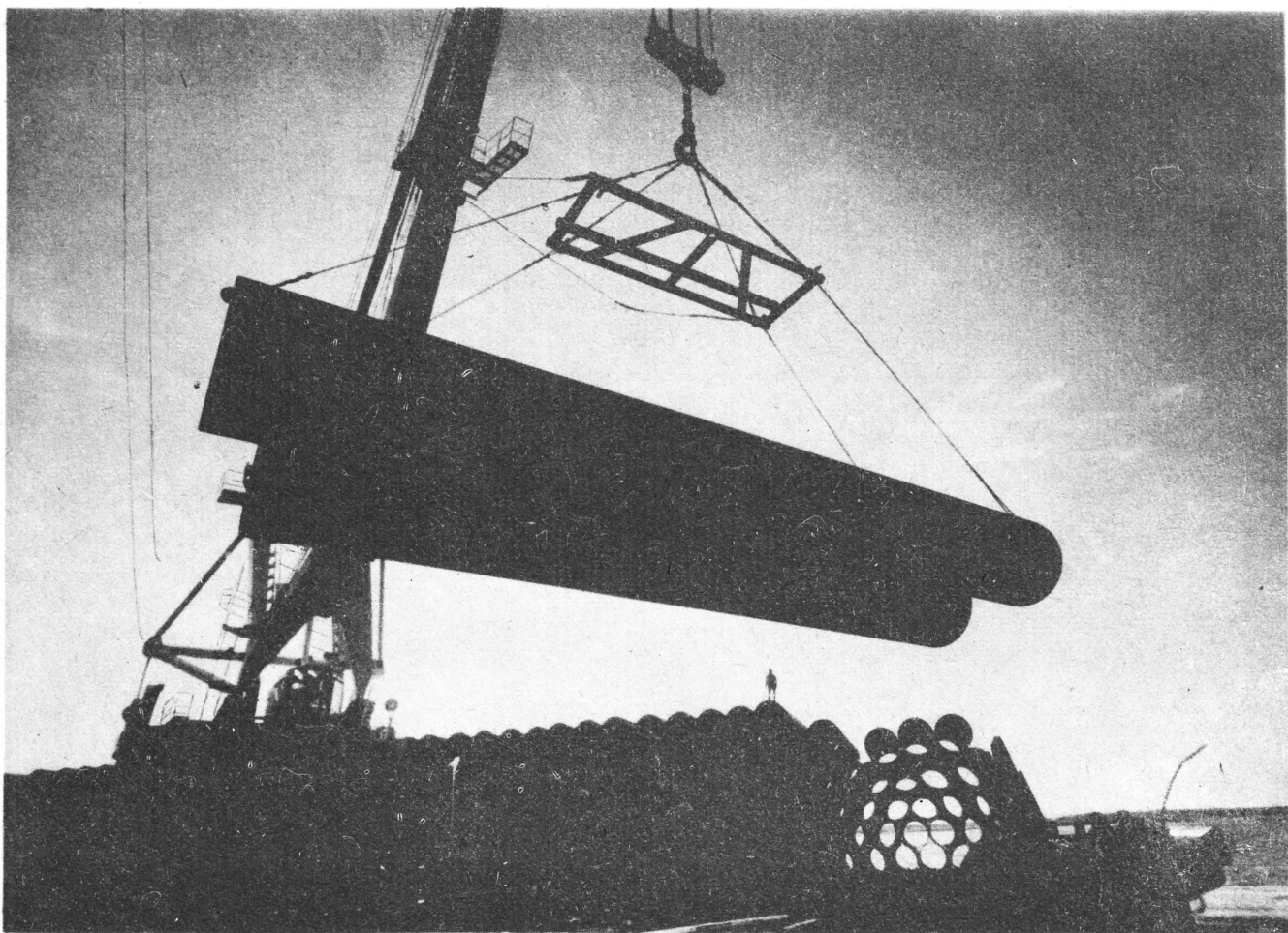
Новь и прошлое на Оби не спорят одно с другим, но — поддерживают, крепят друг друга. Тем и замечательна здешняя жизнь.

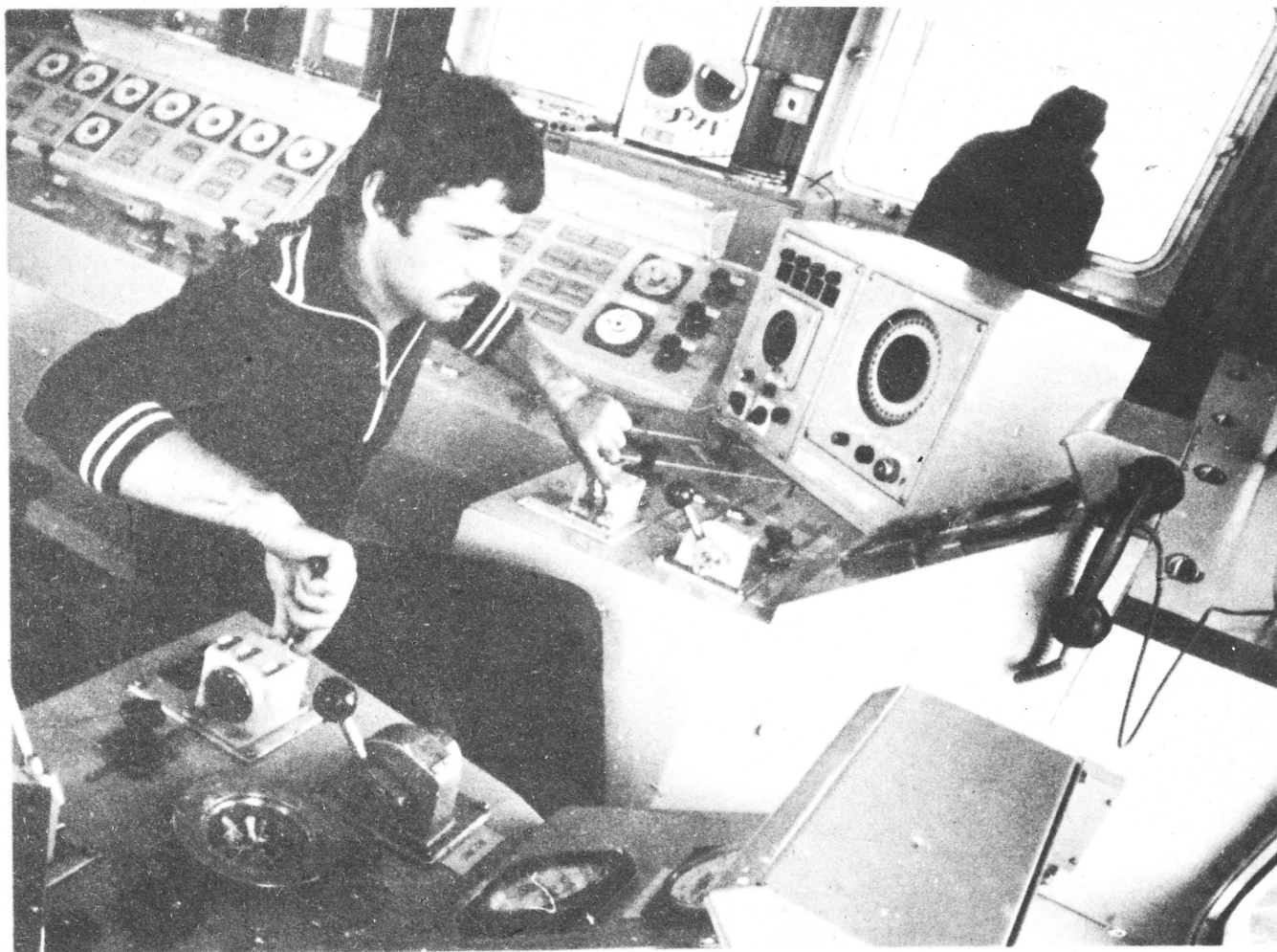
...Весной река разливается на десятки километров вширь. Она словно разминается перед большими летними трудами, возложенными на нее человеком.

На 1—3-й страницах вкладки
фото А. Лысякова

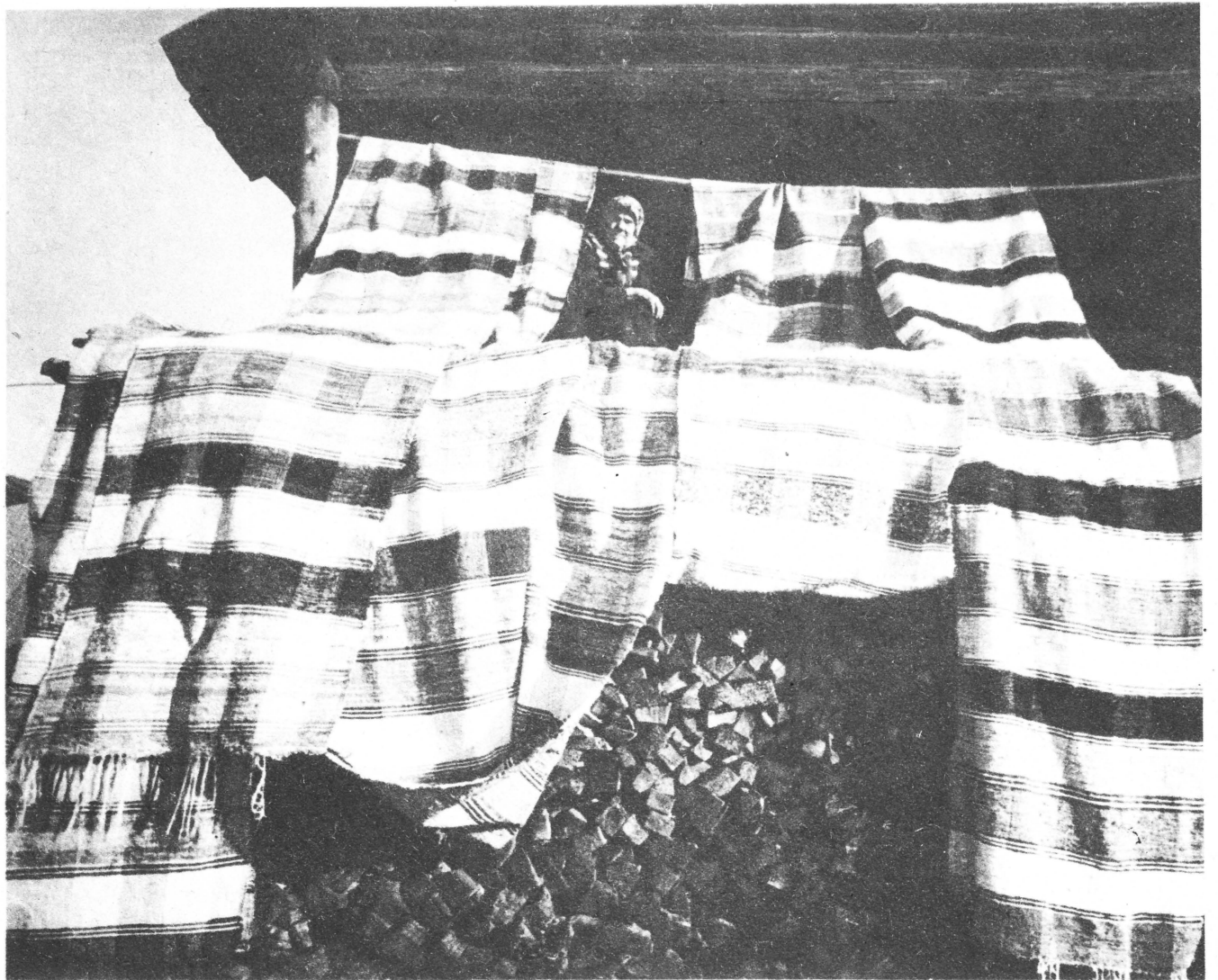
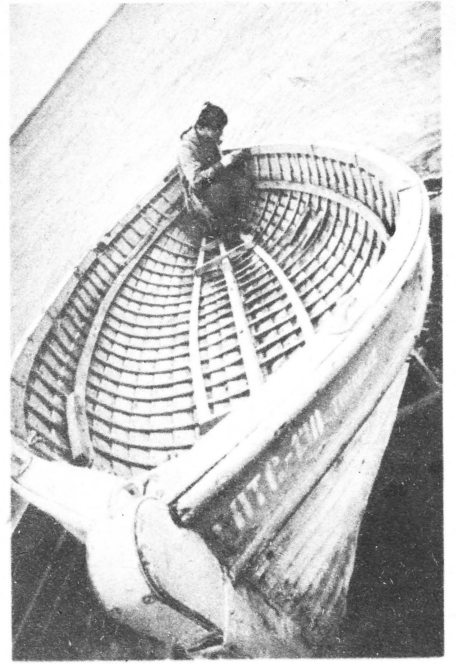

На снимках: гудит обский рейд. У поселка Октябрьский; водолаз первого класса Иван Артеменко с улыбкой предупреждает экипаж земснаряда: «Меняйте режим. Впереди — глина!...»; труб для газопровода надо много. Поселок Андра.

На снимках: земснаряд «Ямал». На вахте — оператор Борис Тарловский; Галина Радачинская работает в химвесхозе. На «точку» ее вместе с четвероногим другом подбросит вертолет; Женя Невельский — житель Октябрьского; в поселке Октябрьский. Руководельные дорожки Гликерии Петровны Кузнецовой.

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

Повесть

Владислав
КРАПИВИН

Рисунки
Е. Стерлиговой

Яр замер. Шевельнул плечом, ощутил мышцами груди спокойную твердость пистолета. Оторвал от подоконника ладони и медленно обернулся.

В двух шагах стоял человек в черном костюме. В белой сорочке с темным галстуком. Среднего роста, сухощавый. С приветливым лицом без морщин. С гладкой черной прической — такой блестящей, будто голову помазали дегтем.

— Ярослав Игоревич, не могли бы вы уделить мне две минуты?

Человек говорил странно: губы его почти не двигались и лицо не менялось. Но голос был приветливым.

— Да, если две минуты, — как можно спокойнее отозвался Яр. — Я спешу.

— Я знаю. Об этом и речь... Куда-нибудь пройдем или побеседуем здесь?

— Здесь, — сказал Яр.

— Как угодно... — Человек отошел к стенке против окна, слегка прислонился, взялся за тонкую трубу, которая шла сверху к решетчатой батарее отопления.

— Я слушаю, — сказал Яр.

— Ярослав Игоревич, вам не следует разыскивать мальчика...

«Что же, этого надо было ждать, — подумал Яр. — Может быть, оно и к лучшему». Знакомое ощущение «на щелчке» взвело в нем тугие пружины. Яр сел на подоконник, прижался затылком к косяку. Быстро глянул на перрон — Игнатика не было. Яр посмотрел на человека. Тот ждал.

— Разыскиваю я мальчика или нет, это мое дело, — сказал Яр. — Мое и мальчика. Но никак не ваше.

Казалось, человек слегка вздохнул, хотя лицо его опять не шевельнулось. Оно блестело, как глазированное.

— Вы заблуждаетесь, — сказал человек. — Это дело касается очень многих. В том числе и меня.

— Кто же вы такой?

— Меня зовут Тот.

Яр усмехнулся:

— Исчерпывающий ответ. По-моему, это имя какого-то египетского божества.

— Я не божество. И это не имя. Скорее, местоимение. «Тот, того, тому; тот, который...» И так далее.

— Ну и что же Тот который хочет от мальчика и от меня? — сдержанно спросил Яр.

— От мальчика почти ничего. Только, чтобы он не был в контакте с вами... А от вас: чтобы вы последовали доброму совету...

— Жду совета.

— Вернитесь домой.

— Домой — это куда?

Тот улыбнулся уголками твердого рта.

— Я имею в виду крейсер.

— А-а... — сказал Яр.

Поезд подошел к платформе, но она была совершенно пуста.

Человек заговорил вкрадчиво, его голос теперь напоминал шелест сухого песка:

— Поверьте, это в наших силах — вернуть вас на корабль.

— Охотно верю, — вежливо отозвался Яр. — Но вы, наверное, не думаете, что, услышав ваш совет, я тут же соглашусь.

Тот снова улыбнулся:

— Нет. Я понимаю, что обязан ответить вам на некоторые вопросы.

— Вот именно, — сказал Яр.

— Хорошо. Спрашивайте.

— Спрашиваю. Что такое нашествие?

Тот поморщился. Яр не ожидал, что это неподвижное лицо способно на такие гримасы. Казалось, от щек и подбородка сейчас посыплется потрескавшаяся глазировка. Нет, не посыпалась.

Тот неохотно сказал:

— Нашествие — это просто побочный продукт эксперимента.

— Что за эксперимент?

— Но, Ярослав Игоревич... Это крайне сложный вопрос. Извините, но вы можете не понять...

— Как-нибудь.

— Я даже не уполномочен делать такие разъяснения...

Окончание. Начало см. в № 3.

— Но вы, по-моему, уполномочены уговорить меня покинуть Планету,— усмехнулся Яр.— А мне не хотелось бы покидать без разъяснений. Я крайне любопытен от природы. Что за эксперимент, в результате которого горят города и гибнут люди?

Тот сказал очень сухо:

— В процессе эксперимента иногда горят целые звездные системы.

— Ого, у вас масштабы.

— Да,— с еле заметным самодовольством отозвался Тот.

— Тем более любопытно. В чем суть такой обширной деятельности? И цель?

— Цель... Хорошо.— В шелестящем голосе опять скользнуло самодовольство.— Конечная цель — создание мыслящей галактики.

«Псих? — подумал Яр.— Или правду говорите?» (А Игнатика все не было).

— Вы можете не верить,— сказал Тот.— Но это правда.

— Допустим... А зачем вам это? Мыслящая галактика.

Тот растерянно, как-то очень по-человечески мигнул.

— Я не понимаю...

— И я не понимаю,— сдерживая злость, сказал Яр.

— Но мыслящая, осознавшая себя галактика — это... высшее достижение... венец прогресса... Извините, но я же предупреждал, что вам трудно будет осознать.

Яр пожал плечами.

— Я осознал. Я даже догадываюсь, что мыслить она должна исключительно по-вашему... Но не вижу смысла. По-моему, каждый человек — сам по себе галактика. Целая вселенная, если хотите. Целый мир чувств, идей... Впрочем, это общеизвестно. Так зачем же убивать столько галактик ради одной?

Тот вздохнул и терпеливо сказал:

— Ярослав Игоревич, это все красивые слова.

— Отнюдь... Вы что же, полагаете, чем больше линейные масштабы мыслящей материи, тем она совершеннее? — возразил Яр. И подумал: «Игнатик... Да он один стоит десяти галактик. Недаром же своей выдумкой пробил пространство... Кстати, где он?»

Гладколицый Тот, судя по всему, угадал мысли Яра. Или прочитал?

Он проговорил с досадой и довольно искренне:

— Кто же знал, что у мальчишки такие способности? Он шутя делает то, что нам удается после колоссальных усилий. Да и не всегда удается к тому же...

— Просто он очень верит в сказки,— сдержанно сказал Яр.— Галактика сказок... А вы пришли, сожгли его город, убили его друзей.

Могли убить и самого.. В давние времена это называлось четко — фашизм.

— Не слышал,— сказал Тот.

— Это не меняет сути.

— Но вы и сам не такой уж гуманист,— заметил Тот.— Зачем-то же носите пистолет.

— Чтобы защищать «галактики»,— не растерялся Яр.— От всяких экспериментаторов... Кстати, любопытно узнать: кто вы такие? Жители Планеты или принесло вас откуда-то?

— Простите, Ярослав Игоревич, но про это я в самом деле не могу...

— И не надо,— устало сказал Яр.— Как-нибудь докопаюсь. В конце концов, ничего оригинального в вас нет. Еще в древние эпохи всякая нечисть прикрывалась словами о прогрессе.

Тот натянуто улыбнулся:

— В древние эпохи.. Какой вы все-таки ребенок. Видимо, поэтому и нашли общий язык с теми четырьмя.

«Ах ты гад»,— тоскливо подумал Яр. Но спросил вежливо:

— Кстати, чем мы вам помешали? И почему вы как чумы боитесь числа пять?

— Но, Ярослав Игоревич...

— Что? Не уполномочены отвечать?

— Хорошо, я объясню. Население многих планет не может понять сути эксперимента, сознание гуманоидов цепляется за привычный образ жизни. Люди начинают мешать нам. Чаще всего это не страшно. Однако опыт показал, что иногда в обществе создаются молекулы активной сопротивленности. На данной планете — честное слово, не знаю, почему — это, как правило, группы из пяти человек. Закон природы какой-то... Конечно, и они почти не страшны. Но если в такой пятерке один умеет связывать разные пространства, а другой — разведчик космоса... Видите, я с вами открываю.

— Весьма,— сказал Яр.— Но чего вы боитесь теперь? Нас не пятеро, нас осталось только двое.

Тот растерянно мигнул.

— Ну... все равно. Присутствие человека из другого мира... В конце концов, это незаконно. Что вам здесь надо? Мы же не лезем в ваше пространство.

— Вы пробовали,— уверенно сказал Яр.— Не получилось.

— Да,— согласился Тот.— Но теперь уже не пробуем. И вы тоже оставьте нас.

— Хорошо,— сказал Яр. Неожиданно для себя. И без уверенности, что говорит правду.— Я уйду. Только вместе с мальчиком.

— Это невозможно,— быстро ответил Тот.

— Почему?

— Это сложный вопрос...

— Вы уже заметили, что я люблю ясные ответы.

— Отвечаю ясно. Вы вдвоем представляете

ось, которая соединяет разные пространства. Нам ни к чему такая связь. Мальчик в любое время может вернуться и привести с собой кого угодно.

— А вы боитесь...

— А мы не хотим осложнений... Да и зачем мальчику уходить с вами? Что он будет делать в вашем благоустроенном мире?

«Это вопрос»,— подумал Яр.

— Он и не согласится. У него есть причины, чтобы не покидать Планету,— сказал Тот.

«Возможно»,— подумал Яр. И вздохнул:

— Тогда мы с вами не договоримся.

— О чем?

— О господи! О моем уходе.

— Но вы обещали!

— Я? Когда?

Тот задумчиво покачал трубу отопления. С нее посыпалась ржавчина. Тот заговорил жестко — в голосе не шелест песка, а хруст щебенки:

— Вы ставите нас перед необходимостью принять жесткие меры.

— Вы сумели напугать мальчика. Меня испугать труднее.

— Я не пугаю, а информирую,— с грустной ноткой сообщил Тот.

— Кстати, о мерах... Зачем вы так возитесь со мной? Что такое еще один человек при ваших-то масштабах? Почему вам попросту не прихлопнуть меня?

— А зачем... лишние жертвы...

— Я заметил, Тот, что врете вы неумело, вас слишком примитивно запрограммировали,— пренебрежительно сказал Яр.— Говорите уж прямо.

— Говорю прямо. Мы не можем. Вы человек из другого пространства. Программа эксперимента не позволяет...

— Кислое у вас положение,— усмехнулся Яр.

— Но мы можем другое,— опять с вкрадчивым шелестом сказал Тот.— В случае необходимости мы можем убраться мальчика или одного из трех его друзей.

— Из трех?!— метнулся Яр.— Значит, они живы?!

Тот замигал, как провинившийся первоклассник.

— Я... не знаю. Я имел в виду тот случай, если они спаслись... Такую вероятность нельзя исключить до конца.

«Почему же ты, идиот, сам не подумал об этом?— сказал себе Яр отчаянно и радостно.— А Игнатик думал! Недаром он так расцвел, когда увидел пятилистник...»

— Если кого-то из них вы заденете пальцем,— отчетливо и медленно проговорил Яр,— создавать мыслящую галактику будет некому. Я тоже кое-что умею и не остановлюсь ни перед чем.

Тот вздохнул, выпрямился, чиркнул пальцем по трубе отопления. Она перерезалась — гладко и ровно, как тонкой ножовкой. Тяжелая батарея

осела на пол. Труба качалась и со всхлипом втягивала воздух. Тот чиркнул по трубе еще раз — повыше первого среза. К ноге Яра покатилося железное колечко. И еще колечко. И еще... Тот нагнулся, смял в кулаке звенья батареи, отшвырнул ее, как ворох бумаги, и посмотрел на Яра.

— Не впечатляет,— сказал Яр.— В цирке я любил клоунов, а фокусников смотрел без интереса.

— Пожалейте вашего Игнатика,— предупредил Тот.

— Мне кажется,— проговорил Яр,— вы и его, и меня берете на испуг. Вы ничего не можете сделать ему, как и мне. Иначе бы давно сделали.

Тот пожал плечами и пошел по коридору. Спина его была прямая и неподвижная. В эту спину Яр бросил слова:

— Эй вы... Тот! Остановитесь.

Тот остановился. Повернулся к Яру всем туловищем. Лицо его было вежливым и бесстрастным.

— Еще один вопрос. Последний,— сказал Яр.

— Слушаю вас.

— Планета Земля, город Нейск, угол улиц Южной и Строителей, магазин «Спорттовары»... Это не вы стояли там в витрине, в башмаках с шипами и с ледорубом на плече?

— Нет,— очень спокойно ответил Тот.— Это был не я.

— Да, пожалуй... У вас физиономия поинтеллигентнее. Но весьма похоже... Ладно, прощайте.

— До встречи,— сказал Тот. И опять двинулся по коридору.

Яр посмотрел на перрон — никого. Посмотрел на часы — было ровно восемь вечера. Если верить кассирше, поезд отправится через три минуты.

«Наверное, Игнатик уже там,— сказал себе Яр.— Прозевал я, пока беседовал с глиняной скотиной...»

Он перемахнул через подоконник и легко упал на платформу.

Вагончики дернулись и сразу быстро покатили. «Черт, раньше срока...» Яр вскочил, бросился за поездом и прыгнул на висячую подножку.

2.

Вагон был совершенно пуст. В нем стояли потертые желтовато-лаковые скамейки — как в старой электричке, на которой маленький Яска ездил с мамой на дачу к знакомым.

В полуоткрытые окна врывался встречный воздух, катал по полу пыльные окурки. Потом среди скамеек пробежал маленький спиральный вихрь, закрутил пыль, взметнул бумажные обрывки...

Яр сел у окна. Дребезжало треснувшее стекло. За окном низкое солнце кинуло на море широкую огненную полосу.

Яр не хотел сейчас метаться по вагонам и разыскивать Игнатика. В этом крылось что-то обидное — и для Игнатика, и для него. Яр был уверен, что Игнатик в поезде. Еще совсем немного, и они встретятся. И Яр ласково и твердо объяснит, что не надо бояться тех, которые велят. Яр и Тик будут вместе. Во-первых, потому что они нужны друг другу. Во-вторых, потому что так безопаснее. Те ничего не сделают Яру и ничего не сделают Игнатику, если он рядом с Яром. И ничего не сделают Альке, Данке и Чите, если их спасло счастливое чудо.

Чудо?

Или какой-то закон, из-за которого эти манекены, одержимые космической гигантоманией, бессильны перед пятеркой друзей?

Алька, Данка, Чита... Боже мой, неужели есть надежда, что они живы? Тогда... тогда все меняется на этом свете.

Нет, надо скорее найти Игнатика и сказать ему обо всем.

Проходы между вагонами были открыты. Яр прошагал сквозь поезд туда и обратно несколько раз. Дергал дверки пустых туалетов, заглядывал под скамейки. На него оглядывались редкие пассажиры — все больше хмурые рыбацкие старухи с узлами и корзинами.

Не было Игнатика.

Яр опять сел у окна, в первом вагоне. Похожее на помидор солнце тонуло в море, день угасал. И настроение угасло. Но в том, что Игнатик где-то в поезде, Яр был уверен по-прежнему.

Поезд пошел вдоль черно-ржавой стены со многими рядами круглых окон. Яр наконец сообразил: это борт громадного парохода, вздымающийся над береговой кромкой. Ну и великан! Кто его построил, зачем? Давно ли он здесь ржавеет?

«Опять вопросы, — подумал Яр. — И никаких ответов...»

Когда-то он с интересом читал фантастические книжки из коллекции Стасика Тихова. Многие из них рассказывали, как человек с Земли попадал на другие населенные планеты. На этих планетах царило зло и угнетение. Землянин храбро вступал в бой — то со сказочными драконами, то со злыми роботами, то с хитрыми диктаторами. И выходил победителем, освобождал планету. Иногда легко и весело, иногда после тяжких трудов и жертв. Но освобождал.

На самом деле пришельцы не могут освободить планету. Она, если хочет, должна освободиться сама. Планета огромна, пришелец мал, затерян, беспомощен. Он не знает ее законов...

Но Тот и его компания... Разве они не пришельцы?

Кто они такие? Могучая цивилизация или кучка авантюристов? Родились они здесь или пришли из глубины вселенной?

«Это все равно, — подумал Яр. — Они несут Планете зло. Тот, кто несет зло, всегда чужой. Даже если он с этой планеты...»

Такие встречались и на Земле. Во все времена. Сначала именем богов и владык, потом именем прогресса и любви к человечеству они делали все, чтобы уничтожить Землю и людей. Не удалось. Но не по их ли вине Земля стала похожа на постриженный сквер с павильончиками для развлечений? Или я не прав? Что я знаю про нынешнюю Землю? Не многим больше, чем про Планету...»

Впрочем, эти мысли волновали Яра меньше, чем одна — конкретная и неотступная. О крепости. Рухнула крепость сама или ее обрушили те — чтобы покончить с опасной пятеркой?

Если те, это лучше. Тогда, возможно, сработал закон сопротивления, и ребята спаслись...

Поезд ушел от моря, потянулись заросшие холмы. Вечер сразу потемнел, зажглись желтые плафончики. В этом печальном свете и мысли у Яра сделались печальными. Он стал понимать, что на придуманные законы и на чудо надеяться не стоит. Крепость, скорее всего, сползла сама. Видимо, электрические разряды при нашествии как-то нарушили структуру берега... И нечего тешить себя надеждами.

А Тик, напуганный мерзавцем Тотом (или просто Тем?), будет убежать и прятаться бесконечно. Думает, глупый, что этим спасает Яра от беды...

Кто-то шаркающе подошел и кашлянул. Яр опять ощутил грудью прикосновение пистолета и медленно оглянулся. Рядом стоял старичок в мятой фуражке с засаленным галуном. С зеленой повязкой на потертом рукаве.

— Билетик ваш... — попросил старичок.

— Нет у меня билета, отстаньте! — резко сказал Яр.

Старичок потоптался, поморгал и заговорил примирительно:

— Ну, нет так нет. Ругаться-то зачем? Скажали бы попросту, я разве не понимаю...

«Что это я? — ахнул про себя Яр. — При чем здесь старик?»

— Извините, папаша. Не успел билет купить, спешил...

— Ну и ладно, — покладисто отозвался старичок. — Не успел так не успел... — Он присел напротив Яра. — Если разобраться, то кому они нужны сейчас, эти билеты? Ты, главное, скажи по-человечески, я и пойму... А то вроде как тот мальчонка. Я подхожу, а он бежать...

— Какой мальчонка? — замирая, спросил Яр.

— Да шустренький такой, в рубашечке апельсиновой... Я говорю: «Ну куда ты скачешь-то? Я тебя разве буду ловить? Ты скажи по-хо-

рошему да езжай дальше...» Ну, притих, успокоился...

— А где он сейчас?

— Тут он и есть, в соседнем вагоне прилег...

Яр поднялся и по-кошачьи пошел к тамбуру.

...В соседнем вагоне так же слабо горел желтый свет и дребезжали стекла. Вагон подпрыгивал на стыках. В такт этому подпрыгиванию вздрагивали мальчишеские ноги — они торчали из-за спинки ближнего сиденья. Пыльные, в белых царапинах на загаре. В стоптанных полуботинках без шнурков. Яр вспомнил, что из шнурков Игнатик сделал тетиву для лука... Он перегнулся через спинку.

На голой скамейке — голова на согнутых руках — спал светловолосый остролицый мальчишка.

Яр смотрел на него с ощущением потери и усталости. И с невольной ласковостью. Пацаненок в порванной оранжевой майке был слегка похож на Игнатика.

Так продолжалось полминуты. Мальчик поднял веки, встретился глазами с Яром. Секунду лежал неподвижно, потом метнулся к выходу.

Яр постоял и пошел следом. Он чувствовал себя виноватым. На ходу он подумал: «А Игнатик-то, наверно, и не в рубашке, он же курточку с собой взял. Зря я гонялся...»

Он опять прошел поезд насквозь. Последний вагончик заканчивался площадкой с навесом и перильцами. Под кромкой навеса горел яркий фонарик.

Мальчик был здесь. Он вскочил на перила, ухватился за витой столбик и быстро сказал:

— Я могу спрыгнуть на ходу. Мне ничего не стоит.

Голос у него был тонкий, но не испуганный, а сердитый.

— Не надо,— отозвался Яр как можно спокойнее. И сел на откидное сиденье у двери.

Мальчик стоял, покачиваясь. Глядел сверху на Яра.

— Что вам от меня нужно? — спросил он потише.

— Ничего. Я искал не тебя. Я ошибся, извини... И не бойся.

Мальчик прыгнул на трясущийся пол.

— Я не боюсь ничего, не в этом дело,— сказал он очень серьезно.

— Зачем же убежал?

Мальчик сказал нехотя:

— Я тоже ошибся. Я думал, что пристанете с расспросами. Не люблю, когда много спрашивают.

— Я не буду,— пообещал Яр.

Мальчик сел на откидную скамеечку у друтого косяка. Поставил на нее пятки, обхватил колени. Стал смотреть перед собой. Фонарик ярко светил ему на макушку, а лицо было в тени.

Из-под вагона убегали рельсы, они тускло

отражали еще не совсем погасшее небо. Уплыл назад темный городок с острыми башнями и редкими огоньками. Мальчик тихо спросил:

— А вы кого искали?

— Такого же мальчика... Понимаешь, он уехал не попрощавшись...

— Понимаю. А далеко уехал?

— Сказал, что до станции Мост.

— Куда? — звонко спросил мальчик. Опустил ноги и повернулся к Яру.

— До станции Мост....

— Ну, вы даете... — пренебрежительно сказал мальчик.

— А... что такого я сказал?

Мальчик пожал плечами.

— Я не здешний,— объяснил Яр.— Я многого не знаю.

Мальчик снисходительно спросил:

— Вы по правде верите, что такая станция есть?

— Да... По крайней мере, верил до сих пор... А куда же идет поезд?

Мальчик усмехнулся:

— Куда-нибудь...

— Но все-таки? С какой станции он отправится обратно?

— А зачем ему отправляться обратно...

Яр понял, что дальше спрашивать не стоит. Он беспомощно сказал:

— Тогда я не знаю, как быть. В поезде я его не нашел... Где же искать, если станции Мост нет?

— Да уж лучше сойти где придется,— посоветовал мальчик.— Там, где место покажется подходящим.

— Пожалуй, я так и сделаю,— устало сказал Яр. Его стала давить сонливость.

— Так и сделайте,— сказал мальчик.

Яр встряхнулся и опять посмотрел на него. Мальчик снова сидел, обняв колени. С локтя у него падали темные капли.

— Что это у тебя? На руке...

— А... Поцарапался, когда бежал. Там проволока торчит у тормоза.

— Ну-ка покажи... Ничего себе «поцарапался»!.. Дай, я хотя бы платком перетяну. Это ты из-за меня пострадал.

Мальчик скосил глаза на локоть.

— Ладно, перетяните.

— И промыть-то нечем...

Мальчик задумчиво сказал:

— Раньше раны смолой замазывали. Или порошком посыпали...

— Порохом?

«А в самом деле, он же стерильный», — подумал Яр. Вынул и положил на колени пистолет. Вытащил обойму.

— «Викинг», — не удивившись, сказал мальчик.— Хорошая штука, надежная.

Яр достал патрон, зажал в закаменевших

пальцах пулю, раскачал, выдернул. Высыпал на ладонь серые зернышки.

— А в патронах для карабинов порох черный,— задумчиво сказал мальчик.

Яра что-то толкнуло:

— В учебных патронах?

Мальчик будто затвердел. Глухо молчал.

— Ну, извини, ты ведь не любишь лишние вопросы. Как бормотунчик,— сказал Яр.— Давай руку.

Мальчик подставил локоть. И, обмякнув, тихо проговорил:

— Они были не учебные. Просто они почему-то не срабатывали, когда нужно. Будто холостые...

Яр присыпал порохом глубокий черный порез, достал платок, разорвал на полосы. Вспомнил Альку— как он поранил ногу в фонтане, а Данка бинтовала.

А может быть, они все-таки живы?

Он стал перевязывать мальчику руку.

— Вам не жаль патрон?— спросил мальчик.— Их же всего семь в обойме.

— Что поделаешь...

Над бинтом, у самого плеча был у мальчика широкий шрам: пятно бугристо съежившейся кожи.

— Где это ты так?— спросил Яр.— Ох, прости, я опять с вопросом...

— Ничего. Это ожог.

— Понятно... А можно еще вопрос?

Мальчик кивнул.

— В Городе,— сказал Яр,— есть узкая улица между стенами. Она ведет от площади с колоколами к башне. Как она называется?

— Так и называется: Башенная,— спокойно разяснил мальчик, опуская на локоть трикотажный рукав. Но, кажется, опять насторожился. Съежился.

— Тебе не холодно?

Он вздохнул:

— Мне не бывает холодно. Я даже не знаю, что это такое...

— А грустно бывает?

Мальчик опустил голову лбом на колени.

— Это похоже,— сказал Яр.— Грусть и холод.

— Тогда понимаю...

Мальчик посмотрел на темнеющее небо, и глаза блеснули под фонарем.

— Сейчас тепло над всем полуостровом,— сказал он.— Завтра будет холоднее. Даже снег пойдет к вечеру. Вот будет у ветров работа— разносить его... Но вы не бойтесь, это случайный летний снег, здесь бывает такое. Я вам говорю, потому что вы не здешний.

— Спасибо... А ты умеешь делать бормотунчиков?

— Умел. У нас все умели... А вы умеете играть на барабане?

— Умел... У меня в детстве был игрушечный барабан.

— Тогда послушайте: какой марш барабанят колеса?

— Ну, этого я не знаю...

— Сбор на площади, шеренги по пять,— сказал мальчик.— А вот и огоньки.

Поезд шел вдоль мохнатого от зарослей склона. Вверху замелькали то ли факелы, то ли маленькие костры.

«Один, два, три... четыре,— машинально считал Яр.— Или пять?» Огни то вспыхивали, то терялись.

— Я пойду. Спасибо,— сказал мальчик.

— Куда?

Мальчик вскочил на перила. Яр испуганно качнулся к нему.

Мальчик легко прыгнул. И его словно отнесло ветром. Он встал, покачиваясь, на упругих верхушках кустов. Будто совсем невесомый. Помахал Яру. И побежал вверх, не проваливаясь в чащу.

...Яр всю ночь провел на площадке. Даже поспал, навалившись на тряскую стенку вагона.

Потом он ехал еще полдня — голодный, утомленный и почти спокойный. Он знал теперь, что Игнатика в поезде нет и поиски будут долгими. И начинать их надо там, где подскажет инстинкт. Если подскажет...

Поезд пошел по высокой зеленой насыпи. Вдоль нее развевался городок. Было в нем что-то знакомое, как в Орехове. Скорость заметно снизилась на подъеме. Яр застегнул куртку и прыгнул вниз, на травянистый склон.

3.

Это был городок или поселок с ласковой тишиной на улицах. Кирпичная церковь с голубыми на обветшалой колокольне. Домишки с узорчатыми карнизами, длинные дощатые заборы. Вдоль тротуаров стояли клены, в них было много покрасневших листьев.

Слабо пригревало солнце.

На косом навесе маленького деревянного крыльца лежал, свесив голову, громадный кот с зеленовато-серой шкурой. Домик с круглым итальянским окном и кот показались Яру знакомыми.

— Кис-кис...— шепотом сказал Яр.

Кот изо всех сил зевнул и отвернулся.

Яр улыбнулся. Он был спокоен, как человек, вернувшийся после трудного рейса в родные места. У него появилась уверенность: теперь все пойдет как надо. Он даже предчувствовал, что будет дальше. За одним из поворотов откроется море, он спустится к берегу, там стоит готовый к отплытию баркас. Два молчаливых рыбака распустят парус. При тихом ветре баркас пересечет бухту, и на ступенях маленькой пристани

Яр увидит одинокого уставшего Игнатика. Возьмет его на руки и скажет:

— Больше не убегай, глупыш... Помнишь, я хотел покатать тебя под парусом? Поехали...

Да, он верил, что так и будет...

Сначала ничто не говорило о близости моря. Но вот кончились деревянные домики, потянулся бульвар с белой каменной балюстрадой. На балюстраде густо сидели улитки. Это было похоже на уголок в курортном городке. Началась улочка с домами из ракушечника.

Быстро завечерело. Стал опускаться медленный снег. Это был теплый ласковый снег, солоноватый на вкус. Он еще больше успокоил Яра. А море — Яр чувствовал — было совсем рядом.

Яр оглянулся и не заметил ни одного прохожего. И не надо, сам найдет путь к берегу, без расспросов. Скорее всего, следует свернуть в этот переулок, сойти по сбитым ступенькам на каменистую тропинку, обогнуть двухэтажный домик с балконом...

С удивительно знакомым балконом!

У балкона были железные перила с узором, напоминающим штурвалы. Их оплетали засохшие стебли вьюнков. Среди стеблей поблескивал подвешенный неизвестно зачем елочный шарик. Яр заметил этот блеск при свете одинокой лампочки, которая горела на столбе.

Он вспомнил. Его всегда занимала загадка: зачем среди вьюнков повесили елочную игрушку? А спросить было некого. Хозяева уехали в столицу и оставили домик в полное распоряжение Яра. И он, семнадцатилетний, жил тогда на каникулах в этом домике один. Вернее, со своими планами на будущее и ненаписанными стихами. У моря... Еще не было Ратальской космошколы, не было приятелей-курсантов... А мамы уже не было. Только стояла на подоконнике мамина фотография.

Может быть, она стоит и сейчас?

Дверь была приоткрыта, окна не светились. Дом казался пустым.

Яр шагнул к утонувшему в сухой траве крылечку.

«Что ты делаешь, — сказал он себе. — Это не тот дом, не то море, не та Земля...» Но была такая крепкая уверенность, что в низенькой комнате на первом этаже стоит по-прежнему раскладушка с раскиданными по ней учебниками по астронавигации, притаился в углу старенький телевизор «Спартак», а на подоконнике, среди раковин и пестрых морских камней, в тонкой пластмассовой рамке — карточка мамы.

Если очень поверить...

Ведь поверил же Игнатик — и шагнул к Яру через пространство.

Яр пошел к двери. Тревожная мысль, что он сворачивает с нужной дороги, едва не остановила его. Но Яр сказал себе: «Всего-то несколько шагов...»

В темном коридорчике он зацепил плечом висевший на стене велосипед (так бывало и раньше!) и дернул дверь «своей» комнаты.

Комнаты не было.

Вернее, она осталась, только не было стены — той самой, с окошком, глядевшим на море.

Стена обрушилась — видимо, еще в давние времена. Яр видел перед собой сизую громаду моря с огоньком у горизонта, серые полосы снега в синих сумерках, темную береговую улицу, которая неровно спускалась к воде. Каменные глыбы, клячья сухих кустов.

«Ну, что ж...» — подумал Яр.

Он по обломкам рухнувшей стены спустился на тропинку. Вышел на скалистую площадку, козырьком нависшую над улицей.

Снег шел и шел. Море было безмолвно. Яр чуть не задохнулся от одиночества. Уверенности, что его ждет баркас, уже не было.

Какой баркас? Откуда он возьмется?

Яр оглядел улицу. Она была пуста. Редко светились окошки. Но здесь — на площадке и других скалистых выступах — Яр увидел неподвижных и молчаливых людей. Стояли они и чего-то ждали. Это не разогнало его одиночества.

Послышался не то вздох тысячи людей, не то слитный шум неторопливых шагов. Слева, из тесноты домов, стала вытягиваться на улицу длинная толпа. Люди несли огни — маленькие факелы или очень яркие свечи. Издалека казалось — по медленной реке кто-то пустил сотни игрушечных лодочек с фонариками.

Раздалось пение. Негромкое, но сразу наполнившее улицу и берег, потому что пело множество людей.

«Какой-то праздник? Крестный ход, что ли?» — подумал Яр.

Но тут же он понял, что поют не молитву. Это была просто песня. Слегка печальная, с неразличимыми, но, видимо, ласковыми словами.

Огоньки достигли середины улицы. Их было так много, что мягкий отсвет упал на скалистый выступ. Яр увидел, что в трех шагах стоит пожилой человек в длинном пальто и широкой шляпе. У человека блестели очки и седые волосы в бороде. Он был похож на старого учителя или врача.

Яр мягко шагнул к нему. Вполголоса сказал:

— Простите, я не здешний. Что происходит?

— Колыбельная, — вздохнул старик.

Яр вопросительно молчал.

— Такой обычай, — тихо проговорил старик. — Поют колыбельную, когда хоронят ребенка.

Тоскливое предчувствие с размаху резануло Яра. Он скрутил его, сжал, мысленно обругал себя мнительным идиотом и неврастеником. Несколько секунд стоял, успокаиваясь. Переспросил:

— Ребенка?

Старик покивал:

— Да, мальчика...

— Что же случилось? — опять слабея от страха, спросил Яр. (А колыбельная все нарастала, заливая улицу ласковой печалью.)

— Храбрый был мальчик, — сказал старик. Снял шляпу, отряхнул от снега и сунул под мышку. — Беда случилась. Двое ребятишек отвязали лодку, их стало относить от пристани, они испугались, попрыгали в воду. А плыть не смогли, маленькие. Мальчик и бросился за ними. Вытащил, а сам поскользнулся и головой о камни... Два часа только и прожил после этого... Славный такой мальчик...

— Вы его знали? — хрипло спросил Яр.

Старик покачал головой (на ней быстро таял снег).

— Нет... Его здесь никто не знал. Он шел откуда-то издалека и вот оказался на берегу...

Яр с заледеневшим сердцем стал спускаться к улице. Но он еще надеялся. «Ну, брось, — говорил он себе. — Мало ли какой незнакомый мальчик мог оказаться на берегу... С какой стати здесь быть Игнатику? Он наверняка проехал мимо этого поселка... Черт знает, что с твоими нервами...»

По скользким от снега камням, через ломкие кусты и колючки Яр спустился к обочине. Женщины, мужчины и дети шли мимо. У них были большие пылающие свечи, они не гасли на воздухе. Колыбельная звучала слаженно, словно кто-то дирижировал хором. Только слов попржнему было не разобрать. Да Яр и не пытался.

Наверно, это была хорошая песня, если слышать ее не сейчас, не в эти жуткие минуты. А теперь она изматывала душу.

Яр пошел по краю дороги, обгоняя толпу. Он должен был скорее, скорее узнать: что там, кто там?

Люди втягивались в широкие двери каменного приземистого дома. Дом напоминал низкую церковь без башен — у него тускло светились очень узкие окна. А возможно, это был сарай для хранения рыбацких баркасов. Или какая-то мастерская...

Обгонять людей вблизи дома стало невозможно, они шли плотно, заполняя всю ширину дороги. Яр оказался в середине толпы. Кто-то дал ему свечу. И наконец он переступил порог.

Каменное здание внутри оказалось просторным и гулким (только у стен, кажется, лежали горбатые корпуса лодок). В дрожащем свете были смутно различимы под потолком переплетенные балки. Яр увидел это мельком и тут же забыл. Впереди — за десятками голов и ярких свечей — он разглядел серое возвышение. На нем чернела полоска маленького гроба, а над его

верхним краем Яр увидел белое запрокинутое лицо.

Чье лицо? Издалека не различить.

«Не надо, — сказал Яр судьбе. — Ну, пожалуйста, не надо. Столько уже было всего... Хватит горя...» И тут же понял, что судьбе все равно. Если мальчик погиб, то для мира, для Планеты не важно, кто над ним будет горевать — Яр или кто-то другой. Какое у Яра право хотеть, чтобы горе обошло его и настигло другого?

Но Яр хотел. «Не надо...» — еще раз беспомощно сказал он. Осторожно, однако быстро и настойчиво он обходил людей, чтобы скорее оказаться там... ближе... все узнать...

Но два седых рыбака положили на гроб острую двускатную крышку. Тут же его подняли на носилки из весел и понесли к дверям — не к тем, в которые входила толпа, а в другом конце здания. Яр бросился вперед. На него заглядывались. Закачались вокруг свечи. Яр сжал себя. Все равно ничего нельзя было сделать.

Из каменного дома толпа опять вытянулась на улицу. Здесь улица была сжата заборами. Гроб качался далеко впереди. Шли тихо, песни теперь не было. Теплое свечное сало капало Яру на руки.

Яр увидел рядом с собой девочку лет девяти. Чуть нагнувшись, Яр спросил:

— Как звали этого мальчика?

Спросил с отчаянным страхом, но неизвестность была еще страшнее.

Девочка подняла лицо. В ее глазах отразилась свечка Яра. Девочка негромко сказала:

— Он не здешний.

— Разве он не успел сказать, как его зовут?

— Успел...

— Ну... как? — простонал Яр.

— Нельзя же говорить, когда хоронят...

— Почему?

— За собой уведет...

Она еще посмотрела на Яра и, кажется, пожалела его, хотя и не знала, за что. Сказала, словно утешить хотела:

— Там ведь написано будет на могиле...

Улица пошла в гору. Опять запели колыбельную...

«Это никогда не кончится, — с бессильным отчаянием подумал Яр. — Это ловушка проклятой Планеты. Мы будем идти так бесконечно. И песня будет бесконечная...»

И страх будет бесконечным.

...Это кончилось. Улица привела к маленькому кладбищу над обрывом. Толпа растеклась под черными, очень высокими деревьями, окружила то место, где, кажется, была могила. Колыбельная все еще звучала, но тихо, без слов, будто люди пели, не разжимая губ.

Яр опять стал пробираться вперед.

Он добрался до могилы, когда над ней уже

насыпали холмик. При пламени свечей земля казалась темно-коричневой.

В холмик врыли маленький желтый памятник. Люди стали гасить свечи и расходиться. Кто-то шепотом сказал Яру:

— Задуите свечу.

Яр вздрогнул и задул. Уронил.

Кладбище быстро пустело, люди уходили молча, будто растворялись в темноте. Яр стоял. Над могилой горел одинокий огонек.

Никого не осталось вокруг, и тогда Яр подошел к холмику. Земля была завалена ветками и цветами. На них падал снег. Над холмиком стоял светлый столбик, от него пахло свежеструганным деревом. Столбик был оплетен выюнком с черными цветами колокольчиками. В дереве выдолбили гнездо-окошечко, и в нем горела свечка. Ниже окошечка проступали на свежем стесе неясные буквы.

Яр осторожно вынул свечку, замер на миг и поднес к надписи.

На дереве чернели выжженные слова:

ИГНАТИК ЯР

4.

— Он сам так назвал себя. Он, видимо, хотел носить ваше имя.

Голос раздался за спиной. Он шелестел, как сыпавшийся песок.

Яр, не выпуская свечи, медленно распрямился. Обернулся. Поднес огонь к лицу говорившего. Увидел глазированные щеки и неподвижные глаза под полями лаковой шляпы.

— Значит, это ваша работа, сволочи,— безучастно сказал он.

— Нет, скорее, ваша,— возразил Тот.— Вы преследовали мальчика, он уходил. Судьба привела его на этот берег.

— И здесь вы его убили.

— Нет,— Тот по-свиному моргнул, и его голос зазвучал доверительно:— Мы не могли убить, вы оказались правы. Но произошел несчастный случай, который оказался сильнее вас и нас.

— Я тебе не верю,— сказал Яр и ощутил, как наливается в нем свищовый гнев. И удивился: неужели можно еще что-то чувствовать, если Игнатика нет?

— Напрасно не верите,— сказал Тот и пожал плечами.— Какой смысл мне вас обманывать? Мальчик оказался на берегу, там у двух малышей отвязалась лодка...

— Вы ее отвязали,— с горькой уверенностью проговорил Яр.— Вы знали, что он кинется на помощь.

Тот опять приподнял плечи.

— Вы можете сейчас думать, что угодно. И поступать, как угодно... Впрочем самое ра-

зумное для вас — это все же вернуться на крейсер. Хотите?

— Черта с два,— сказал Яр.

— Но что вам здесь делать? Мальчика больше нет.

Яр молчал.

— Или вы рассчитываете, что те трое спаслись из-под обвала?

— Рассчитываю,— сказал Яр.

— Ну и зря... А если и так? Зачем они вам? Какую вы можете поставить цель? Собраться впятером вам не удастся никогда. Вам больше не найти такого, как...— Тот посмотрел на холмик,— вот этот ваш адъютант.

— Я его не искал,— глухо сказал Яр.— Он меня нашел и позвал. И те трое. Пока есть надежда, что кто-то из них жив, я не уйду.

— Но какой смысл?

— С какой стати я должен разъяснять смысл своих поступков? Чтобы вам было легче устроить очередной «несчастный случай»?

— Вот уж нет,— слегка обиженно возразил Тот.— Ни вам, ни тем детям, если они вдруг живы, нечего бояться. В лучшем случае, вас будет четверо. Теперь вы для нас абсолютно безразличны.

«Теперь безразличны»,— тяжело отдалось в Яре. Он перехватил свечку левой рукой, а правую положил за пазуху.

Тот сказал:

— Вы разведчик космоса. В своем деле вы могли бы достичь еще много. А вы остаетесь. Неужели вы так привязаны к этим детям?

— Ты спросил бы об этом, когда отвязывал лодку,— тихо проговорил Яр.

— Я не отвязывал... Ярослав Игоревич, вам все-таки лучше уйти. Имейте в виду, очень мало шансов, что те трое уцелели. Очень мало... Зачем вам оставаться? Это чудовищно нелогичный поступок.

Яр вспомнил, как они впятером сидели на скамейке в сквере у цирка и ели розовое фруктовое мороженое. Оно сильно таяло, Алька закапал себе рубашку. Данка на него ворчала, Чита невозмутимо листал книгу, ухитряясь не уронить ни капли. Яр съел свою порцию раньше всех, и Тик шепотом спросил: «Хочешь, я тебе оставлю?»

«Оставь... немножко...»

Яр судорожно передохнул.

«Игнатик Яр,— подумал он.— Маленький ты мой...» — И достал теплый пистолет.

Посветил в глазированное лицо и нажал спуск.

Пистолет хлопнул негромко и как-то нехотя. Выплюнул бледный огонек. Затвор, помедлив, отошел назад, выбросил гильзу и с натугой послал в ствол второй патрон.

Тот стоял спокойно и глядел, не мигая.

Яр со злостью снова надавил спусковой крючок, будто силой руки мог увеличить мощность выстрела. Опять выскочил желтый язычок огня, а следом за ним — пуля. Она ударилась в мокрое пальто Тота и упала в снег.

Яр отчаянно рванул крючок третий раз. Пистолет сработал с медлительным бессилием.

Тот поправил шляпу.

— В самом деле, какой же вы ребенок, — сказал он с сочувствием. Повернулся и стал уходить среди черных деревьев.

Догоревшая свечка обожгла Яру пальцы, и он уронил ее. С минуту стоял без мыслей. Потом подумал механически: «Что же с оружием?» Поднял пистолет и выстрелил вверх.

Грохот взорвал кладбищенскую тишину. Вспышка осветила ветки. Яр выстрелил опять. Заложило уши. При вспышке сверкнул оструганный столбик на могиле. Выстрел разметал снежные хлопья.

«Как салют по Игнатику, — горько подумал Яр. — А зачем он, салют... Даже отомстить не мог. Хлопушка...»

В «хлопушке» оставался один патрон. Он был бесполезен против врага, но годился для другого.

«Может быть, правда? Может, в самом деле — ствол к виску и свалиться на сырую, перемешанную со снегом землю? И в последний миг испытать облегчение, что все-таки здесь, рядом с Тиком... И тут же все забыть...»

Яр холодно прислушался к себе. Нет, он не хотел ничего забывать. И прежде всего — Игнатика. А как можно забыть про Данку, про Читу и Альку?

Если они живы, он обязан быть с ними.

«А зачем ты им нужен? — спросил себя Яр. — Ты был нужен, чтобы стать пятым. А сейчас?»

«Не знаю. Просто, кроме них у меня никого нигде нет...»

«С чем ты к ним придешь? Вдруг опять принесешь несчастье? Игнатика не уберег... Что, если и на других накличешь беду?»

«Я их найду. А если окажусь не нужен, тогда и надо будет думать о «точке».

Яр спрятал пистолет. Шагнул к столбику, постоял, коснулся губами холодного дерева. Опять перехватило горло. «Никогда не плакал, — подумал Яр, — с тех пор, как умерла мама.

Снег перестал падать. В разрыв облаков глянула яркая половинка луны. Скользя и срываясь, Яр стал спускаться к морю.

5.

Он провел ночь в незапертом лодочном сарайчике на краю поселка. Лежал на гряде старых сетей. От них одуряюще пахло горькими водорослями.

Яр не мог заснуть. Он принуждал себя, он прибегал ко всяким хитростям, которые используют разведчики, чтобы заставить себя отдохнуть несмотря ни на что. Но едва сон начинал обволакивать голову, в ушах возникала колыбельная...

Лишь перед рассветом Яр уснул. Вернее, провалился в черное ничто, будто умер.

Когда Яр пришел в себя, щели светились от солнца.

Было утро и опять было лето. Камни и трава блестели от растаявшего снега. От камней поднимался пар, это означало, что день будет очень теплым. Яр сначала шел вдоль моря, а затем поднялся по откосу и двинулся через каменистое поле.

Вчера он не знал, куда идти. Не знал, что делать. Он в беспомощном, почти детском отчаянии подумал даже, что надо набрать у моря песка и сделать бормотунчика. И спросить совета. Но тут же вспомнил, что делать бормотунчиков не умеет... Яр постоял над морем, увидел среди облаков яркую звезду, вспомнил почему-то рассказ ребят про истинный полдень и решил, что завтра так и пойдет: между югом и юго-востоком.

Так он теперь и шел. Солнце светило ему в левую щеку.

В блестящей траве и кустах перекликались, трещали и свистели птицы. Иногда они вспархивали из-за камней и, словно пущенные из рогатки, темными комочками взлетали в зенит. И там тоже рассыпчато звенели птичьи песни.

Утру не было никакого дела, что вчера погиб Игнатик и его закопали у моря, над обрывом. Всей Планете не было до этого дела... Хотя не всей. Люди, которые вчера хоронили Игнатика, они горевали по-настоящему. Кажется, даже плакали. И тот старик... Как он сказал: «Храбрый был мальчик...»

«Гордые были мальчики»,— вдруг перекликнулось в памяти у Яра. Когда это было, кто говорил?.. А, в баре «У Нептуна за пазухой», когда Черный Яков поставил пластинку с той странной песней... Чего они хотели, мальчики из морского лица? Что с ними стало? Боевые патроны хлопали, как холостые... Пожар...

«Ничего не знаю,— подумал Яр.— Проклятая Планета. Она обманывает, она завораживает тем, что очень похожа на Землю. А на самом деле совсем не похожа... Сюда бы Стасика Тихова, он бы разобрался... Как он странно сказал тогда, перед уходом на Легенду: «Надоело... Ни одной планеты, похожей на нашу. И. так мало похожа на Землю Земля...»

И Планета не похожа совсем...

Совсем?

А мальчишки?

А разве на Земле никогда не было восставший?

«Гордые были мальчики...»

Зачем они расхватили карабины? Наверно, знали, зачем. Знали, что правы.

Последнее утешенье—

Последний патрон в обойме.

Последняя горькая радость,

Что каждый из нас был прав...

Будто это про них— про Яра и про Игнатика...

И вот потому над Планетой

Шагает наш барабанщик.

Идет он, прямой и тонкий,

Касаясь вершущек трав...

Стало немного легче. Словно в самом деле над сверкающей травой прошел легким шагом тоненький мальчишка, оглянулся на Яра, сказал глазами: «Ничего. Еще не все кончено...»

Пришло странное спокойствие— как тогда, в пустом Городе.

А что за Город?

Почему о нем молчат?

«Ничего не знаю»,— опять подумал устало Яр.

Да и что он мог узнать про жизнь целой планеты за месяц? В маленьком поселке среди добрых и вроде бы веселых, но раз и навсегда чем-то напуганных людей? Что он видел? Маленький полуостров, треугольный кусочек суши между рекой и морем. С кем встречался? С несколькими ребятами да двумя десятками рыбаков.

Да с глиняным болваном, который умеет мять железо и перехватывать пули.

С глиняным?

Болваном?

Яр на ходу рванул высокий мокрый стебель, ожег руку, отшвырнул сорняк с комлем земли на много шагов.

«Ничего не знаю...»

«А наверно, есть на Планете люди, которые знают. Может быть, есть страны и города, в которых не боятся глиняных пришельцев... Или все сдались, как Феликс? Надо идти, искать...»

«А какое ты имеешь право вмешиваться в жизнь чужой планеты?»

«Имею. У меня был сын, его звали Игнатик Яр. Он зарыл в этой планете, имею».

«И что будешь делать?»

Вот этого Яр не знал. Он очень хотел есть и у него кружилась голова. Не было никакого плана. Не было дома, не было друзей. Был только пистолет с единственным бесполезным патроном и несколько четырехрублевых бумажек.

«Но это лучше, чем ничего»,— хмуро подумал Яр.

К полудню он пришел в небольшой поселок на берегу тихой речушки.

Первое, что он сделал — отыскал сельскую парикмахерскую. Показываться на людях с двухдневной щетиной — значит вызвать расспросы и подозрения. Молоденькая мастерица оказалась разговорчивой и любопытной. Поглядывая на диспетчерские шевроны Яра, она ворковала, что здесь, в этой деревне, так редко бывают моряки. А откуда моряк здесь появился и куда держит путь? Неужели в пути он (хи-хи-хи) не сумел ни разу побриться? Или он решил отпустить бороду, как У капитана в фильме «Королевский корсар», а потом раздумал?

Яр что-то наплел в ответ, не очень заботясь, чтобы девушка поверила. Она не поверила, обиделась и замолчала. Дергала бритвой и сердито прикладывала к порезам едкие прищипки.

В тишине стали слышны голоса деревенской улицы: петушиные крики, стрекот мотоцикла, бляение козы. И еще — отдаленный ребячий гамон. Веселый и многоголосый.

— Что там за шум? — спросил Яр с непонятым для себя беспокойством.

— А здесь недалеко школа, — опять оживилась парикмахерша. — Большая такая школа, ребяташки со всей округи. Они сегодня мост ломают...

— Зачем?

— Старый мост. Новый недавно построили из камня, а деревянный, который совсем гнилой, отдали на дрова школе. Вот малышня его и разбирает.

«Станция Мост», — неожиданно подумал Яр.

Никакой станции здесь не было. И мост, разумеется, был совсем не тот. Но Яр заволновался, с трудом дождался, когда кончится бритье, отказался от одеклона и шагнул за порог, не взяв сдачу у ошарашенной мастерицы.

Он пошел по тропке вдоль берега, поросшего большой травой с седыми головками семян. Головки уже высохли, семена распушились и слетали на темно-зеленую воду. Новый мост оказался рядом, на нем два парня возились с заглохшим грузовиком, их ругали возчики столпившихся на берегу подвод. Яр обошел телеги и двинулся дальше, на ребячьи голоса.

За купами деревьев, росших у воды, Яр наконец увидел, что происходило на старом мосту.

Этот мост представлял собой дощатый настил на двух бревенчатых опорах, очень покосившихся. Над настилом была возведена для прочности деревянная решетчатая ферма. На ее тонких, кое-где поломанных балках висели, качались и скакали десятка два полуголых ребяташек. Они весело вопили и расшатывали сооружение с явной целью обрушить его.

По обоим берегам носились похожие на растрепанных куриц женщины. Они жалобно и сердито кричали, чтобы немедленно прекратить безобразие. Они грозили директором, письмами

родителям, исключением и даже, кажется, поркой.

Яр посочувствовал женщинам и подумал, не вмешаться ли, потому что игра в самом деле была опасная. Но тут мальчишки — по одному и стайками — попрыгали кто в воду, кто на берег. То ли возымела действие какая-то угроза, то ли они услышали предупреждающий треск дерева. Они с хохотом сыпались с моста и спешили от него подальше.

Только один пацаненок — в желтых трусиках, загорелый и блестящий на солнце — стоял наверху решетчатой фермы.

Мост начал скрипеть и оседать. Яр отчаянно бросился вперед, но не успел.

Ближняя опора смялась, превратилась в кучу прогнивших бревен. Ферма, лопаясь, затрещала, стремительно осела одним краем в воду. С пушечным грохотом полетели лопнувшие балки.

Но большинство балок выдержало. Решетчатая конструкция уцелела. Она только дрожала и покачивалась. А наверху все так же стоял мальчишка. В небрежной позе сошедшего с коня кавалериста.

Потом он странно вытянулся, неловко прыгнул в воду, выскочил на берег, кинулся к замершему Яру. Подскочил, отчаянно стиснул его мокрыми руками и ногами, уткнулся лицом в плечо. Зашептал со всхлипами:

— Яр... Ты, да? Яр... Ты нашел меня, да, Яр?

— Алька...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Алька

1.

Яр так и унес его, вцепившегося намертво, подальше от моста, за деревья. Опасливо оглянулся: не идет ли кто следом? Никто не шел. То ли от растерянности, то ли из-за деликатности.

Яр посадил Альку на траву, тот сразу схватил его за руку. Яр сел рядом.

— Ты меня нашел, — восхищенным шепотом сказал Алька. — Ты меня искал, да?

«Какая же я скотина», — подумал Яр и сказал:

— Да... Алька... Алька ты мой, как же ты уцелел в крепости?

Он замотал головой так, что брызги полетели с волос:

— Ой, Яр... Я не знаю. Там все посыпалось, загремело, поехало куда-то — и сразу темно. Даже нашел какое-то дыру и какой-то длинный-длинный ход... Потом ничего не помню. Кто-то меня подобрал и сюда привез.

«Почти как Игнатик», — подумал Яр.

— А Данка, а Чита?

— Яр, я не знаю... — Алька глянул потемневшими глазами. — Ты их разве не нашел?

— Нет... Пока нет... Значит, тебя завалило одного, без них?

Алька чуть смутился.

— Я там отошел в закуточек такой... ну, по одному делу... Яр, ты боишься, что они не выбрались?

— Теперь думаю, что выбрались...

— А Тик?

«Вот оно, — подумал Яр. — Как ему сказать?»

— Яр, а Игнатик?.. Яр!

Алька не стал плакать. Только прижался к Яру, будто озяб, и глаза у него сделались большими и почти черные. Яр накрыл его своей курткой. Алька молчал долго-долго. Потом сказал медленно:

— Значит, они в самом деле есть, эти люди, которые велят... Я думал, это сказки.

«Может не стоило ему говорить? — упрекнул себя Яр. — Но тогда как все объяснить?»

Впрочем, Алька не был испуган. В его голове прозвучала даже презрительная нотка — при словах «люди, которые велят».

Потом он опять помолчал и наконец проговорил, наморщив лоб:

— Что-то здесь не так...

— Что, Алька?

— Почему он погиб? Он не мог... Он всегда говорил, что мы доживем до ста лет, он верил. У него всегда получалось то, про что он верил.

— Не все зависит от нас, Алька.

— Я знаю... Но все равно... Я вот верил, что ты придешь. Я давно бы мог убежать и домой пробраться. Там, наверно, мама давно вернулась, меня ищет... А я не уходил, тебя ждал.

— А я и не знал, — виновато пробормотал Яр.

— Но ты же все равно пришел!

— Ты молодец, что ждал... Вот если бы Игнатик тоже так же... Если бы не ушел, — с прорвавшейся горечью сказал Яр.

Алька глянул с удивлением и упреком.

— Он же не просто так! Он хотел добраться до сухого дерева!

— При чем здесь дерево?

— Разве ты не знаешь? Он решил разыскать нас всех, он хотел точно знать, что мы уцелели. И тогда бы мы опять нашли тебя. И было бы пятеро — и ничего нам не страшно...

— Понимаю... — пробормотал Яр. — Хотя не очень...

— На краю нашего города, на пустыре, есть дерево. Мы там играли... Да мы же тебе рассказывали! Помнишь, про свечку? Ну вот. Сначала это было просто дерево, тополь, потом оно за-

сохло, но мы все равно у него собирались... Это место хоть и далеко от дома, зато наше заветное. Мы так договорились, Яр: если случится что-то важное или если потеряем друг друга — бежать к сухому дереву...

— А почему ты к нему не бежал? Не пускали?

— Я же говорю: тебя ждал. Я знал, что ты найдешь меня здесь.

— Почему? — краснея, спросил Яр.

— Я догадался, что ты тоже на этом берегу. А тут перекресток дорог и школа. Мимо не пройдешь. Но если бы ты не пришел, я бы скоро убежал.

— К дереву?

— Ага... И к маме.

Яр осторожно спросил:

— Алька... ты думаешь, дерево уцелело при нашествии?

— А что ему делается? Оно же все равно сухое. Ну, может, обгорело, это неважно... Яр, мы все равно должны туда идти.

Яр молчал. Он опять не знал. Идти ли? А если что-то снова? Как с Игнатиком...

— Яр...

— Ладно, — сказал Яр. Все равно ничего другого придумать он не мог. Но Алька угадал его неуверенность. Он встревоженно вскинул глаза:

— Яр, ты не уйдешь один, без меня?

— Нет...

— Тогда чего еще ждать? — Алька вскочил.

— А тебя отпустят из школы?

— Больно надо нам спрашивать!

— Алька, но неудобно же. Все-таки школа. Тебя хватятся...

Алька странно усмехнулся:

— Да?.. Ну ладно, может, так лучше будет. Пошли к директору...

Формальности заняли очень мало времени. Яр представился как житель Орехова, сосед Альки по дому. Сказал, что проезжал мимо, узнал мальчика и хочет увести его домой, потому что мать ищет его и очень волнуется.

Директор — молодой, но лысый человек с костистым лицом — торопливо кивал:

— Конечно, конечно! Раз вы так решили и мальчик тоже просится... Мы ведь посылали запрос в Орехов, но сами понимаете...

Потом он понизил голос и объяснил виновато:

— По правде говоря, мы только рады. Школа так переполнена... К тому же мы хотя и боремся с предрассудками, а к детям с той стороны отношение все равно не такое...

Он дал Яру расписаться в какой-то разливной книге. Потом, глядя в сторону, сказал:

— Вам лучше всего ехать на автобусе. До станции Мост...

— До станции Мост? — вырвалось у Яра.
Директор сделал виноватое движение спиной.

— Ну... это, разумеется, условное понятие... Вы, естественно, можете сойти на берегу, где удобнее. А там уж... Да что я вам объясняю! Раз вы прибыли сюда из Орехова, дорогу знаете сами...

— Разберемся, — сказал Яр и посмотрел на Альку. Алька — уже одетый, с курточкой под мышкой, с рюкзачком — нетерпеливо переминался рядом. Он почему-то усмехнулся и спросил директора:

— А когда автобус?

— Через полтора часа... Я пошлю кого-нибудь за билетами, а вы пока пообедайте в школьной столовой.

Они пообедали в гулком, заставленном столами зале. Ребята поглядывали на Альку и на Яра с завистью. Алька был серьезный и молчаливый. Упитанная тетка в синем халате принесла два желтых билета. Яр спросил, где автостанция.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Алька. — Пошли.

— Ты ни с кем не будешь прощаться?

— С кем надо, я попрощался заранее, — серьезно сказал Алька.

Они прошли вдоль каменной изгороди, окружавшей двухэтажные корпуса школы. Потом оказались на прямой улице, в конце которой был виден дом с башенкой и несколько бело-синих автобусов. Определенно, автостанция. Но Алька дернул Яра за рукав и потянул в какую-то дыру в заборе. За ним росли кусты боярышника и начиналась тропинка. Она привела к речке, на берег ниже старого моста. Здесь было очень тихо, только потрескивали крыльями стрекозы. Под нависшими ветками старой ольхи Яр увидел привязанный плот с шалашиком. Шалашик сливался с ветками, и разглядеть плот можно было только в двух шагах.

— Вот, — сказал Алька. — Это я приготовил давно, на всякий случай. Прыгай.

Яр послушно прыгнул на связанные бревна, они захлопали.

— Алька, а зачем? Ведь билеты же...

— Покажи-ка.

Яр протянул глянцевитые бумажки. Алька не глядя скомкал их и кинул в течение. Сказал досадливо:

— Ты что, совсем глупый?.. Ой, прости. Но ты, честное слово, как дошкольник, Яр...

«Это мне уже говорили», — подумал Яр.

Алька бросил в шалашик рюкзак и курточку, умело распутал веревку, толкнулся шестом. Плот вышел на середину речки.

— Главное, выбраться на большую реку, — деловито объяснил Алька. — Присядь, Яр, не торчи... Там на реке никто не будет знать, с какой

мы стороны, никто и не пристанет. Просто не имеют права.

— Но... — начал Яр и понял, что спрашивать сейчас — это лишнее. Самое умное — слушаться Альку... И как же хорошо, что Алька здесь! И никак нельзя допустить, чтобы кто-то его отнял...

По обоим берегам сплошным темно-зеленым валом тянулись кусты. На воде покачивались кувшинки. Над кустами и кувшинками носились тучи стрекоз, просто безумствовали. Яр смотрел на них без радости: вспомнились свинцовые шмели, и опять подступила к сердцу тревога.

Течение было тихое, Алька подгонял плот, наваливаясь на шест. «Давай, лучше я буду толкать», — хотел сказать Яр. В это время из кустов метрах в десяти позади плота вышла лодка.

В лодке сидели двое. Один — спиной к плоту, он греб. Второй — на корме — неотрывно смотрел на Яра. Он был тощий, с худым лицом и пышной шевелюрой. Шевелюра была нестерпимо рыжая.

— Остановитесь! — громко сказал рыжий.

Алька отчаянно оглянулся на Яра и налег на шест.

— Яр, помоги!

Яр подскочил.

— Куда вы увозите мальчика! — крикнул рыжий.

— Не ваше дело! — отозвался Алька. — Яр, толкай!

Яр толкнулся шестом о твердое дно, плот сразу забурлил, набрал скорость. Но лодка с веслами шла быстрее.

— Немедленно пристаньте к берегу, — потребовал рыжий официальным голосом.

— Не вздумай, — торопливо сказал Алька. — Яр, не вздумай. Если пристанем — тогда все...

Яр молча налег на шест.

— Я предупреждаю вас, — проговорил рыжий. Тот, что с веслами, сильно и равномерно греб. Под его курткой ровно ходили лопатки. Лодка приближалась.

Алька повернул к Яру сразу похудевшее лицо. Жестко проговорил:

— Как подойдут, ты их шестом. Сначала гребца.

— Я сделаю лучше, — сказал Яр и вынул пистолет. — Оставьте нас! — крикнул он рыжему.

— Вы ответите, — сказал рыжий.

Яр поднял пистолет и, когда весло на миг остановилось при взмахе, выстрелил. Шейка весла разлетелась, лопасть поплыла. Рыжий втянул голову. Лодка завертелась, гребец сполз со скамейки на дно.

— Следующая пуля — по вам, — сказал рыжему Яр.

На лодке не знали, что следующей нет. Рыжий что-то закричал, гребец выдернул из вклю-

чины уцелевшее весло, замахал им, не поднимаясь. Лодка неуклюже поползла к берегу, скрылась за кустами.

Яр посмотрел на Альку. Тот сидел на корточках, прижимая к ушам ладони. На лице его был восторженный ужас и восхищение.

— Как ты их, Яр... Вот это да...

«А если бы как на кладбище? Если бы это оказались они?» — запоздало подумал Яр. И кинул в шалашик бесполезный пистолет.

— Теперь надо нажимать, Алька...

— Теперь не надо... — Алька, блаженно улыбаясь, стянул брезентовые башмаки, сел на краю, опустил в воду исцарапанные в боярышнике ноги. — Больше они не полезут, Яр.

— А кто они такие? Что им надо?

Алька пожал плечами. Потом оглянулся нерешительно:

— Яр... Я хочу спросить...

— Что, Алька? Давай, спрашивай.

— Я... нет, потом... Ты садись. Через час нас вынесет на большую реку.

Так и случилось. Минут через сорок берега стали расходиться, и скоро Яр и Алька увидели серебристый размах большой воды. По нему двигался в отдалении пароход.

Сзади тянул ветерок. Яр укрепил шест, как мачту, сделал из толстой рейки поперечину, на-

тянул на ней свою и Алькину куртки, и под этим маленьким парусом плот медленно выехал на середину реки.

Здесь течение было быстрее.

Алька что-то пошептал, загибая пальцы. Потом сообщил:

— Завтра до двенадцати будем у дерева.

В шалаше у Альки нашлось маленькое весло. Его привязали к шесту, получился хороший руль для плота. Яр постепенно увел плот с фарватера к правому берегу, чтобы не мешать пароходам и баржам.

Скоро за вечерело. Яр испугался. Он подумал, что над рекой опять распахнется желтый закат и тогда подступит невыносимая желтая тоска. Но солнце нырнуло в сизое облако, и сразу пришли сумерки. По берегам и на встречном буксире замигали огоньки.

Алька вытащил пузатый керосиновый фонарь и спички.

— А то кто-нибудь налетит на нас ночью...

— Ты, Алька, просто капитан дальнего плавания, — с удовольствием сказал Яр. — Все предусмотрел.

— Ага, — серьезно откликнулся Алька. — Я много про всякие плавания читал... Я даже хотел в морской лицей поступить. Только его, говорят, уже нету...

— Это тот, где случился пожар?

— Ну да...— Алька подвесил зажженный фонарь над входом в шалашик, сел у плетеной стенки. Потянул за руку Яра, чтобы тот сел рядом.— Но пожар — это потом...

— А сначала? Восстание?

— Ага...

— Алька, расскажи. Я ничего про это не знаю.

— А никто не знает,— вздохнул Алька.— Про это, Яр, всякое говорят, даже сказки разные. Но я теперь думаю: может, они против тех, кто... ну, в общем, этих... которые велят?

— Может быть. Только против них бесполезно идти с учебными карабинами. Да и с боевыми тоже...

— Ребята же не знали.

— Они все погибли?

— Почему все? Многие ушли в Город.

— В Город? Но лицей и так был в Городе! Алька по-взрослому сказал:

— Нет, Яр, ты путаешь. Лицей был недалеко от Города, но не в нем. Он стоял ближе к морю... А Город ведь давно пустой.

— Алька, ты что-нибудь знаешь про этот Город?

— Ну... про него тоже говорят всякую путаницу. Никто не знает толком, что за люди там жили... Только знаешь, что говорят, Яр? Будто те, кто велят туда не заходят. Боятся.

— Боятся?

— Так говорят. Не знаю... Но обыкновенные люди тоже боятся. Какой-то страх там на всех нападает...

— Чуть,— сказал Яр.— Нет там никакого страха.— И чуть не добавил: «Спроси Игнатика»...

Он помолчал, вспоминая мальчишку на пустой площади с колоннами — того, что нарисовал знак со стрелкой. И еще одного — на вагонной площадке, когда колеса выбивали марш барабанщиков и так же, как сейчас, качался в сумерках фонарик. И еще — свой сон про песчаный обрыв и Юрку... Потом он спросил:

— А где ты все это слышал, Алька? Про Город, про восстание...

— У нас в школе по вечерам обо всем болтают. Когда уже все лягут и свет погасят. Сказки всякие, ну и такие вот истории... Конечно, если воспитателей близко нет или директора.

— А что, строгие порядки?

Алька посопел и сказал:

— Не очень. Но за разговоры знаешь как влетало... Особенно от директора. Такая свинья...

— Да что ты? А мне он показался деликатным таким, тихим.

— Он тихий. Тихий гад... Никогда не кричит. Заведет в кабинет спокойненько так, с улыбочкой, потом как врежет...

— Разве есть такой закон, чтобы бить ребят?

Алька опять посопел.

— Закона-то нет. Зато у него есть скакалка. Ну, шнур такой с ручками, чтобы прыгать через него. Знаешь?.. Резиновая. Как вытянет по ногам...

— И тебя? — тихо спросил Яр.

Алька вздохнул.

Яр искренне сказал:

— Вот в кого надо было всадить последнюю пулю. От тех дураков на лодке отбились бы, и шестом.

Алька оживился и весело подтвердил, что конечно отбились бы.

— Алька, а все-таки кто они были?

— Откуда я знаю?

— Но ты же заранее боялся, что будут преследовать. Выходит, знал...

— Я знал, что будут, но не знал, кто. Яр, я просто чувствовал... А ты разве не чувствовал? Директор за билетами послал, а у самого глаза бегают. Да и вообще... опасно кругом.

— И сейчас? — с тревогой спросил Яр.

Алька беспечно зевнул:

— Не-а... Сейчас пока нет.

Быстро спустилась безлунная ночь. Залила одинаковой чернотой небо и реку. Только звезды роились вверху, а внизу светились белые и красные огоньки фарватера. Плот со своим круглым фонарем повис посреди большой темноты. Тихо хлюпала невидимая вода. С берегов пахло травами и сырым песком.

— Пойди поспи, — сказал Яр. — Я подежурю.

Алька послушно полез в шалашик, но через несколько минут выбрался опять. Уселся на корточках на прежнем месте, под фонарем. Съезжил так, что побитые коленки торчали рядом с ушами. Яр накрыл его с головой своей курткой. Алька благодарно повздыхал.

Яр для порядка шевельнул веслом и сел рядом с Алькой.

— Мы с тобой, как Джим и Гек Финн...

— Кто? — Алька выставил из-под куртки лицо.

— Джим и Гек Финн. Про них книжка есть. Не читал?

— Не... А про что там?

Яр коротенько рассказал. И добавил:

— Но она длинная. Потом сам прочитаешь.

Алька с сожалением проговорил:

— У нас такой книжки, наверно, нет. Это у вас, на Земле.

— Ну, почему? Есть же «Зверобой» Купера. Помнишь, у Читы? В точности такой же, как я в детстве читал... Здесь, Алька, много всего «в точности»...

— Но еще больше не так, да?

— Да...

— Яр... В нашей спальне один парнишка был, постарше нас. Он много про все знал и рассказывал. Он один раз такую историю рассказал

непонятную. Будто наша Планета раскололась.

— Как это?

— Будто давно была большая война... Ну, она правда была. И люди бросили на один город бомбу. Таковую страшную, что сразу всего города не стало и всех людей. И планета не выдержала, раскололась на несколько планет...

— И что же? Они разлетелись в разные стороны?

— Да нет же! Она не так раскололась... Она осталась, но как будто на одной сразу несколько планет, и жизнь на каждой пошла по-разному... Я это сам не понимаю, но когда он говорил, я понимал... Яр, может, наша Планета и твоя Земля такие вот расколотые?

— Может быть, — подумав, сказал Яр. — По крайней мере, это объяснение не хуже других...

«И может быть, где-то есть еще Земля или Планета, где люди живут умнее и лучше, чем мы? Настоящая Земля...»

— Алька...

— Что, Яр?

— Слушай, Алька... Про что ты хотел спросить меня? Тогда, днем? А потом раздумал. Или забыл?

— Нет, помню...

— Про что же?

— Ты... Яр, ты, наверно, рассердишься. Или засмеешься надо мной...

— Нет, Алька, ни за что. Честное слово.

Он повздыхал, повозился под курткой, спрятав лицо и проговорил тихонько:

— Ты совсем точно знаешь, что Игнатик умер?

Яр не ответил. Что он мог ответить? Он положил руку на Алькин затылок, и так они долго плыли молча. Яр провожал глазами огни встречных пароходиков. Потом он сказал:

— Поспал бы ты, Алька.

— Ладно. Только я тут, с тобой.

Он и правда уснул, приткнувшись к Яру. А Яр со страхом понял, что к нему явственно, вплотную, подходит память о прошлом вечере. О свечах, пылающих в сумерках, о колыбельной. Колыбельная зазвучала так, будто совсем рядом пел в темноте слаженный хор.

Тогда Яр сделал усилие и переключил память на другую песню.

Когда мы спрячем за пазухи
Ветрами избитые флаги
И молча сожжем у берега
Последние корабли...

Тоже грустная песня, но все же в ней не было такой безнадежности. Это была песня повстанцев.

Так, под эту песню, Яр и просидел всю ночь. До яркого золотого рассвета.

Утром они позавтракали хлебом и огурцами из Алькиного рюкзака. И скоро, раньше, чем ожидал Алька, потянулись по правому берегу предместья Орехова.

— Ой, смотри, вон труба старой пекарни,— шептал Алька.— Только она обугленная, и верхушка обвалилась... А водонапорная башня целая...

Еще не было видно самого города и обрушенной крепости, они скрывались за поворотом. Но Алька сказал, что туда плыть и не надо. Они пристанут к берегу раньше, сразу за старой баржей.

Потом он вдруг притих, печально съезжился на краю плота.

— Ты что, Алька?

— Я думаю, как там мама...

Как можно бодрее Яр пообещал:

— Все будет в порядке, не грусти.

Алька, видимо, поверил. Улыбнулся.

Плот прошел вдоль скользкого от зелени борта полузатопленной баржи. И сразу Яр подогнал его к берегу — к желтой песчаной полоске. Алька подхватил рюкзачок, прыгнул на песок и пошел, нетерпеливо оглядываясь на Яра.

Мимо кривых заборов с колючей проволокой наверху, мимо штабелей старых ящиков, мимо куч железного хлама они вышли на обширную поляну, поросшую сурепкой.

Посреди поляны стоял ствол тополя с растопыренными вверху обломанными сучьями. Это было сухое дерево.

Под деревом сидел с книжкой Чита.

2.

Чита положил в траву книгу. Снял очки. Хотел пойти навстречу спокойно, только не выдержал, побежал. Облапил сразу Яра и Альку. Потом оторвался, сказал немного сердито:

— Ну, наконец-то. Теперь уже четверо. Только Тика нет.

Яр отвел глаза. Алька своим брезентовым башмаком стал пинать траву.

Чита посмотрел на того, на другого, насупился и объяснил:

— Он еще не приходил, в дупле нет его записки. Но он всё равно придет.

Яр сказал через силу:

— Не придет Игнатик...

Пока Чита слушал про все, что случилось, у него было странное лицо. Не печальное, а напряженное: будто он не мог что-то понять. Или что-то вспомнить. Потом он сказал:

— Непонятно это.

— Что, Вадик? — мягко спросил Яр.

— Непонятно, почему он погиб. Тут что-то не увязывается.

— Это всегда не увязывается, Вадик.

Чита обмяк, растерянно завертел очки. Видимо, наконец поверил.

— А у Данки мама погибла. Тогда, при нашествии,— сказал он.

«Сами-то вы как уцелели?» — хотел спросить Яр. И не стал. Потом как-нибудь... Он спросил:

— А что с Данкой?

— Живет одна теперь. Ничего...

Алька сказал, запинаясь:

— Чита, а моя мама... Ты не слыхал?

— В порядке твоя мама,— грубовато, как-то не по-своему ответил Чита.— Только извелась вся. Ты давай беги к ней.

— Ага, я побегу! Яр...

— Беги, беги...

— Потом приходи к Данке,— сказал Чита.— Хотя постой. Надо оставить в дупле записки, твою и Яра. Что вы тоже пришли.

— Для кого? — спросил Яр.— Мы пришли уже все четверо. Больше некого ждать.

У Читы досадливо шевельнулись брови.

— Все равно, так надо. У нас такой обычай.

Он достал из нагрудного кармана карандашик и свернутый листок. Оторвал две бумажные полоски.

— Яр, напиши свое имя. Надо, чтобы ты сам... Алька, напиши... Вот, я книгу подставлю, пишите на ней...

Книга была «Рассказы» какого-то А. Рысина. Яр и Алька на ней, как на столике, приладили бумажки и написали имена. Яру было не по себе. Очень грустно и непонятно: что же будет дальше?

Алька умчался, уже не оглядываясь на Яра. Понятное дело — к маме. Что ему теперь Яр?

Чита поразительно ловко, не помяв отглаженных брюк, забрался по бугристому стволу до первого сука, торчавшего, как одинокая лапа. Сел на него.

— Здесь дупло...

Он, перегнувшись, сунул руку в глубь ствола. И как-то странно замер.

Казалось бы, долгое ли дело положить записки? Но Чита сидел целую минуту, словно что-то нащупывал в дупле. Потом прыгнул с трехметровой высоты.

— Вот странное дело,— сказал он с напряженной улыбкой.— Там в дупле внизу мох и труха всякая, и мне всегда казалось, что под ней что-то круглое, только было лень раскапывать. А теперь раскопал. Смотри...

Он протянул на ладони синий мячик с тремя белыми полосками.

— Вот куда залетел...

«Неужели тот самый?» — подумал Яр.

Мячики так похожи друг на друга. И прошло столько лет.

Яр все же улыбнулся. Даже сказал:

— Вот здорово...

Чита поднял из травы книгу и надел очки.

— Пошли к Данке, Яр.

Он зашагал впереди, читая и в то же время играя мячиком: стукнет им о натоптанную тропинку и поймает... Яр опять подумал: как много дел может делать Чита, не отрываясь от книги. Да и читает ли он? Может, просто прячет за книжкой то, что думает и чувствует?

— Вон Данка идет навстречу, — сказал Чита. И Яр увидел на краю пустыря Данку.

Она была подростом, похудевшая, в каком-то сером печальном платье. Яр такой и ожидал ее увидеть.

Данка заулыбалась навстречу:

— Ой, Яр... Здравствуй, Яр! Наконец-то... Яр, ты один?

— С Алькой. Он к маме побежал... Яр говорит, что Игнатик погиб, — сразу сказал Чита. Ну, и правильно, что сразу.

У Данки погасли глаза.

— Я будто чувствовала...

Она медленно повернулась и пошла по тропинке. Яр и Чита — по сторонам от нее, по шелестящей траве. Так они дошли до переулка с кривыми домиками. Некоторые домики были обугленные, без крыш. Данка молчала.

— Я вот... смотри, — осторожно проговорил Чита. — Мячик наш в дупле нашел.

Данка посмотрела без интереса.

Чита сник. Даже книгу опустил.

Данка сказала:

— Тут автобусная остановка недалеко. Поехали ко мне, что ли... Я вас покормлю чем-нибудь... Яр, а у меня мама умерла.

— Я знаю, Данка.

«Ну вот и все», — подумал Яр. Оттого, что всю ночь не спал, голова у него была тяжелой. Но еще тяжелее было на душе. Вот он пришел. И что дальше? Зачем он этим ребятам? Зачем он здесь вообще? Воевать с неведомой силой? Один воевать не может. Дело не в том, что нужны союзники. Дело в том, что вообще нельзя одному, надо, чтобы тебя кто-то любил. Было хорошо, когда позвали ребята. Но они играли. Теперь игра кончилась, ее разбило настоящее, не игрушечное горе. Игнатика не вернуть. Данку не утешить. Алька, не оглянувшись, убежал к маме. Наверное, ему хватило страшных приключений. Чита... Его не поймешь: чего он хочет, чего ждет?

Они подошли к остановке — к бетонной площадке с кривым столбиком и ржавой табличкой. Стало пасмурно, ветер гонял по бетону сухую пыль.

«Зачем я здесь? — думал Яр. — Для ребят я только обуза...»

Подошел обшарпанный валкий автобус. Почти пустой.

— Садись, Яр, иди вперед, — сказала Данка. — Поедем.

«А куда? Что будет потом?.. Видимо, Тот был прав: надо было тогда, еще на вокзале, уйти...»

На миг острое сожаление, что он здесь, а не на крейсере, обожгло Яра. Сзади нетерпеливо дышал Чита. Яр машинально шагнул в автобусную дверь. Навалилась давящая темнота. Яр отчаянно мотнул головой. Стало светло. Он оглянулся на захлопнувшуюся дверь автобуса: а ребята?

Автобусной двери не было. Была стальная дверь гермошлюза.

3.

Капитан Виктор Сайский сидел в кресле прямо и смотрел мимо Яра. В стеклышках старомодного пенсне Сайского блестели крошечные отражения плафонов. Длинные веснушчатые пальцы Сайский держал на подлокотниках. Когда он говорил, указательный палец правой руки следа поднимался и опускался — будто отмеряя слова.

— Ярослав Игоревич... При всем уважении и доверии к вам я вынужден сказать, что вы поставили нас в крайне трудное положение...

— Именно? — спросил Яр. Он все больше хотел спать.

Капитан беспокойно шевельнулся. Его худое лицо с блестящими залысинами и рыжеватой щеточкой волос на миг потеряло уверенность. И все же он сказал твердо:

— При всей боязни оскорбить вас, должен прямо заявить, что вашу историю мы не можем принять всерьез.

— Говорите только за себя, капитан! — звонко и дерзко вмешался второй штурман и разведчик Дима Кротов. Он сидел рядом с Сайским, но сейчас дернулся, словно хотел придвинуться к Яру.

Старший астронавигатор Олег Борисович Кошка, рыхловатый и нерешительный, возился в кресле, виновато уставившись в пол. Иногда шумно вздыхал.

— Я говорю от себя и от имени вверенного мне экипажа, — сказал Сайский. — Мы на суперкрейсере дальней разведки, а не в студенческом клубе, Кротов. Мы несем службу поиска и должны принимать за истину только доказанные вещи и явления.

— Где же я, по-вашему, был? — отгоняя сонливость и начиная злиться, спросил Яр.

— Я как раз и хотел бы услышать это от вас. Где вы были, когда отсутствовали на борту крейсера в течение сорока трех минут?

— Это смешно в конце концов... На кой черт мне развлекать вас сказками?

— Понятия не имею, — сухо, но искренне произнес Сайский. — Очевидно, есть причины, о которых мы не догадываемся... Я, как капитан, на-

стаиваю, чтобы вы их изложили... или привели доказательства, что ваш рассказ — правда.

— Я привел. Вот фотография...

Олег Борисович Кошка поднял голову.

— Яр, голубчик, это же несерьезно... Обыкновенные дети... Милые такие, веселые, живые. Абсолютно земные ребятишки...

«И одного из них нет»,— подумал Яр. И сказал:

— Они и есть земные.

— Вот видите,— отозвался Сайский.

— Я не в том смысле... Просто они такие же.

— Все это противоречит современному космологическим концепциям,— сказал Сайский.

— А мне плевать, что противоречит,— безнадежно сказал Яр.

Сайский взял со стола снимок, долго разглядывал. Потом спросил:

— Почему же не сработал сигнал тревоги? Он реагирует на малейшее изменение нормальной обстановки. Вы говорите — пришел мальчик. Сигнал должен был отозваться на появление постороннего лица.

— Игнатик не хотел шума,— сказал Яр не Сайскому, а себе.

Сайский помолчал. Яр взял со столика и снова бросил на него четырехкопеечную монетку.

— Это — тоже обычная вещь? Таких никогда не было на Земле.

Веснушчатый палец Сайского забарабанил по твердому подлокотнику невпопад словам.

— Ярослав Игоревич... Я скорее готов предположить, что и монеты, и ваш костюм, и снимок, и даже пистолет системы «Викинг» изготовлены специально... для такой вот инсценировки... чем поверить в существование вашей Планеты.

— Да зачем нужна Яру инсценировка?! — подскочил в кресле Дима Кротов. — Подумайте, капитан! Зачем?

Сайский снисходительно сказал:

— Не знаю. Может быть, для розыгрыша. Может быть, для сенсации. Или для создания какой-то своей научной версии. Может быть... В конце концов, я не могу прочитать мысли Ярослава Игоревича. Но мне легче заподозрить любого человека в любом умысле, чем поверить столь фантастическим объяснениям.

— Значит,— медленно проговорил Яр,— все эти вещи я приготовил заранее, а потом прятался в укромном уголке, чтобы создать «эффект отсутствия»?

— Это все же правдоподобнее, чем...

— А сигнал?! — крикнул Дима. — Если бы Яр не ушел с корабля, а просто спрятался, аварийный сигнал не включился бы!

— Вот и странно,— пробормотал Олег Борисович. — Пришел мальчик — сигнал не включился. Исчез Яр — сигнал сработал.

— Значит, я перестроил и схему сигнала,— усмехнулся Яр. — В запломбированном отсеке...

Да-да, это все же правдоподобнее, чем... Знаете, Сайский, вы зря стали капитаном. По двум причинам: во-первых, ваша логика не в состоянии перешагнуть установленные рамки. Во-вторых, вы не верите людям.

— Как можно не верить честному слову скадермена? — воскликнул Дима.

Сайский не взглянул на Диму. Он стиснул подлокотники и тихо сказал Яру:

— Могу ответить вам тем же: вы плохой скадермен... Если верить вам, вы ушли с корабля вслед за незнакомым мальчиком. Таким образом, вы без разрешения оставили корабль во время вахты. Покинули экипаж в рейсе, не обеспечив замены, и тем самым...

— Вы не учитываете обстоятельств! — вспыхнул Яр.

— И вахты не было, был автоматический режим,— вмешался Дима.

— Я учитываю обстоятельства,— жестко проговорил Сайский. — Увидев, что мальчик действительно уводит вас с корабля, вы обязаны были остаться в отсеке, не переступить порог... И теперь требуете, чтобы я верил вам.

— Мне, собственно, все равно,— устало сказал Яр. — Можете не верить.

— Странно, что вам все равно. Если я поверю, то вынужден буду отстранить вас от обязанностей и подвергнуть аресту за дезертирство.

— Меня? — сказал Яр и встал. «Надо же,— подумал он.— Я и не знал, что еще могу так злиться. А ну, спокойнее».

— Вы не сделаете этого по трем причинам, капитан Сайский,— очень-очень вежливо проговорил он. — Арестовать может лишь равный по званию или тот, чье звание выше. Я же, если сравнивать с боевыми рангами старого флота, имею звание, подобное вице-адмиральскому. На моем парадном мундире (а они до сих пор не отменены) на два шеврона больше, чем у вас. Это первое... Во-вторых, устав СКДР не предусматривает наказаний за дезертирство во время рейса — хотя бы потому, что оно не представляется возможным. И в-третьих, я просто не уверен, что позволил бы вам арестовать меня. Тем более, что вы не встретили бы поддержки у некоторых членов экипажа. — Он мельком взглянул на Диму.

Сайский, откинувшись в кресле, снизу вверх смотрел на Яра. На веснушчатом лице капитана мелькнула тень улыбки.

— Меня остановило бы, пожалуй, только второе соображение. В самом деле, устав не предусматривает... А можно задать неофициальный вопрос, Ярослав Игоревич?

— Валяйте,— нервно сказал Яр и сел.

— Если то, что вы говорите, было... тогда... вас не смущала мысль, что вы бросили крейсер, бросили свое дело?

— Не смущала... Я думал об этом. Но я оставил крейсер без умысла. А дело, которое пришлось мне делать там, важнее того, что здесь. Я охранял детей, которые позвали меня для защиты... Я делал это плохо. Отвратительно. Я был нерешителен, глуп и беспомощен. И это сейчас мучит меня больше всего... И хватит об этом.

— И все же...— Сайский снял пенсне. (И Яр вспомнил, как Чита снимал очки; но у Читы глаза оставались острыми, а у Сайского стали растерянными).— И все же... Вы ради этого оставили главное дело жизни. Которое было вашим долгом.

— Какое?

— Открывать новые планеты.

— Я открыл свою планету,— сказал Яр.— Жаль, что не судьба...

— Но вы утверждаете, что это не новая планета, а та же Земля...

— Землю иногда тоже надо открывать заново... Когда-нибудь вы убедитесь в этом. Увидите, что мы слишком забыли про нее... И не скажут ли потом, что все мы дезертиры?

— Смелое утверждение...

— Печальное утверждение.

— Собственно, кто дезертиры? Мы, скадермены?

— «Скадермены»,— усмехнулся Яр.— Элита человечества, космическое дворянство... Нет, я имею в виду всех жителей Земли.

— За что же вы их так? Люди сделали нашу планету цветущей.

— Планета — не клумба... Вам не кажется, что люди научились любить?

— Это неправда, Яр!— воскликнул Кротов. Яр улыбнулся:

— Я не имел в виду вас, Дима... И я не про ту любовь. Я про ту, где тревога и боль друг за друга...

— Если люди счастливы, зачем боль-то? — нерешительно сказал Олег Борисович.— Яр, голубчик, ты что-то не то...

— Да, пожалуй,— согласился Яр.— Только всегда ли они счастливы? А что, если однажды мы вернемся, и... Впрочем, такие дискуссии не предусмотрены уставом СКДР...

Сайский встал.

— Олег Борисович, прошу вас, еще раз проверьте систему для выхода из режима. Дмитрий Васильевич, вас прошу быть в рубке на вахте.

— Но ведь до выхода еще семнадцать часов! — строптиво сказал Дима.

— Это сейчас не имеет значения. Мы возвращаемся на Землю. В силу чрезвычайных обстоятельств.

— Что чрезвычайного вы усмотрели? — утомленно спросил Яр.— Почему нельзя продолжать экспедицию?

— Это позволяйте решать мне, Ярослав Игоревич. А вас я попросил бы незамедлительно на-

писать подробный рапорт о случившемся. Надеюсь, вас это не затруднит?

— Затруднит,— сумрачно сказал Яр.— Я не могу... сейчас.

— Что ж, отдохните... Только прошу: если у вас возникнет намерение вновь покинуть крейсер, не делайте этого без предупреждения.

— Вам угодно иронизировать?

— Отнюдь...

— У меня не возникнет такого намерения,— с трудом сказал Яр.— Потому что мальчик, который приходил за мной... он уже не придет. Я вам говорил...— У Яра перехватило горло.— И вы, капитан... и поэтому... я сейчас не могу писать рапорт. И подите вы к черту...

Сайский опустил глаза.

— Извините, Ярослав Игоревич...

— Простите нас, Яр,— сказал Дима Кротов и ушел из кают-компании в рубку.

— Яр, ты... правда, отдохнул бы,— пробормотал Олег Борисович и, оглядываясь, побрел к выходу.

Сайский опять сел.

Яр отошел к иллюминатору. За стеклом была панорама, изображающая березовый перелесок. Пластиковые листики вздрагивали от струи вентилятора. Пластмассовая божья коровка сидела на блестящих лепестках очень ровной ромашки. Яр закрыл глаза и уперся кулаками в теплое стекло.

— Яр! — громко и странно позвал его Дима.— Ярослав Игоревич!

Яр оглянулся.

Дима — бледный, с какой-то неловкой улыбкой — стоял в дверном проеме рубки.

— Яр, там... к вам...

Дима шарахнулся от метнувшегося в рубку Яра.

В рубке смешались электрический и солнечный свет. У отодвинутой двери гермошлюза переминался с ноги на ногу сумрачный Алька.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Буря

1.

Снова было похоже на июнь. Вокруг голубятни лежал ковер цветущих одуванчиков. Дальше цвела сурепка и еще какие-то солнечные цветы. От них весь пустырь казался ярко-желтым. Одуванчики качались под теплым ветром. И квадратная тень голубятни шевелилась на них, как живая.

По одну сторону тени стоял Яр. По другую Алька. Друг на друга они не смотрели. Яр поправлял под курткой ремень блика. Алька расковыривал дырку на своей трикотажной фуфай-

ке. Потом он быстро глянул из-под ресниц и жалобно попросил:

— Яр... ну, прости, а?

Яр сопел, дергая пряжку — ее заело.

— Ну, Яр...

— Ага, теперь «прости», — пропыхтел Яр. —

Надо было думать...

— Я больше не буду, — по-настоящему виновато сказал Алька. Почти по-настоящему.

— Ага, «не буду»... За твои слова знаешь что? Драть надо как следует...

Алька опять стрельнул глазами из-под пшеничных ресниц, совсем понурился и вздохнул:

— Ну... ладно. А потом простишь?

— Видно будет. Иди сюда, — деревянным голосом сказал Яр.

Алька, загребая башмаками одуванчики, побрел через тень голубятни. Остановился перед Яром. Полная покорность и раскаяние.

Яр хмыкнул, взял в пятерню отросшие Алькины волосы, качнул туда-сюда покаянную голову, подхватил Альку, взметнул над собой.

— Вот заброшу балбеса на голубятню...

Алька радостно заверещал, задрогал ногами, роняя как всегда башмаки. Сказал с высоты:

— Не-а! Не забросишь.

— Это почему?

— Потому что ты уже не злишься.

— Злюсь! — рявкнул Яр.

— Не!..

— Откуда ты это взял?

— Ну... потому что ты же понимаешь... что сам виноват... — И Алька испуганно заморгал.

Яр опустил его в одуванчики.

— Ах, значит, я виноват?

— То есть я... Но ты тоже... немножко.

— Тьфу на тебя... Также мне психоаналитик, — проворчал Яр.

Алька смотрел преданно, весело и бесстрашно. Яр ничего не мог ему возразить. Потому что он и в самом деле был виноват. По крайней мере, с точки зрения Альки. Недаром Алька так зарорал. Тогда, в крейсере...

Ой-ей-ей! Яр никогда не думал, что веселый и ласковый Алька может так яростно и беспощадно орать.

Когда прошла первая радость, когда Яр выпустил Алькины плечи и с усмешкой оглянулся на обалдевших членов экипажа, Алька сказал коротко:

— Почему ты сбежал? Пойдем.

Яр понял, что надо решать. Немедленно и навсегда. И... начал глупо и жалобно говорить, что он там, наверно, лишний и лучше будет, если...

Вот тут Алька и взорвался.

— Ты что! — закричал он, исходя яростью и слезами. — Сперва наобещал, а теперь... Какое

ты имеешь право?! Врал, что никогда не уйдешь, а сам!.. Пошли сейчас же!!

— Но, Алька...

— Не пойдешь?! — бешено крикнул Алька. — Тогда... Тогда ты самый паршивый дезертир, вот кто!!

Стало тихо. Лишь в Альке клокотало гневное, смешанное со слезами дыхание. И в этой тишине случилось неожиданное. Капитан Сайский начал ржать. Интеллигентный, безукоризненный Сайский уронил золоченое пенсне, бухнулся в кресло и стал не смеяться, а непотребно ржать: как загулявший рыбак в баре у Черного Якова, услышавший какой-нибудь пудовый анекдот...

Сквозь сумятицу мыслей, сквозь обиду, потерянность и досаду на себя, сквозь щемящую нежность к негодующему Альке и радость от того, что он пришел, сквозь злость на идиота Сайского до Яра смутно дошел комизм положения.

Сайский, всхлипывая, сказал:

— Клянусь субпространством, такого не было в космосе за всю историю полетов... Ярослав Игоревич, вдумайтесь: вы в любом случае окрываетесь дезертиром. Так что уж идите с мальчиком. Здесь вас, по крайней мере, хоть как-то оправдают.

«Бред какой-то, честное слово», — беспомощно подумал Яр. Но отозвался сухо:

— Позволено мне будет взять кое-что из личного имущества?

«Боже мой, что это я говорю? И что опять делается?»

— Почему же нет? — отозвался Сайский. — Даже и не из личного... Возьмите блик. Судя по всему, он не будет для вас лишним.

— Но... — Яр иронически взглянул на капитана. — Не выглядит ли это как «вооруженное вторжение на планету с неизвестной цивилизацией?»

— Откуда я знаю? — серьезно сказал Сайский. — Здесь явно не предусмотренная ситуация. Будем решать на свой страх и риск... Только давайте, Ярослав Игоревич, составим подробную запись в вахтенном журнале. Своего рода акт о вашем уходе. — Сайский оставался Сайским.

— И еще вот что... — добавил он. — Пусть Кротов делает фотоснимок всех нас вместе с... нашим гостем. Это лучше, чем четырехкопеечная монета. Я говорю о доказательстве случившегося, на тот случай, если...

— На тот случай, если не вернусь, — усмехнулся Яр. Он был уверен, что не вернется.

И теперь они стояли под голубятней. И хитрый негодный Алька, почуяв слабину в Яре, выговаривал:

— Ушел — и крышка. А как мы без тебя, подумал?

— Неужели ты, балда, решил, что я ушел нарочно? — огрызнулся Яр.

— А откуда мы знали?.. Чита даже читать перестал, ходит, как вареная макарона. Данка ревет целыми днями...

— Как... целыми днями? Сколько же времени прошло?

— Как сколько? Ты сам не знаешь? Почти три месяца.

Яр присвистнул. «Побеседовали в кают-компании... Хотя, конечно, так и должно было быть...»

— То-то я смотрю, ты подросток...

Алька и в самом деле стал повыше. Старенький трикотажный костюм сделался короток: штаны до щиколоток, из-под фуфайки смешно выглядывает голый живот — загорелый и расцарапанный — видно, Алька лазил на дерево.

Яр посмотрел на ствол высохшего тополя. Его могучие сучья были опилены на одном уровне. На них-то, как на растопыренных пальцах, и стояла теперь голубятня.

— Как она здесь оказалась? — спросил Яр.

— Это другая. Та сгорела. Мы набрали досок и построили новую, почти такую же... Здесь лучше, спокойнее. Людей меньше.

Яр присел на чемоданчик. Поставил Альку перед собой. Посмотрел снизу вверх в его потемневшие распахнутые глаза: беспокойные и требовательные.

— Алька... А как ты сумел до меня добраться?

Он смущенно и чуточку гордо улыбнулся:

— Я старался... Я очень хотел... И ребята просили...

— Раньше это мог только Игнатик...

Алька серьезно сказал:

— Я теперь многое умею, то, что раньше Игнатик... Только свечку зажечь не могу.

— Ну, Игнатик тоже не мог, если не было пятерых.

Алька досадливо мотнул головой.

— Не в этом дело... Я никогда не смогу. И никто не сможет. Это один Игнатик мог, это его... Яр, смотри, Данка идет и Чита!

Они подошли спокойно, будто заранее договорились о встрече. Данка вертела в пальцах ветку цветущей сирени. Чита был без книги. С мячиком в руках.

— Ага, появился, — сказал Чита радостно и все же с тенью упрека.

— Здравствуй, Яр, — улыбнулась Данка.

— Вы подросли, — сказал Яр.

— За лето всегда подрастают, — согласилась Данка.

— А я не успел даже выспаться, — виновато проговорил Яр. — У нас всего два часа прошло. Данка не удивилась.

— Здесь уже осень, — сказала она. — В этом году такая замечательная осень. Обычно в это время уже снег идет, а сейчас будто вторая весна. Одуванчики... И сирень снова зацвела... Смотрите, ребята, сколько в ней цветков с пятью лепестками. Прямо сплошь...

— У нас это считалось, что к счастью, — вспомнил Яр.

— А у нас говорят, что к беде, — сердито усмехнулся Чита.

— Но это неправда, — вмешался Алька.

— Конечно, неправда, — мягко сказала Данка. — На самом деле хорошо, если пять... Будто Игнатик знак подает...

Тоска по Игнатику опять резанула Яра. Он отвернулся, чтобы скрыть от ребят лицо. У него прошло три месяца, а для него и двух суток не прошло с той ночи на кладбище...

Но и ребята запечалились. И чтобы встряхнуть их и встряхнуться самому, Яр громко спросил:

— Ну, похитители скадерменов, что будем делать дальше?

— Как что? Жить, — сказала Данка.

— Просто жить?

— Не просто, — тихо и удивительно жестко сказал Чита. — Будем учиться. Будем спокойно и подробно все узнавать про этих гадов. Кто они и зачем они. И какое против них есть оружие.

«Вы же дети», — чуть не возразил Яр. И не возразил, потому что не было смысла — они решились.

— Наверно, это придется делать долго, — сказал Яр.

— Ничего. Зато потом... — сказал Алька и незнакомо сузил глаза.

«А как быть с пятым? Нужен нам кто-нибудь?» — чуть не спросил Яр. И не решился. Он спросил о другом:

— А все-таки... что делать мне? Ни крыши, ни работы... Я здесь никто.

— Крыша есть, — отозвался Чита, — а работы в городе сколько хочешь. Например, можешь стать учителем. Хочешь?

— Каким же учителем? Я не знаю ни истории здешней, ни географии...

— Можешь быть учителем физкультуры, — предложил Алька. — У тебя вон какие мускулы. Яр вздохнул.

— Мускулы... А меня возьмут?

Данка серьезно сказала:

— Сразу. Сейчас в школах так не хватает мужчин...

— Я смотрю, вы все обдумали.

— Ага, — сказал Алька.

Неожиданно потемнело. Солнце укрылось в сером облачке с косматыми краями. Следом за этим облачком тянулись еще, а ближе к горизонту вырастала хмурая туча. Сразу стало зябко.

— Снежные тучки-то,— озабоченно проговорила Данка.— Пошли, а?

Яр подхватил чемоданчик.

Над пустырем прошелся резкий ветер и принес издалека, от тучи, первые снежинки. Алька съежился и взял себя за плечи. Он один был одет по-летнему, остальные в куртках.

— Давайте к автобусу,— скомандовал Чита.

Они торопливо зашагали через пустырь. Цветы оставались яркими, солнечными, хотя стало совсем пасмурно и снег летел все гуще.

Ветер принес льдистый холодок. Алька запрыгал, как козленок.

— Вадик, возьми чемодан,— сказал Яр. Подхватил Альку на руки, прикрыл его широкой полкой куртки, ускорил шаги.

— Ну чего, я сам...— для порядка буркнул Алька.

— Не дергайся... Давайте, ребята, скорее... Вадик!

Но Чита стоял в непонятной позе: замер, согнувшись, и поднял к самым глазам чемоданчик Яра.

— Смотрите...

Яр и Данка встревоженно подошли.

— Снежинки,— сказал Чита.— Как цветки на сирени...

У снежинок был четкий узорчатый рисунок. Сказочные шестиконечные звездочки, как на новогодних открытках. Но... не только шестиконечные. Яр увидел, как на черную искусственную кожу села звездочка с пятью концами. Потом еще, еще...

— Видите!— с непонятным торжеством сказал Чита. Что-то пошептал над снежинками, сдул их, махнул чемоданом и торопливо зашагал впереди всех. Потом весело обернулся.

— Данка, ты держи Яра перед автобусом! Чтобы он опять не пропал...

2.

Шмели пронесли над городом полосами. Они обуглили землю, деревья и здания. Деревянные дома стояли обгорелые, а каменные были словно изъедены кислотой или миллионами червей. Их стены превратились в сизый ноздреватый шлак. Но многие кварталы оказались не задеты нашествием, жизнь в них шла самая обычная.

От старой голубятни остались только обугленные столбы. Забор вокруг большого двора тоже сгорел. Кирпичное здание переплетных мастеровских чернело пустыми окнами. Но двухэтажный деревянный дом уцелел. И, как в июне, двор пестрел одуванчиками. Только сейчас на них сыпался снег.

Данка жила на первом этаже. В маленькой двухкомнатной квартире, похожей на ту, в которой жил когда-то Валерка Дымов. Яр даже

увидел на стене коврик с оленями— такой же, какой висел над кроватью Валеркиной мамы...

Яр бухнул Альку прямо на кровать, накрыл курткой и сказал Данке:

— Грей чай. Надо оттаивать этого обормота.

— Вадик, поставь чайник,— распорядилась Данка. И когда Чита ушел, она сказала Яру:— Вот в этой комнате ты будешь жить.

— Я? В этой?

— Да... Раньше это мамина комната была. Теперь будет твоя... Ой, а если тебе не нравится, можешь в той...

— Мне нравится,— неловко проговорил Яр.— Но... это ничего, что я... у тебя?..

— Конечно, ничего! Ой, Яр, да мне все равно кого-нибудь подселили бы. Сколько домов сгорело, а я одна в двух комнатах.

Яр вздохнул и сказал прямо:

— Данка, я не об этом. Ты вон какая... уже почти взрослая. Скажут: поселился у девушки, в женихи метит старый хрыч.

Данка улыбнулась, поправила платьице, чуть порозовела. Но ответила спокойно:

— Никто не скажет. Я уже всем объяснила, что ко мне дядя приезжает, мамин брат.

— Ну и ладно,— решительно сказал Яр.— Тем более, что деваться мне все равно больше некуда.

Он повесил на спинку стула блик. Стул скрипнул, тяжелый аппарат закачался у пола на длинном ремне.

Вошел Чита. Сразу спросил:

— Это что? Электродрель?

— Сам ты дрель,— сказал с кровати закутанный Алька. Он был немного в курсе.— Не трогай эту штуку. С ходу разнесешь полгорода в пыль...

Очки у Читы блеснули.

— Правда?

— Неправда,— сказал Яр.— Полгорода не разнесешь. У этой штуки направленный удар. Старая система: боевой линейный излучатель Кузнецова.

Чита заложил руки за спину и присел перед бликом на корточки.

Яр достал из кармана помятую фотографию, поставил на стол. Прислонил к вазочке с веткой сирени. Чита поднялся. Все смотрели на снимок. Алька сказал:

— Тетка Игнатика куда-то уехала из города, навсегда. Если бы он... был... он бы тоже теперь жил здесь.

Они помолчали. Чита сходил на кухню и вернулся с чайником. Данка достала чашки.

— Садитесь...

Они долго сидели и разговаривали. Сначала у стола, потом на кровати, где опять устроили закутанного в куртку Альку (он все еще зябко вздрагивал). Сначала рассказывал Яр— про все,

что с ним было после обвала. Потом ребята — как жили без Яра. Потом опять Яр. Потому что Чита попросил:

— Расскажи еще раз про этого... который Тот.

Когда Яр снова, с подробностями, поведал о встрече на вокзале (про кладбище повторять не стал), Чита сказал хмуро и пренебрежительно:

— Глиняные болваны.

— Не болваны,— вздохнул Яр.— И далеко не глиняные.

— Все равно глиняные болваны,— упрямо повторил Чита.— У них логика глиняная... И хотят, идиоты, чтобы получилась мыслящая галактика с глиняными мозгами.

— Откуда они все-таки взялись?..— вздохнула Данка.

— А я знаю,— сказал Алька.— То есть... Ну, мне так представилось... Вот стоит город, живут в нем люди, все нормально, и вдруг взрыв! Тот большой взрыв, бомба, которая расколола планету...

— Знаешь, Алька, если планета раскололась, то гораздо раньше этого взрыва,— перебил Яр.— Еще в очень давние времена...

— Ну, может быть, я не про то... Вот взрыв! И люди все погибли, а вот эти... они были просто манекены в магазинах... они ожили от атомных лучей. И решили, что теперь наступила их пора хозяйничать. Наверно, подумали: раз люди такие бестолковые, что сами себя сжигают...

— Как же эти манекены сделались такие сильные и ничего не боятся? — возразила Данка.

— Они боятся,— сказал Чита.— Цифры пять почему-то боятся. Яра боятся, Игнатика... боялись... И еще многого, только мы не знаем.

— Боятся заходить в Город,— вспомнил Яр.

— Говорят, после большой войны была еще одна: между левым и правым берегом,— сказала Данка.— Вот с той поры люди и не любят переходить реку, хотя давно никаких войн...

— А при чем здесь Город? — не понял Яр.

— Город тогда очень долго сопротивлялся осаде. Все люди в нем погибли, но взять его чужие солдаты так и не смогли. Не знаю, почему... Но опустел он не тогда, а позже.

— Не совсем опустел,— сказал Яр.— Все-таки он живой.

— А не уйти ли нам всем туда? — спросила Данка вполне серьезно.

— А мама? — сказал Алька. Покраснел и испуганно посмотрел на Данку. Она слабо улыбнулась.

— Про Город есть сказка,— заговорил Чита.— Будто в него ушли барабанщики. Мальчишки, вроде нас. Когда лицей горел и повстанцы отступали, барабанщики остались их прикрывать...

— Кто же оставил их, самых маленьких? — спросил Яр.

— А кого они спрашивали?.. Они стояли шеренгой и барабанили все марши, которые знали. И враг этих маршей боялся и не мог подойти...

— Какой враг?

— Не знаю... Но он боялся. А когда марши у ребят кончились, налетел сильный ветер, просто ураган, и все окутал пылью. И барабанщики исчезли в этом вихре. Говорят, они сами превратились в ветерки и живут теперь в Городе... Яр, ты их не встречал?

— Встречал, пожалуй,— сказал Яр.

Алька вздохнул, закутался в куртку по уши и тихо проговорил:

— А может, Игнатик тоже стал ветерком? Улетел от тех и стал...

— Ну и что хорошего? — печально спросила Данка. А Чита сказал:

— Ветерки, они хорошие. Только что они могут?

— Многие могут,— как бы заступаясь за Игнатика, сказал Яр.— Корабли гонять, пожар раздуть. А если вместе, они — ураган.

— Раздуть пожар могут,— тихо проговорил Чита.— А маленькую свечку зажечь не смогут. Это может только живой Игнатик... Яр, ты уверен, что Тик умер?

Яр вздохнул. Он знал, что ребята не верят. Вернее, не совсем верят. Но надо было отвечать честно.

Яр сказал:

— Я был на его могиле.

И снова тоской сдавило сердце: «Игнатик Яр...»

За окнами темнело, и шелестел ветер. Снег не кончался.

Данка поднялась и сказала, что надо думать об ужине. Как народ отнесется к макаронам с консервами?

Народ отнесся положительно.

— Вот и отлично. Потому что все равно больше ничего нет. Даже хлеба... Вадик, ты сходишь в булочную?

— Мы сходим с Яром,— сказал Чита.

— И я! — подскочил Алька.

— А ты разденешься и залезешь под одеяло. И никуда не сунешься до завтра. Смотри, все еще трясешься...

— А мама что скажет?

— Я найду, предупрежу ее,— пообещал Чита.

— Сговорились... — пробурчал Алька. Но послушно отдал Яру куртку.

Чита сказал Данке:

— В ближней булочной хлеба наверняка нет. Мы пойдем на Тополиный спуск, но там, конечно, очередь. Не волнуйтесь, если мы задержимся.

— Лучше идите на Южную. Это дальше, зато там народу меньше.

— Пожалуй,— согласился Чита и глазами показал Яру на блик.

Яр понял. Приладил тяжелый излучатель под курткой.

— Зачем это? — забеспокоилась Данка.

— На всякий случай, — беспечно разъяснил Чита. — И для того, чтобы здесь к этой штуке никто не лез и ничего не нажимал.

— Я что, ненормальный? — обиделся Алька.

— Пошли, Яр, — сказал Чита.

3.

Вечер был серый, и полосы летящего снега тоже были серые. Теперь ветер гнал не снежинки, а хлопья.

Чита поднял у курточки воротник и сказал:

— Яр, у меня к вам важный вопрос.

— Я чувствую...

— Вы ведь разбираетесь в радиоаппаратуре?

— Думаю, что да...

— У меня родители одно время работали на городском почтамте. Я часто приходил к ним, меня везде пускали... Яр, там на верхнем этаже есть аварийная радиостанция. Сейчас почтамп пустой, и электричества, конечно, нет. Но у станции автономное питание, аккумуляторы. Может быть, они сохранились...

— Ну... допустим, сохранились, — осторожно сказал Яр и ощутил тяжесть блика. — И зачем же нам станция, Вадик?

Он поморщился и жалобно попросил:

— Не называйте меня Вадиком. Чита я и есть Чита...

— Данка же называет, — улыбнулся Яр.

— Это Данка...

— Ладно. А ты перестань говорить мне «вы». Сколько можно?

— Хорошо... Яр, вы... ты как видел Игнатика в тот раз... когда хоронили? Близко?

«Опять», — подумал Яр и неохотно сказал:

— Издалека.

— Ты его узнал?

— Я же говорю: было далеко... Неужели ты думаешь, что тысяча людей устроила для меня спектакль? Зачем?

— Не люди, а те... Люди не знали, а тем не трудно устроить обман. Они обманывали всю Планету.

— Но зачем бы они стали обманывать меня?

— Как зачем? Чтобы вы... чтобы ты убрался с Планеты.

— Ты надеешься, — горько сказал Яр, — что Игнатика они где-нибудь спрятали, а похоронили куклу?

— Почему бы и нет? — сердито отозвался Чита. — Они сами куклы. Что им стоит?

Чтобы задавить в себе бесполезную надежду, Яр проговорил беспощадно:

— Нет. Им проще было сделать, чтобы он погиб. Раз и навсегда.

— Яр... Ты же сам говорил, что они не могут это сделать, если нас пятеро.

— Но Игнатик не знал, что вы живы...

— Зато те знали. К тому же Игнатик догадывался...

— Кроме того, это был несчастный случай.

— Подстроенный случай — тоже убийство... Яр...

— Что?

— Яр, а вдруг Тик живой и они держат его где-нибудь взаперти? А он и не старается вырваться, потому что они сказали, будто ты ушел с Планеты...

— Он доверчивый, — сказал Яр. — Но этому он бы не поверил.

— Яр, ты не обижайся... но ты же по правде ушел.

— Это получилось, потому что Игнатика нет, — через силу сказал Яр.

Чита опустил голову, долго шел молча. Хлюпал ботинками по раскисшему на асфальте снегу. Потом хмуро спросил:

— Почему ты боишься надеяться?

— Потому что... — глухо сказал Яр, — надежда погибнет, и будет еще страшнее.

Чита удивленно вскинул голову и снял очки.

— Страшнее? — звонко спросил он. — Что может быть страшнее для Игнатика, если он погиб? Или вы боитесь за себя, Яр?

— Дурак! — крикнул Яр. Жалобно, зло и с непонятным облегчением. — Чего я боюсь?! Я...

— Вот почтамп, — сказал Чита.

Почтамп был знаком по Нейску. Три этажа, полукруглые окна, башня с квадратными часами. Левое крыло здания было изъедено огнем и шмелями, камень превратился в сизую губку. Правая часть и центр с башней уцелели, только на башне покосилась решетчатая антенна. Окна выбиты, нигде ни огонька.

— Почтамп. Ну и что? — насупленно сказал Яр.

Чита переглотнул. Прищуренно посмотрел на антенну.

— Если станция цела, можно дать сигнал... Яр, сразу по всем каналам! «Тик, мы живы, мы тебя ждем!» Нас попытаются заглушить, но сразу не успеют.

— Чита, но если он... если говоришь, его держат взаперти, разве он услышит радио!

— Он все равно узнает. Вся Планета будет знать, узнает и он... Яр, он услышит. Он даже траву умеет слушать, даже снег...

«Он говорит умеет, а не умел», — подумал Яр. У него редко и глухо стало толкаться рядом с бликом сердце.

Чита смотрел на Яра требовательными глазами стрелка. И сказал:

— Даже если это самый маленький шанс...

Сумрачный вечерний свет входил в громадные разбитые окна, и в залах стояли серые полусумерки. Чугунные лестницы плавными разворотами вели с этажа на этаж. Ступени гудели под ботинками, эхо тоже гудело в пустой громаде здания — от подвала до башни. Полы были усыпаны бумагами. Сквозняки шевелили их.

Чита сказал на ходу:

— Может быть, это смешно... Знаешь, Яр, я попросил снежинок-птилистников рассказать про нас Игнатику. Если ветры донесут их к нему. Но радио, конечно, надежнее...

Яр промолчал.

На верхнем этаже Яр и Чита прошли несколько больших комнат с телеграфными аппаратами. Шелестели бумажные ленты, катались под ногами наполовину сгоревшие свечи. Такие же свечи стояли у аппаратов и на подоконниках, посреди лужиц застывшего стеарина.

— Смотри-ка,— уважительным полупшепотом произнес Чита.— Электричества уже не было, а люди все равно дежурили. При свечах...

Здесь, наверху, было как-то уютнее. Почти все окна оказались целыми.

Чита привел Яра к обитой жестью дверце. — Вот здесь...

Дверь была закрыта. У скважины замка висела на проволочке пломба.

Яр оглянулся на Читку, пожал плечами и оборвал пломбу. Надавил на дверь плечом. Сильнее, сильнее... Что-то лопнуло, дверь отошла...

В полукруглой комнате была стеклянная крыша. За стеклами (видимо, очень крепкими, уцелевшими) беззвучно летели темные сгустки снега. Начинался настоящий буран. Но серого света все же хватило, чтобы различить на черном пульте клавиши и тумблеры.

— Разберешься? — прошептал Чита.

— Как-нибудь,— отозвался Яр. Слева от пульта, в пыльном закутке он отыскал рубильник аварийного питания. Чита обрадованно ойкнул: на панели зажглись разноцветные стеклянные капельки. Тонко пропищал непонятный сигнал.

Яр шагнул к пульту. Чита стоял в двух шагах и напряженно смотрел на Яра. На тонком лице Читы лежали цветные отблески огоньков. С волос капал растаявший снег.

Яр медленно нажал клавишу общей трансляции. Из панели выдвинулся на изогнутой лапе решетчатый микрофон: говори.

Что говорить?

«Игнатик... Игнатик Яр! Если ты жив, знай, что и мы живы. Игнатик, мы тебя ждем...»

Яр представил, как невидимые волны несут над Планетой этот беспомощный зов. Над тихой, раз и навсегда испуганной, потерявшей себя Планетой. Над заросшими рельсами, заброшенным вокзалом, рыбацким поселком с людьми, которые боятся рассказывать. Еще над тысячами таких же поселков и городов. Над опустевшим

Городом, который не сдался, но и не победил. Над темным кладбищем у моря...

В этом было какое-то кощунство. Игнатик лежит, зарытый в холодную почву Планеты, а крик, обращенный к нему, сейчас полетит в эфир, заставит вздрогнуть пыльные репродукторы и скрипучие приемники...

Но... Чита смотрел жестко и упрямо. Как, наверно, смотрели те барабанщики-повстанцы, когда играли последний марш. И он был прав: нельзя упускать ни малейшего шанса. Потому что... да, капелька надежды опять дрожит где-то на самом дне души.

— Игнатик...— хрипло сказал Яр микрофону.

Вверху, под стеклянной крышей вспыхнули белые лампы. Цветные капельки на пульте погасли. Высокая черная панель радиостанции треснула от пола до верха, разошлась, как ворота. Из широкой щели с дымящимися катушками и обрывками кабелей шагнул к отшатнувшемуся Яру Тот.

Яр швырнул Читку к двери и отскочил сам.

Тот, растопырив руки, деревянно двинулся к Яру и Чите.

Впрочем, это был не Тот. Другой это был. Яр узнал его. Узнал неподвижные злые глаза, бессмысленную улыбку, трещину на глазированной щеке. Пестрый альпинистский костюм.

Наблюдатель поднял скрюченные руки до плеч, будто хотел обнять Яра и Читку. Медленно шагнул к ним, вынося негнувшиеся ноги в стороны. Он не торопился, он был уверен, что никто от него не уйдет. Яр вспомнил, как Тот резал из трубы колечки и комкал чугунную батарею. И как беспомощно падали в снег пули.

Ладно, сейчас не пули...

— Зажми уши и зажмурься,— сказал Яр Чите.

Он передернул на ремне блик. Откинул на прикладе опорную площадку и прижал ее к груди. Припал на колено, чтобы стрелять снизу вверх — иначе луч, уходя в пространство, превратит в ничто верхние этажи уцелевших домов.

Наблюдатель шел и тупо улыбался. Яр положил большой палец на кнопку. Она была вогнутая, удобная. Наблюдатель сделал еще шаг. Яр нажал.

Режущий свист и белая вспышка ударили в стену. Лампы погасли.

В панели станции появилась метровая пробоина. Сквозь зеленые пятна в глазах Яр увидел на светлом фоне пробоины силуэт Наблюдателя. Наблюдатель постоял и сделал шаг к Яру.

Яр выстрелил опять. Будто в ответ на это снова загорелись лампы. Сверху сыпались стекла. Края пробоины в панели дымились.

У Наблюдателя с поцарапанной щеки слетело несколько чешуек глазировки. Он, улыбаясь, шагнул к Яру.

— Уходи! — крикнул Яр Чите. Оглохший

Чита покачал головой. Яр выкинул его за порог. Выскочил сам. Захлопнул тяжелую дверь, хотя это было совершенно глупо.

— Пошли отсюда! — крикнул Яр снова.

Чита странно улыбался. Он громко спросил:

— Почему ты больше не стрелял?

— Это бесполезно!

— Нет! — сказал Чита. — Стреляй.

Наблюдатель не открывал дверь. Он аккуратно резал ее. Сначала тонкие щели прошили толстую жель крест-накрест, потом разделили дверь на квадраты. На квадратике. Квадратики посыпались на пол. Наблюдатель шагнул в дверной проем.

Яр опять встал на колено и выстрелил. Белый луч унес в пространство все, что встретил на пути. Стены ахнули. А Наблюдатель стоял.

Постоял и снова шагнул.

Яр перевел кнопку на постоянное излучение. Огненный рев потряс пустой почтамт. Это было похоже на запуск стартовых ракет. Стена впереди исчезла. Сыпались камни и штукатурка.

Потом стало тихо. Яр увидел вдали круглый глаз чистого неба: луч высверлил в облаках туннель. Буран втягивался в этот туннель спиральными вихрями. Чистое небо стремительно запылало снежной мутью.

Наблюдатель постоял, словно ожидая, когда Яр придет в себя. Потом шевельнулся и опять пошел к Яру.

Яр сорвал с ремня горячий блик и бросил его в Наблюдателя, как бомбу. Попал. Наблюдатель качнулся и пошел скорее.

Яр дернул за руку Читы, и они побежали. По залам, по чугунным лестницам, по узким темным коридорам. Влетели в какую-то комнату с низким потолком и полукруглым окном.

— Черт, заблудились, — со всхлипом сказал Чита. И сел на подоконник. Он часто дышал сквозь сжатые зубы.

— Отдохни, — сказал Яр.

— Зачем ты бросил оружие? — резко спросил Чита.

— Это теперь не оружие. Оно разряжено полностью, на Планете его не зарядить.

— Тогда уходим, — сказал Чита и прыгнул с подоконника.

— Отдыхимся немного. Он нас не догонит так быстро...

В это время рассыпалась на квадратике часть стены, и Наблюдатель возник в провале.

Яр и Чита опять бросились к двери. Они долго бежали по бетонному коридору. В конце коридора включилась лампочка. Под ней стоял Наблюдатель.

Все тот же. С улыбкой, с отскочившей глазурью на щеке, со скрюченными руками.

Яр и Чита метнулись вверх по лестнице. Она привела их на застекленную площадку. Наблюдатель стоял посреди площадки.

— К выходу, вниз! — крикнул Чита.

Но внизу, у дверей центральной арки, снова стоял Наблюдатель.

Яр больше не мог бежать. Чита, видимо, тоже. Они пошли опять вверх. Наблюдатель шел за ними, под его ногами рассыпались чугунные ступени.

Потом шаги Наблюдателя стихли. Яр и Чита оказались в комнате с телеграфными аппаратами, но не в разрушенной, а в другой, поменьше. Чита сел на пол и прислонился к ножке стола.

— Кажется, этот гад нас не выпустит, — сказал он довольно спокойно. — Что будем делать, Яр?

— Он преследует меня одного, — тяжело дыша, ответил Яр. — Ты ему не нужен. Ты уходи, а я задержу...

— Неправда, — сказал Чита.

— Что неправда?

— Что он преследует тебя одного. Тот говорил, что с тобой они ничего не могут сделать.

— Это когда я был пришельцем из космоса. А теперь я просто житель Планеты.

— Это хорошо, — заметил Чита.

«Уж куда лучше», — подумал Яр и сказал:

— Уходи.

— Идите вы, Яр, знаете куда... — вежливо сказал Чита.

— Я старший, я приказываю.

— Глупо ты приказываешь, — отозвался Чита и встал. — Здесь только один выход. И он занят. Слышишь?

Яр услышал шаги Наблюдателя.

— Я отвлеку его, а ты выскочишь в дверь, — сказал Яр.

Чита промолчал. Снял с телеграфного аппарата тяжелую катушку и взвесил в руке.

Наблюдатель возник в двери. Постоял и пошел к Яру. В пасмурном свете полукруглых окон Яр с трудом различал его неподвижное лицо.

— Убирайся, — злым шепотом приказал Яр Чите.

Чита метнул в Наблюдателя катушку. Она с жестяным звоном ударила о твердый лоб манекена и отлетела. Наблюдатель опять остановился, будто раздумывая. И вновь зашагал.

Чита подобрал с пола и швырнул в него несколько свечей.

«Глупо как... — подумал Яр. — Глупый конец». Он не боялся, но было обидно. Сдохнуть, как мышонок в лапах глиняного кота.

«Ничего не успел, — подумал Яр. — Ничего не узнал, никому не помог... Даже не знаю, кто мой враг. Все зря...»

Сейчас этот гад подойдет, сдавит клешнями... Лишь бы не видел Чита... Надо отвлечь Наблюдателя и выкинуть Читы за дверь...

Чита шарил по карманам. Выхватил связку ключей, швырнул в манекена. Потом в руке у него оказалось что-то круглое. Яблоко? Мячик.

Наблюдатель стоял на фоне окна. Чита сильно взмахнул рукой.

Яр решил, что Чита промахнулся. Мячик ударился в оконный переплет, отпрыгнул на середину комнаты и подкатился к ногам Яра.

Чита засмеялся — коротко и зло. Наблюдатель стоял в прежней позе. Но в груди у него была ровная круглая дыра. Чита попал. И мячик с тремя белыми полосками без задержки прошел сквозь тело несокрушимого врага.

Наблюдатель покачнулся и упал с кирпичным стуком. У него отскочила и укатилась голова.

— Вот так, — устало сказал Чита.

Он поднял мячик, и они с Яром отошли к окну. Яр не испытывал ни удивления, ни радости. Только усталость.

Чита погладил мячик, словно котенка.

— Вот какой ты. Недаром из пятой лунки...

Яр, глядя на отбитую голову Наблюдателя, медленно сказал:

— Старый знакомый... Откуда же он про нас узнал?

— Значит, они шпионят за нами, — отозвался Чита.

— Но зачем?

— Вот и я думаю: зачем? Они же говорили, что если нас четверо, мы им не страшны... Ведь говорили, Яр?

— Да... Только не верю я во всю эту числовую дребедень... Четверо, пятеро... Учи как следует историю, узнаешь тогда, что для войны с угнетателями нужны миллионы...

— У нас в школах давно не учат историю, — вздохнул Чита. — И в цифру пять я тоже не очень верю... Яр, но они верят и боятся ее. И сейчас они чего-то боялись... Яр, зачем бы они боялись, если Игнатика нет?

Яр промолчал. Он думал о том же, что и Чита. И думать об этом боялся. И хотел думать. И не смел. И надежда вырастала, несмотря ни на что...

«Игнатик...» — успел сказать он в микрофон. И если это слово пробилось? Если его услышал... тот, кто должен был услышать?

— Завтра пойдем к дереву, — сказал Чита. И старательно затолкал мячик в брючный карман. Потом воскликнул: — Ой, смотри, Яр, здесь книга!

На мраморном подоконнике, рядом с оплывшим свечным огарком валялся вверх переплетом раскрытый томик.

— Такая же, как та, — удивленно и ласково сказал Чита. — «Зверобой». Кто-то из дежурных читал и оставил... Яр, а я тогда ее не дочитал, всего десять страниц осталось. Ее там засыпало, в крепости...

Он лихо насадил на переносицу очки, схватил книгу, залистал, нагнулся над подоконником.

— Забирай книгу и пошли отсюда, — сказал Яр.

— Сейчас... Как же я могу забрать? Она не моя. Вдруг за ней придут? — Чита поставил на подоконник локти и навис над книгой.

Ну что за парень, черт побери! У Яра возникло желание вытянуть его по тощему оттопыренному заду.

— Ну-ка пошли! А то явятся сюда его дружки, — Яр кивнул на останки Наблюдателя. — Думаешь, всех мячиком закидаем?

— Не явятся, — уверенно заявил Чита. — Понимают, что себе дороже.

У Яра не было сил ни спорить, ни возмущаться. Он только сказал с досадой:

— Надо же, как тебе приспичило читать... Между прочим, мы за хлебом опоздаем, Данка нам покажет...

Чита отозвался, не оборачиваясь:

— Все равно опоздали... Зайдем к Алькиной маме, у нее попросим.

— Вот и надо идти. Она волнуется: где Алька...

— Надо переждать буран. Смотри, как несет. Нас всех снегом заплует. Подождем...

— Конца бурана?

— Ну... вообще.

Яр тихо плюнул и отошел к стене. Уперся ладонями. Стена была очень холодная. Мысли тоже были холодные. Даже чудо с мячиком не принесло радости. Хорошо, что есть мячик, но как же этого мало! И надо думать не о чуде, а о простых вещах. О том, как жить. О работе, например. Не сидеть же на шее у Данки. Да мало ли впереди забот.

Если бы рядом был Игнатик, заботы эти оказались бы нестрашными, веселыми, согретыми радостью. Но пришло воспоминание о темном кладбище над обрывом, о надписи на отесанном столбике и снова погасило надежду.

Чите хорошо, он спокоен, он прочно надеется. Он даже снежинки попросил разыскать Игнатика. Яр представил, как снежинки кружат у столбика над могилой.

«Мальчик мой...» Яр прижался к стене горячим лбом. К ледяной стене. Нельзя даже всхлипнуть. Надо держаться. Ребята позвали — он пришел. Раз пришел, надо быть до конца...

— Яр... — сказал Чита.

— Что?

— Яр, ты успокойся...

— Я спокоен, — хрипло соврал Яр и перелотнул. — А ты... перестань читать. Совсем глаза испортишь... ночь на дворе...

— Не испорчу, — странно, очень ровно сказал Чита.

Яр обернулся. Чита по-прежнему стоял, согнувшись над подоконником. У него золотились завитки волос и край щеки.

— Что... Что там?! — крикнул Яр.

— Ничего такого... Свечка зажглась.

Когда речь заходит о Николае Гавриловиче Чернышевском, мы обычно вспоминаем вынесенное еще из школы: автор романа «Что делать?», известный общественный деятель второй половины прошлого века, революционер-демократ, один из вождей русской разночинной интеллигенции. Узник Петропавловской крепости, сибирский политкаторжанин и ссыльный...

А между тем Чернышевский как личность — явление совершенно выдающееся для XIX века. Это человек энциклопедических знаний и способностей: он писатель (и не только прозаик, но и драматург), крупнейший литературный критик, замечательный публицист, последовательный философ-материалист, прекрасный педагог и экономист, чьи труды высоко ценил Маркс. Это человек, который владел древнегреческим, латинским, немецким, английским, французским, польским, еврейским языками, а также занимался персидским и татарским. Многие интересные работы зарубежных ученых и общественных деятелей, опубликованные на страницах «Современника» в 50—60-е годы, были переведены именно Чернышевским.

Любовь к книгам у него была безгранична; он недаром в шутку называл себя библиофагом, «пожирателем книг». Но обильная информация, почерпнутая из книг, не оставалась мертвым кладом в его феноменальной памяти — она была фундаментом для новых — его собственных — открытий.

Чернышевский твердо верил в безграничные возможности разума и сил человеческих и смело заглядывал в будущее, пытаясь представить его. Сумел ли кто-нибудь из фантастов XIX века предсказать столько реалий будущего, как Чернышевский?

Перелистаем с этих позиций «Четвертый сон Веры Павловны» в романе «Что делать?» — именно здесь делится писатель своими раздумьями о грядущем коммунистическом обществе.

Прежде всего, какими они будут, люди будущего? Чернышевский видит их гармонически развитыми личностями: они красивы и здоровы физически, они богаты нравственно и духовно. Труд для них — естественная потребность, а не обязанность. А после работы они — в театре или же «рассеялись по аудиториям, музеям, сидят в библиотеке...» Как видим, проблема свободного времени, всерьез тревожащая сегодня социологов, волновала Чернышевского уже 120 лет тому назад.

Говоря об обществе будущего, Чернышевский верил в прогресс науки и техники, благодаря которому человек должен стать повелителем природы. В «Четвертом сне» мы видим бесплодные прежде пустыни —

«Будущее светло и прекрасно...»

Альберт
БАЛАХОВСКИЙ

с помощью машин люди «проводили каналы, устраивали орошение» и в конце концов превратили их, эти пустыни, в плодороднейшие земли. Видим горы, которые были прежде голые скалы... Теперь они покрыты толстым слоем земли и на них среди садов растут рощи самых высоких деревьев. Исчезли болота... Много десятков лет назад Чернышевский, как видим, верил в огромные возможности ирригации и мелиорации.

Поля будущего дают изобильные урожаи, «хлеба густые-густые, изобильные-изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто же видел такие зерна? Только в оранжеее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами...» Как, читая это, не вспомнить о чудесах наших селекционеров?!

И проблема охраны природы волновала Чернышевского. «Рощи — это наши рощи; дуб и липа, клен и вяз; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева...»

Научное предвидение Чернышевского не имеет границ. Вот он говорит об архитектуре городов будущего — и нельзя не узнать в ней черты сегодняшнего градостроительства: «Какая легкая архитектура... какие маленькие простенки между окнами, — а окна огромные, широкие, во всю высоту этажей!.. Каменные стены — будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею...»

В 1863 году, когда алюминий получали только в лабораторных усло-

виях и его цена была равна цене золота, Чернышевский увидел в алюминии металл будущего. Из этого металла, говорит писатель, будут изготавливать украшения, посуду, мебель; более того — алюминий станет строительным материалом, который заменит собой дерево, камень.

За 12 лет до изобретения Яблочковым первой лампочки накаливания Чернышевский писал: «Как ярко освещен зал, чем же? — нигде не видно ни канделябров, ни люстр. Ах, вот что! — в куполе зала большая площадка из матового стекла, через нее льется свет, — конечно, такой он и должен быть: совершенно как солнечный, белый, яркий и мяккий, — ну да, это электрическое освещение...» Не люминесцентные ли лампы, сегодняшние «лампы дневного света», имел в виду автор этих строк?

Просто удивляешься, как далеко смотрел Чернышевский!

Дети, воспитываемые обществом, когда родители трудятся на его благо, — не прообраз ли это детских яслей, детских садов, школ-интернатов или групп продленного дня?

Машины, которые под управлением людей жнут, вяжут снопы и отвозят их, — не современные ли это комбайны?

Множество таких параллелей нашим дням можно найти в романе Чернышевского.

Завершая «Четвертый сон Веры Павловны», с пламенным призывом обращается писатель к своим читателям: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет света и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...»

Однако и другие мысли волновали Чернышевского, когда он устремлял в грядущее свой взор. Сможет ли человек правильно распорядиться всеми достижениями прогресса науки и техники? Об этом размышляет писатель в одном из своих рассказов, написанных в сибирской ссылке в самом начале 70-х годов прошлого века.

Рассказ называется «Кормило кормчому».

Стилизуя повествование под народное предание, Чернышевский рассказывает о том, как некий Пожиратель Книг, чтобы помочь людям, придумал машину, которая «брала бы всякую силу на земле, и в воде, и в воздухе, и в небе, всякую большую силу, которая даром». Для всякой работы — и большой и малой — сгодится эта машина. Она сможет варить и печь, пряхать и шить, строить дома и отапливать их, во-

зять людей и товары, пахать землю, сеять, жать и собирать хлеб. Более того, эта машина сумеет строить дороги, проводить каналы и поправлять реки, отводя их, чтобы не было болот и болезней от тех болот. Она сумеет сделать так, чтобы не было песчаных степей и соленых пустынь, чтобы не было никакой бесплодной земли; она покроет лицо земли плодородной почвой, будет делать равнины и долины, холмы и горы, если это надо людям. Она создаст искусственные облака и оросит землю дождем, где это надо людям, а может и высасывать воду из облаков, чтобы не было дождя, — если опять-таки это надо будет людям... Эвергетом назвал Пожиратель Книг придуманную им машину; а толкуется Эвергет — как добродетель, как добрая работа.

Однако в обществе, где нет правды между людьми, где — другими словами — власть в руках эксплуататорских классов, изобретение Пожирателя Книг неизбежно станет орудием уничтожения людей и их труда. Это-то и тревожит Чернышевского.

«И возьмут чертеж Эвергета и спрячут ото всех. И начнут делать три бомбы: каждую бомбу в сто миллионов пудов... И будут делать их втайне». Сила каждой из бомб при воспламенении — «как сила пламени геенны». По чертежу Эвергета будет изготовлена и машина, могущая забросить бомбу на высоту в тысячу верст. И станут отныне Эвергет называть Сейсмотом — Потряса-телем земли...

«И увидев то, и услышав то, вострепещут народы и скажут в сердцах своих: На кого та бомба? Горе той стране, на которую та бомба!..»

Как злободневны сегодня строки этого рассказа! Именно сегодня, когда авантюристы из Белого дома способны, не задумываясь, свергнуть человечество в пучину ядерной катастрофы...

Но не в пример иным зарубежным футурологам и фантастам наших дней, пессимистически вззирающим на будущее человечества, Чернышевский верит, что разум восторжествует над безумием. Потому-то оптимистически звучат его слова: «Сильный оружием вскоре разорится».

— Юрик! — воскликнула мама, всплеснув руками. — Где ты весь вывозился, несчастье мое?

— Я не вывозился, — хмуро возразил сын, потупив взор и колупая ботинком паркетный пол.

— Почему же ты весь в зеленке?

— Я не в зеленке! — Юрик чуть не плакал.

— В краске? — ужаснулась мама.

— И не в краске, — возразил сын. — Я сам не знаю, что это такое. Мы вчера... забрались в сад к одному старику. Ну, за речкой...

— И что, он облил вас какой-нибудь гадостью?

— Да нет, его и дома-то не было... Мы яблок наелись.

— Отравились! — охнула мама и кинулась щупать его лоб.

— Ну мам, не болит у меня ничего! — запротестовал сын. — Ты знаешь, эти яблоки, они хоть и зеленые, но ужас какие вкусные... Да ничего у меня не болит, честное слово! Просто у нас у всех, кто их ел, пятна появились. Сперва на лице, потом на руках.

Мама послунила палец, потерла зеленое пятно на щеке сына.

— Да не надо, мам!.. Мы уж и мылом, и бензином пробовали...

— А кто тебя просил по чужим садам лазать?! — вдруг взорвалась мама, и красивое лицо ее тоже покрылось пятнами, но только красными. — Сейчас же к врачу, воришка несчастный! Быстро собирайся — и в больницу!..

В больнице уже сидели его друзья со своими родителями. Дежурный врач у всех семерых велел взять кровь в анализ и сурово сказал:

— Будем делать зондаж и промывание.

Ребята не знали, что такое зондаж, но заранее снякли. Тут кто-то из родителей высказал мысль, что надо бы связаться с владельцем яблок. За стариком срочно была отправлена машина.

Он явился как ни в чем не бывало, этаким чистенький, улыбчивый, с лучистыми глазами и седенькими прядками, торчавшими из-под соломенной шляпы. Старичок был в отутюженном костюме цвета слоновой кости, в белой крахмальной рубашке и желтых сандалиях. Он внимательно оглядел зелененьких мальчиков и радостно спросил:

— И когда же вы залезли ко мне в сад?

— Вчера, часов в одиннадцать вечера...

— А поточнее?

— Да у нас ни у кого часов нет, — сказал длинный Гоша, у которого ярко зеленели нос, шея и левый глаз.

— Н-да, чистоты эксперимента не получается, — задумчиво сказал старичок. — Извините, я не представился, меня зовут Николай Михайлович Зотов, я — профессор биологии. Так, ну, может, кто-нибудь из родителей засек время появления пятен?

— Я засекала, — выступила вперед одна из мам. — Утром поднимаю Сергуньку, — она кивнула на полностью позеленевшего мальчугана, — смотрю, а у него на щеке зеленое пятнышко. В половине седьмого это было. Я на работу в это время ухожу, так что точно знаю.

— Что ж, — довольно потер маленькие ручки профессор. — Картина прорисовывается! А что вы после этого ели? — обратился он к потерпевшим.

— Я — ничего, — удивленно сказал Юрик.

— И я ничего, — изумился Сергунька.

— И я...

— И я...

Оказалось, что никто из ребят ничего не ел со вчерашнего вечера. А на дворе между тем наступала новая ночь.

— И не хотите?! — в восторге спросил Николай Михайлович.

— Не-а, — отвечали мальчишки.

— И не захотите! — убежденно сказал биолог. — Вы, мои милые, стали первыми. Поздравляю вас!.. Ах, как я ждал начала учебного года, чтобы найти среди студентов хоть одного добровольца! Но вы ускорили начало эксперимента...

— Профессор, — спросила одна из мам. — А когда кончится эксперимент? Дети... э-э... побелеют?

Зотов нахмурился.

— Видите ли, я занимаюсь фотосинтезом и нашел, по-моему, способ избавить людей земли от вынужденных пока страданий из-за недостатка пищи. С помощью моих яблок кожа человека уподобляется листу дерева и добывает часть пищи своему хозяину прямым путем от солнечного света. Если эксперименты пройдут успешно — вечная проблема еды будет решена. Но вот с цветом я пока не работал. Да и бесполезно, наверное. Хлорофилл-то — он ведь зеленый!..

Кулибин-младший

Юрий
ГАЛАЙ

Имя А. И. Кулибина мало известно современному читателю. Память о нем как о поэте почти не сохранилась. Тем не менее, он вполне может рассчитывать на свое место в истории русской литературы первой четверти XIX века.

А. И. Кулибин — сын талантливого русского механика-самоучки И. П. Кулибина — родился в один год с А. С. Пушкиным, в 1799 году. Пятнадцатилетним юношей он поступил в привилегированный Горный кадетский корпус. В этом учебном заведении воспитанники поголовно увлекались театром, по праздникам здесь ставили пьесы И. А. Крылова, Я. Б. Княжнина, Д. И. Фонвизина, В. В. Капниста, А. С. Грибоедова. И не удивительно, что некоторые воспитанники корпуса стали впоследствии известными артистами, например, В. А. Каратыгин, В. В. Самойлов.

Другим увлечением кадетов была музыка. Горные инженеры после выпуска назначались в дальние края — на Урал, в Сибирь, и музыка призвана была «отвлечь от вредных занятий, кои, при праздности своей, гибельны».

Среди кадетов были и поэты. Такие известные современники-поэты, как Н. М. Карамзин, И. А. Крылов и В. А. Жуковский, часто посещали Горный корпус, интересовались поэтическим творчеством воспитанников А. Кулибина, Н. Языкова, А. Таскина и братьев Бальдауф.

Большое влияние на кадетов оказывали преподаватели А. Д. Марков и в особенности А. А. Никитин, который вел в корпусе риторику, поэзию и мифологию. Писатель Никитин был одним из учредителей Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и секретарем общества любителей российской словесности, которое было просветительской органи-

зацией декабристского «Союза благоденствия». Цель общества — возбудить у современников «охоту, к взаимному сообщению полезных мыслей, познание гражданских обязанностей и любовь к отечеству».

Председателем и руководителем Общества был декабрист Ф. Глинка. Вольное общество имело свой печатный орган — «Соревнователь Просвещения и Благотворения». В нем печатались К. Рылеев, В. Кюхельбекер, Н. Гнедич и А. С. Пушкин. Печатались в журнале и кадеты Горного корпуса. Среди них был и А. Кулибин.

Будущий известный поэт Н. М. Языков, одноклассник и друг Кулибина, часто обращался к последнему за советами, отдавал на его суд свои первые поэтические творения. Насколько он ценил мнение товарища, видно из посвященного Александру Кулибину «Послания»:

..Когда я, увлечен мечтой,
Почувствовал огонь поэзии
сердечной,
Тебе вверять восторги приходил
И слышал суд твой
справедливый.
О! сколь тогда приятен был
Мне дружеский совет,
нельстивый!
С каким весельем я с тобой
Поэтов красотой пленялся!

Первое стихотворение А. Кулибина появилось в журнале «Соревнователь просвещения» в 1819 году. Помещая его, редакция не преминула сделать примечание: «общество с удовольствием помещает стихи сии, в которых виден возникающий талант молодого сочинителя, окончившего курс учения в Горном кадетском корпусе и предназначенного на службу за высокие хребты Рифея». Вышел в свет Кулибина друг А. С. Пушкина барон

А. Дельвиг, в то время редактор-цензор отдела поэзии в журнале.

Примечательно и то, что Кулибин начал печататься в одно время и в одном и том же журнале с А. С. Пушкиным. Так, в части VIII «Соревнователя просвещения» было опубликовано стихотворение А. С. Пушкина «На лире скромной, благородной...», а пятнадцатью страницами ниже — перевод с французского А. Кулибина. В этом журнале (в 1819—1820 годы) было напечатано четыре стихотворения и один перевод с французского А. Кулибина.

Журнал «Невский зритель» опубликовал два его мадригала.

Все дошедшие до нас произведения А. И. Кулибина отмечены влиянием русского классицизма и оссианских тенденций. В стихотворениях ощущается налет литературной грусти и печали, отрешенности от мира, хотя поэту в это время было всего двадцать лет:

...один только я,
Не чувствую в сердце огня,
Печально взираю на мир
обновленный:
Несчастному нет и весны во
вселенной.

Ах! время прошло
Как волны в теченьи,
И в быстром стремлении
С собой унесло

Веселье и радость на легких
крыльях,
Оставля страдальца в тоске и
в слезах...

Недаром друзья называли Кулибина «унылым певцом», «печальным поэтом», «томным гением».

Другая тема его поэтического вдохновения — любовь и дружба.

Мой друг! ты был со мной
в те дни очарования,
Когда в очах красавицы
младой
Я небо находил,— когда мои
желанья,
Вся жизнь моя стремилась
к ней одной!
И сердце, полное восторгов
неизвестных,
И вся душа была одна
любовь!

Однако Н. М. Языков считал, что его друг способен воспеть возвышенное и героическое, он писал, обращаясь к Кулибину:

Ты наделен талантом
песнопенья:
Тебе героев воспевать!

Горный кадетский корпус поэт окончил в 1820 году с Большой серебряной медалью за успехи в науке. Сначала он работал на Урале, а потом в Восточной Сибири. Активно и успешно занимался геологией, минералогией, печатал свои изыскания в специальных научных журналах. В 1826 году составил описание восьмидесяти забайкальских минералов, некоторые из которых были открыты А. И. Кулибиным впервые. Один минерал называли впоследствии в его честь — кулибинитом.

Всего же А. И. Кулибиным, по подсчетам известного библиографа С. А. Венгерова, было напечатано в «Горном журнале» шесть научных статей. Совместно с А. Н. Таскиным и И. Н. Ковригиным им была переведена «Геогнозия» французского геолога Добьюсона.

Что же касается его поэтической деятельности, то, очевидно, после 1820 года он ничего не напечатал. Как писал его друг-поэт Алексей Таскин, Александр Иванович в Забайкалье хотя и писал стихи, но не печатал их. «Он никому не передавал копий с них, а только читал их в кружке товарищей». Поэт был строг к себе. В одном из стихотворений он писал, что ему «не дан дар чудесный сердца людей гармонией прельщать».

За время службы Александр Иванович Кулибин прошел все горные чины того времени. В конце своей жизни он занимал пост начальника и советника Алтайского Горного управления. За выслугу лет был награжден орденом Владимира четвертой степени.

Умер А. И. Кулибин в один год с А. С. Пушкиным — 26 апреля 1837 года в результате несчастного случая на охоте. Он оставил после себя троих сыновей, ставших впоследствии известными русскими горными инженерами.

Заказ челябинских мальчишек

**Геннадий
ДМИТРИН,
Борис
МАРШАЛОВ**

Когда преподаватель Челябинского Дома художественного воспитания детей Татьяна Васильевна Щелкан принялась лепить скульптуру маленького Володи Ульянова, она и не помышляла о том, что ее работа займет особое место в художественной Ленинине. Она отдала этому труду около двух лет, но специального архива не собрала. И потому теперь приходится как бы заново открывать историю создания скульптуры, которую встречаешь и в Центральном музее В. И. Ленина в Москве, и чуть ли не в каждом детском учреждении.

Припомните, ведь почти наверняка и вам знакома эта скульптура. Кудрявый четырехлетний мальчик, которому в недалеком будущем — через какие-то неполные три десятилетия суждено будет занять место в центре революционного движения в России, чье имя станет самым известным на всех континентах.

В маленькой заметке краевед А. Козырев сообщил однажды читателям челябинской «Вечерки», что эта скульптура создавалась не где-нибудь, а в нашем городе, и что автор произведения Т. Щелкан в настоящее время проживает как будто в Москве. Естественно, захотелось поподробнее узнать об истории этой работы и о жизни самой художницы.

Справочник Союза художников РСФСР подтвердил: Т. В. Щелкан, 1896 года рождения, проживает в Москве, по Саймоновскому проезду... Оставалось встретиться с ней. Такая встреча состоялась в 1969 году.

В 1930 году Татьяна Васильевна приехала в Челябинск из Киева, вслед за супругом, мостостроителем по специальности. За ее плечами были трехгодичная изостудия, которую она закончила в 1916 году в Петрограде,

и работа в качестве школьного преподавателя на Украине.

В начале 30-х годов в Челябинске было создано весьма полезное учреждение — Дом художественного воспитания детей. Оно не отличалось отменными условиями работы, внушительным числом занимающихся, но надо отдать ему должное: в его стенах получили хорошую первоначальную подготовку немало ребят, ставших впоследствии артистами, музыкантами, художниками, литераторами. Щелкан нашла применение своим способностям в этом внешкольном учреждении — стала вести студию лепки.

Однажды она рассказывала своим воспитанникам о детских годах Владимира Ильича и показала им известную фотографию, где он снят вместе со своей сестренкой Олей. Один из учеников Татьяны Васильевны (она напоминает, что это был Володя Ключкин) сказал: «А вы смогли бы сделать скульптуру маленького Ленина?». Этот вопрос мальчика заставил задуматься художницу, подсказал интересную волнующую тему.

Немало времени ушло на обдумывание замысла, поиск натурщика. Позировать Татьяне Васильевне стал четырехлетний мальчик, она помнит, что звали его Эриком, отец его был военным, латышом по национальности. Татьяна Васильевна показала сохранившуюся у нее фотографию, на которой запечатлены рядом уже почти готовая скульптура и этот малыш. На нем одежда белая под ремешок рубашка и короткие шароварчики.

Работа оказалась гораздо сложнее, чем можно было предположить сначала. Художница специально ездила в Ульяновск, изучала мемуар-

ную литературу, чтобы лучше представить себе облик и характер маленького Володи. «Задание» от ребят Щелкан получила весной 1935 года, и только в январе 1937 года скульптурный портрет был готов.

Когда портрет был закончен, его показали ребятам-студийцам. Они сразу узнали в нем Володю Ульянова. Это был трогательный момент признания юными зрителями труда скульптора.

В те дни в Челябинске находился устроитель выставки московских художников Б. А. Бессарабов. Он проявил большой интерес к скульптурному портрету и принял горячее участие в дальнейшей судьбе произведения. Бессарабов, по словам Т. В. Щелкан, написал письмо Надежде Константиновне Крупской и Марии Ильиничне Ульяновой, в котором рассказал о портрете и предложил принять его для показа в экспозиции Центрального музея В. И. Ленина. Вскоре же скульптура, переведенная свердловскими мастерами в гипс (в Челябинске тогда не было опытных формовщиков), была отправлена в Москву.

Художественный совет МОСХа, в который вошли такие видные деятели, как Мухина, Шадр, Виленский, одобрил портрет и порекомендовал включить его в экспозицию музея. На просмотр были приглашены Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Они тоже сочли, что в портрете не только достигнуто внешнее сходство, но и создан интересный правдивый образ.

Так скульптура (переведенная в Москве в мрамор) заняла место в одном из залов Центрального музея В. И. Ленина. А потом с нее было изготовлено большое число копий: Мария Ильинична высказала мысль, что все дети страны должны знать, каким был маленький Володя Ульянов. Она же посоветовала создать скульптурные портреты Володи-гимназиста и Володи-студента. Щелкан не присутствовала на том обсуждении, но ей передали это пожелание сестры вождя.

За принятую работу полагалось вознаграждение, но Т. В. Щелкан отказалась от него и преподнесла портрет в дар музею.

Успех открыл Татьяну Ва-

сильевну, и она с воодушевлением принялась за новую работу: стала лепить скульптурный портрет гимназиста Владимира Ульянова. Работа оказалась еще более трудоемкой и сложной. Но вот в один из январских дней 1939 года газета «Челябинский рабочий» поместила фотографию произведения, сопроводив ее следующей подписью:

«Челябинский скульптор Татьяна Васильевна Щелкан по заказу музея В. И. Ленина (в Москве) сделала скульптуру «Ленин-гимназист». Эта работа входит в цикл скульптур, показывающих В. И. Ленина в различные периоды его жизни. Скульптура будет вскоре отправлена в Москву».

Не столь давно удалось разыскать человека, который тридцать с лишним лет назад позировал художнице для этой второй ее работы. Им оказался Геннадий Александрович Комиссаров, ныне кандидат технических наук, декан энергофакультета Челябинского политехнического института. Он вспоминает, что Татьяна Васильевна нашла его в студии рисования того же Дома художественного воспитания детей. Сеансы продолжались более полутора лет, почти каждый день по 2—3 часа. Сам Геннадий Александрович художником так и не стал, не в пример своему брату Михаилу, но с теплым чувством вспоминает годы занятий в студии и свою нелегкую работу натурщика, когда ему выпало послужить столь доброму делу.

Татьяна Васильевна в 1939 году переехала жить в Москву. Уже в годы войны ее приняли в Союз художников. Основанием для этого акта послужили не только три ленинских портрета (третий — «Ленин-студент» был создан в 1941 году), но и выполненные еще на Урале портреты стахановцев челябинских предприятий.

Гоша

С эсминца

«Яков Свердлов»

**Григорий
БРАЙЛОВСКИЙ**

Мы бегали на Неву смотреть военные корабли. Не помню, чтобы кто-то из нас строил дома модели судов или изучал флажковую азбуку. Да чего греха таить, плавать и то умел не каждый... А вот зрелище военного парада на воде привлекало всех.

Корабли нашего детства — «Марат», «Октябрьская революция», «Киров», «Максим Горький»... Стрелы стальные красавцы, расцветенные сигнальными флажками, они вошли в нашу жизнь навсегда как Нева, как Финский залив, как сам Ленинград.

Мы проходили вприпрыжку всю набережную, от Литейного до моста Лейтенанта Шмидта, а потом, возвратившись к площади Декабристов, проталкивались сквозь толпу к гранитному парапету. Там обычно стоял на бочке эсминец «Яков Свердлов». На нем служил Гоша.

Он был из нашего двора, года на три старше, уже где-то работал и не во всех мальчишеских делах наших мог принимать участие. Но когда по воскресеньям мы шли гонять мяч в Юсуповский сад или на стадион имени Ленина, Гоша был рядом. С ним мы чувствовали себя уверенней, особенно если предстояло идти мимо дома № 20 по улице Союза Связи или даже хуже того — грозным для нас Прачечным переулком: мирно нас там никогда не встречали. Гоша шел с нами, и тамошние пацаны понимали, на чьей стороне перевес в силе и в психологической подготовке.

Батя у Гоши был моряк, один из тех, кто надел бескозырку еще до революции. Он погиб на гражданской, и знали мы его с Гошей одинаково по старой фотографии. Не помню уж, откуда пошло, но принадлежность Гошиного бати к отряду Анатолия Железняка нами никогда не ставилась под сомнение: одни усы да перекрещенные пулеметные ленты чего стоили?!

Однажды, года за два до войны, Гоша как-то сказал:

— Все, ребята, иду служить на флот, как батя. Не давайте покамест себя в обиду.

Его не было год, а потом однажды он появился в клёпах, бескозырке и черном бушлате с золотыми пуговицами. Раньше нас ничто с ним не разделяло, возраст не в счет. Теперь во двор пришел совсем другой человек. Казалось, мы все ничуть не изменились за год, остались такими же пацанами, а Гоша вырос и за себя и за каждого из нас вдобавок. Он говорил баском, посыл черные усы, но главное — потрясал своим лихим флотским обличем.

— Ну, как живете, братва? — улыбнулся он, и мгновенно вернул себе привычное место в нашем окружении.

Отпуск у Гоши оказался краткосрочным. Рассказал он, что служит на эскадренном миноносце «Яков Свердлов», а все остальное — военная тайна. Это мы понимали и не допытывались.

Еще через день Гоша уехал.

— Убываю к месту службы, — гордо произнес он на прощание и угостил всю ораву мороженым. — Не забыли? «Яков Свердлов».

Потом пришел черед других парней, и еще трое наших надели военную форму, армейскую, правда. А вскоре началась война.

...Собравшись после победы, мы недосчитались многих, Гоши Демидова в том числе. Свои потери были и у дома № 20 по улице Союза Связи и в Пращечном переулке, только теперь мы их стали считать общими.

Много лет спустя удалось узнать о судьбе Гоши. При эвакуации Таллина в 1941-м «Яков Свердлов» шел в эскорте крейсера «Киров», а когда фашисты выпустили по крейсеру торпеды, эсминец принял их на себя: сам погибай, а товарища выручай...

...Те, кто остался в живых, ходят и будут ходить на Неву.

И снова с затаенным восторгом, молча, мы будем любоваться кораблями, замершими в живой невосковой воде, и среди выстроенных в черно-белую линию моряков по привычке искать глазами Гошу, парня с нашего двора, матроса с эсминца «Яков Свердлов», разделившего судьбу своего корабля.

Два лета в Котломино

**Юрий
НЕМИРОВ**

Михаил Павлович Чехов, младший брат писателя, совершенно точно называет день приезда Антона Павловича в Москву после окончания таганрогской гимназии: 8 августа 1879 года. Выпускные экзамены были сланы еще в июне. Почему же Чехов так долго не уезжал из Таганрога? Причина задержки, в общем-то, известна, и Михаил Павлович так говорит о ней в своей книге, названной Константином Фединым «чеховской энциклопедией»:

«Он хлопотал о стипендии по двадцати пяти рублей в месяц, которую учредило как раз перед тем Таганрогское городское управление для одного из своих уроженцев, отправляющихся получать высшее образование».

Как же прошли у А. П. Чехова те июльские дни? Мучили, конечно, тревожные мысли: дадут ли стипендию, удастся ли поступить в Московский университет? Да и возвращаться в дом Гавриила Парфентьевича Селиванова, дававшего Антону приют — угол и стол в обмен на бесконечные релетиторские занятия, вряд ли, наверное, хотелось... И тут как нельзя кстати подвернулось приглашение поехать в имение родителей гимназического приятеля Василия Зембулатова.

О том, как прошла у друзей добрая половина лета 1879 года, можно узнать из старой, забытой публикации в ростовской газете «Приазовский край» (1904, 20 августа). Автором воспоминаний «А. П. Чехов в юности» был Виссарий Иванович Зембулатов — младший брат одноклассника Антона Павловича.

«Антон Павлович всегда в деревне носил соломенную шляпу и красную рубаху, — рассказывал В. И. Зембулатов сотруднику газеты. — В этом костюме чаще всего его можно было видеть. Сапоги или баш-

А. П. Чехов в 1883 г.

Рисунок Н. П. Чехова

маки часто не надевались, в особенности, если отправлялись на реку купаться или ловить рыбу. Рыболов он был страстный. Вблизи имения протекала река Сухой Еланчик. За неимением благоустроенной лодки мы плавали по реке в большом корыте...»

Владелица имения госпожа Зембулатова была, судя по всему, большой шутницей. Как-то она незаметно подкралась к корыту, когда Антон с Виссарием не сводили глаз с поплавок своих удочек, и перевернула «лодку». Чехов, считая, наверное, что на веселую проделку надо ответить в том же духе, в мокрой одежде с речки «отправился в дом и лег в гостиной на мягком, дорогом диване. Увидя эту картину, матушка чуть в обморок не упала, — до того было уязвлено ее чувство хозяйки».

«Мы большими группами часто ездили в гости к соседям. Смех и веселые царили во время таких поездок, и главным источником веселья был Антон Павлович. Он выпитывал в себя все, что совершалось курьезного кругом, как-то перерабатывал его в себе и затем передавал нам, но так, что оставаться спокойными при виде Антона Павловича нельзя было. Мелкая, казалось бы, ничтожная чер-

точка в его передаче разрасталась в целый юмористический рисунок, настраивающий слушателей на бесконечно веселый лад.

Новой встрече с Антоном Павловичем предшествовали бурные переживания, связанные с началом его писательства:

«Следует заметить, что зимой 1879—1880 гг., когда брат мой и Антон Павлович находились в Москве на первом курсе, мы стали получать из Москвы юмористические журналы с рисунками и рассказами, содержание которых было не совсем для нас чуждо. В рисунках были изображены многие сцены из наших летних увеселительных предприятий, а в рассказах те же сцены были переданы словом. Мы догадывались, что рисунки принадлежали брату Антона Павловича, молодому художнику Николаю, а рассказы, подписанные «А. Чехонте», самому Антону Павловичу. Мы много смеялись над этими рисунками и рассказами, и только одна наша матушка не понимала, зачем это описывать, как люди едят, пьют, спят, гуляют и вообще проводят свою жизнь — да еще в таком смешном тоне».

Летом 1880 года Чехов и Василий Зембулатов опять отправились в Котломино. Зембулатов-отец, встретив сына с приятелем, скорей всего, в Таганроге, отвез их в имение и выделил каждому по комнате для ночлега, а для опытов определил беседку в саду.

«В своем кабинете,— читаем в воспоминаниях Виссариона Зембулатова,— Антон Павлович на горке книг установил человеческий череп, наводивший страх и трепет на всех обитателей дома. Антон Павлович не любил, чтобы ходили к нему в комнату, и череп в достаточной мере обеспечивал его от посетителей. В беседке, в саду, Чехов с моим братом производили вскрытие лягушек и крыс, которых я поставлял им в большом количестве. Это странное в глазах деревенских жителей занятие также устанавливало за студентами реноме людей из другого мира. Их боялись».

Что Антон Павлович уже писал и печатался — это все мы знали. Мы знали также, что его труды — рукописи, заметки, письма и прочее —

хранятся в маленьком чемоданчике, стоявшем в его комнате. Мы видели, что нередко Антон Павлович уединялся или в отдаленном уголке сада, или в своей комнате, и мы догадывались, что он пишет. Наша матушка как-то пригрозила:

— Я тебе, Антоша, твой чемоданчик с бумагами сожгу. Будешь знать, как над людьми смеяться.

Антон Павлович встревожился и просил не делать этого. Но прошло немного времени, и чемоданчик действительно исчез. Антон Павлович опечалился; видно было, что в чемодане хранилось действительно нечто для него ценное. Ввиду недавних угроз матери нетрудно было догадаться, что исчезновение чемодана произошло не без ее участия. Антон Павлович отправил меня для переговоров с матерью... В ответ на мои настойчивые расспросы мне было дано несколько подзатыльников. Но миссия моя все же не была совсем безуспешной. Мне удалось узнать, что в похищении чемодана участвовала служившая у нас в доме деревенская девица Ольга. Антон Павлович составил целый план воздействия на Ольку. Ночью он стал пугать Ольку черепом, пригрозил, что сделает с нею то же, что сделано с черепом и проч. Ольга не выдержала этих ужасов, разрыдалась и указала, где находится чемодан. Мы немедленно отправились в указанное место — в старый полуразрушенный шалаш в саду и действительно нашли там чемодан. Торжественно перенесли мы его в комнату и снова водворили на прежнее место. Антон Павлович стал более тщательно беречь его, но его никто уже не трогал.

Вот и все, что припомнилось Виссариону Ивановичу Зембулатову, заседателю из слободы Покровской, в 1904 году. Смерть Чехова вызвала огромный поток статей, посвященных ему, и «Приазовский край» поместил тогда на своих страницах ряд интересных публикаций, к числу которых нельзя не отнести и рассказ В. И. Зембулатова «А. П. Чехов в юности».

История одной антифашистской ЛИСТОВКИ

**Борис
КОЗУЛИН**

В декабре 1941 года пятнадцатилетним подростком поступил я работать на оборонный завод, который размещался на месте нынешнего инструментального завода в Свердловске. Хотел устроиться учеником токаря — не взяли: не вышел по возрасту. Предложили до получения паспорта поработать в тарном цехе, где сколачивали ящики под снаряды гвардейских минометов — «катюш». А там, мол, перейдешь в механический цех. Я согласился.

Нехитрое дело вроде бы стучать молотком, но на первых порах гвозди ни за что не хотели лезть в доски: гнулись, вылезали в сторону, а сколько раз молоток вместо гвоздя бил по пальцам — не сосчитать... В первый день работы сколотили только пять ящиков. Дальше дело пошло легче: рука привыкла к молотку, гвозди стали послушнее.

Хорошо помню свою первую получку. Насчитали мне тогда сто шестнадцать рублей. Булка черного хлеба на толкучке стоила в два раза дороже, но с какой гордостью я нес домой матери эти деньги, впервые в жизни заработанные собственными руками! Специально попросил кассира дать мне только рублевых бумажек, чтобы пачка выглядела потолще...

Примерно через месяц тарный цех перевели с основной территории в Уктус. Тут уже дымила котельная, спешно строились склады, прокладывались линии узкоколейки. Несмотря на лютые уральские морозы, а ртуть в термометре опускалась в ту зиму до сорока — сорока пяти градусов, работа кипела вовсю. «Все для фронта, все для победы!»

Со сборки пошли первые снаряды. Меня перевели на упаковку, и остался я там до конца войны. Когда нашего мастера забрали в армию, вместо него назначили меня, и стал я сменным мастером, а под началом у меня — человек тридцать мальчишек и девчонок да несколько женщин.

На завод стала поступать с фронта возвратная тара — порожние ящики из-под снарядов. Приходили

NATIONALER KOMITEE
Series Deutschland

Bevollmächtigter für die 4. Ukrainische Front

Die Zukunft des deutschen Volkes

Der letzte Sturm auf den Kessel Deutschland wird in nächster Zeit beginnen. Im Osten und Westen stehen die Alliierten bereits zur deutschen Tode. Das hochentwickelte und schon dreimal ausgeübte Verteidigungssystem der deutschen Wehrmacht ist von der Luft, Artillerie und breiter Front durchbrochen. Die Städte, Festungen, Hauptposten, Güter- und Verkehrsnetze sind den russischen Truppen preisgegeben. Der Kampf gegen die Panzer- und Luftkräfte der Alliierten durchbrochen. Jeder ist gefahrlos.

Keine auch noch so stark ausgeübte Verteidigungsmethode kann den Angriff der Alliierten hemmen oder aufhalten.

Der Krieg ist für Deutschland verloren.

Daran können auch keine Lagerstätten von Waffen, von Wunderversäften, Teleapparaturen, und Luftversorfern retten die Alliierten etwas ändern.

Unabwiderlich bleibt die Tatsache, daß Deutschland von den Armeen der Vereinigten Nationen besetzt wird. Es hängt jetzt von unserem Volke selber ab, wie sich diese Besetzung vollziehen wird.

Das deutsche Volk hat drei Möglichkeiten:

1. Entweder: Es gibt die deutsche Wehrmacht auf, es gibt die deutsche Wehrmacht auf, es gibt die deutsche Wehrmacht auf...

2. Oder: Es gibt die deutsche Wehrmacht auf, es gibt die deutsche Wehrmacht auf, es gibt die deutsche Wehrmacht auf...

3. Oder: Es gibt die deutsche Wehrmacht auf, es gibt die deutsche Wehrmacht auf, es gibt die deutsche Wehrmacht auf...

Kameraden!

Das ist der Weg zum sofortigen Frieden!

Wolfgang Heine

Сад Марии

Ей было чуть больше года, когда умерла мать. Отец, кадровый офицер, постоянно был в длительных разъездах, и она оставалась с бабушкой. Потом, когда началась война, отец ушел на фронт и уже не вернулся.

В 1942-м она, семнадцатилетней, сама надела солдатское обмундирование, прошагала с частями противовоздушной обороны фронтowymi дорогами через Харьков, Киев, Львов... Первой ее боевой наградой стала медаль «За боевые заслуги». После были еще три награды... День Победы встретила в Румынии. Была тишина, был мир на освобожденной земле, цвели сады, и ее наполняло такое ощущение, словно она их посадила и вынянчила.

...В те края она приехала с мужем, тоже, как отец, офицером.

Летом, куда ни глянь,— лишь иссыхающее от зноя разнотравье, зимой снежные барханы. Но место службы мужья не выбирают. Коль хочешь уюта, надо потрудиться, сказала она себе. Впрочем, главное— над головой мирное небо.

И вот подруга тех дней, тех лет пишет:

«...А из прутьев, что ты сажала у нас под окнами, поднимается дивный сад фруктовый. Все называют его твоим именем: сад Марии...»

Улыбается: «Сад Марии», надо же!.. Выходит, не зря возилась с черенками, подкармливала, поила, даже укрывала перед непогодью...

Урал стал для ее семьи последней остановкой на долгом кочевом пути. Правда, обе дочери Марии Филипповны продолжили традицию— вышли замуж за офицеров, но судьбой своей беспокойной довольны. Появились внуки, можно было бы и отдыхать, да увлеклась новым делом. Предложили ей страховым агентом стать— не отказалась, даже втянулась: всегда на людях!..

Работает М. Ф. Бормисова в инспекции Госстраха, которая обслуживает Кировский район Свердловска. Район из тех, где все— «сами с усами». Почувствовала Мария Филипповна, что надо знаний подкопить— закончила университет марксизм-ленинизма.

Сейчас в ее портфеле— тысячи договоров добровольного страхования. Тысячи людей благодарны ей за неожиданную помощь в трудную минуту, за внимание. Ну и рада она тому. Ведь добро людям сделать— это все равно что сад посадить.

П. ЮРИН

отдельные вагоны, а иногда целый состав. Мы называли их «вертушками». И вот однажды, в начале сорок пятого года, когда бои шли на территории Германии, в одном из ящиков я нашел листок бумаги с типографским текстом на немецком языке. Бывало и раньше, что в возвратной таре находили какие-нибудь посторонние предметы: стреляные винтовочные или автоматные гильзы, осколки снарядов или мин, обрывки окровавленных бинтов...

Я попытался прочесть, что написано в листовке, но, кроме нескольких слов, разобрать ничего не смог. Дома положил листок до лучших времен в тетрадь и в суете будней совсем забыл о нем на долгие годы.

Спустя десятилетия обнаружил я листовку и смог прочесть ее.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
«СВОБОДНАЯ ГЕРМАНИЯ»
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
ПО 4 УКРАИНСКОМУ ФРОНТУ
БУДУЩЕЕ НЕМЕЦКОГО НАРОДА**

Последний штурм окруженной Германии начнется в ближайшее время. На востоке и западе на немецкой земле уже стоят наготове союзники. Глубоко эшелонированная и много лет назад созданная система обороны восточнорусской границы прорвана Красной Армией на широком фронте...

У немецкого народа есть две возможности:

Либо: немецкий народ идет с Гитлером дальше, что означает неизбежное разрушение поверженных городов и сел, что превратит Германию в руины;

Либо: немецкий народ и армия прекращают ставшую в последние минуты бессмысленной борьбу, выбивают из рук Гитлера оружие и сами заканчивают войну, пока она еще не распространилась в глубь нашей Родины. Тогда оккупация произойдет без борьбы и дальнейших разрушений.

Оккупации должен бояться не немецкий народ, а больше всего военные преступники.

Немецкий народ прежде всего получит мир и освобождение от разбойничьих банд Гитлера.

Товарищи!

Клика Гитлера является истинным врагом нашего народа. Откажитесь от исполнения приказов Гитлера и Гимлера! Присоединяйтесь к народному движению «Свободная Германия»!..

Герберт Штретзов,
учитель из Берлина, член
Национального комитета «Свободная Германия»
16.11.44.

Теперь уже известно, что Национальный комитет «Свободная Германия» был создан в июне 1943 года в Красногорске, под Москвой, по инициативе Компартии Германии.

Свой вклад в разгром гитлеровской Германии внес комитет.

О деятельности его во время войны и напомнила маленькая листовка, случайно попавшая на Урал во фронтовом ящике из-под снарядов легендарных «катюш».

● Необычный экспонат — песня — хранится в музее школы № 50 Советского района Москвы, рассказывающий о 12-й гвардейской Пинской дивизии. Песня о гвардейцах написана М. Светловым и Т. Хренниковым в 1945 году.

● Традиционные кузнецовские недели ежегодно проводят весной следопыты школы № 1 города Кудымкара Пермской области, где жил в довоенные годы Герой Советского Союза разведчик Николай Кузнецов. На последнюю встречу, как всегда, приехали боевые соратники героя, в числе их был заслуженный работник культуры РСФСР А. И. Клещин, который привез... песню. «Песня о Кузнецове» была впервые исполнена на традиционной встрече.

● Члены краеведческо-следопытского клуба «Карпаты» львовской средней школы № 56 собрали материал о Герое Советского Союза Василии Лаврищеве, погибшем на украинской земле. Однополчанин его Р. Симанович подарил следопытам стихи; ученик школы Саша Варичев написал к ним музыку. Так родилась «Песня о комбателе».

● Сказал политрук бойцу А. Гулыге: «Ты пишешь стихи!.. Эпиграммы только! Ну и ладно, достаточно. Пушкина у нас все равно нет. Надо песню написать...» Музыку к «Гвардейскому

маршу» написал другой боец — С. М. Подгурский. Этот марш 19-й гвардейской Руднянско-Хинганской Краснознаменной дивизии поют и спустя много лет учащиеся московской 28-й школы на встречах с ветеранами дивизии.

● Была своя песня и у 110-й зенитной бригады... Более тридцати лет пролежала она в бумагах бывшего ефрейтора Л. С. Павловой: на обороте топографической карты — ноты и текст... Отчетливо значилось имя автора — «радист Гусев, ст. сержант». Теперь старая песня хранится в музее ленинградского медицинского училища № 9.

● Полтора десятилетия назад был создан в 24-й новосибирской школе музей боевой славы. Большая дружба долгие годы связывала следопытов с сибиряками К. Н. Власовым (он умер недавно) и А. И. Лапиным. Эти двое — оставшиеся в живых герои знаменитой песни «На безымянной высоте» композитора Баснера и поэта Матусовского. Это было под Калугой. Восемнадцать добровольцев в ночь на 14 сентября 1943 года отправились в разведку, были обнаружены, приняли бой. «Их оставалось только двое из восемнадцати ребят...» Ныне в Куйбышевском районе Калужской области стоит памятник высоте 224,1 — есть там и землянка в три наката, и сосна, сгоревшая над ней...

● «Голуби, вы сизокрылые...»

Первое, что сделали фашисты, когда вошли в Ростов, — развесили свои устрашающие приказы, которые заканчивались одинаково: «Смерть!» За укрытие коммунистов, красноармейцев — смерть... За сдачу оружия — смерть... Тем, кто оставил у себя радиоприемники, — смерть... Кто держит служебных собак и водит голубей — смерть...

Витя Черевичкин спрятал своих «почтарей». Он не знал, где располагаются наши части, но если фашисты устанавливали новую артбатарею, заводили склад — он тут же чертил подробный план и отправлял «почтаря» — наугад. Нет сведений о том, как доходили его послания, но когда освобождали город, говорят, кто-то из офицеров разведки разыскивал мальчишку-голубятника... Витя со своими друзьями вредили фашистам как могли: засыпали в баки машин металлическую стружку, прокалывали шины.

Однажды, когда советский самолет на бреющем полете пролетал над головой, Витя решил привлечь его внимание к фашистскому штабу. Он добежал до штаба, подбросил вверх своих голубей. А убежать не смог...

Фашисты били, пытали его: «Партизан? Комсомолец? Откуда взял голубей?» Витя молчал. Его расстреляли перед самым приходом наших частей.

Песня, написанная о Вите Черевичкине, называет его пионером. Но Витя уже был принят в комсомол в своем ремесленном училище, только получить комсомольский билет не успел...

● «Пусть я с вами совсем не знаком...»

Ветеран Отечественной войны свердловчанин Борис Ефимович Зеличенко помнит вечер-встречу осенью 1946 года в Москве с поэтом Евгением Долматовским. Он читал свои стихи, старые и новые. А потом кто-то сказал: «Прочтите «Офицерский вальс»... Или лучше его спеть?»

Е. А. Долматовский сначала разъяснил, что вальс называется «Случайным», а не «Офицерским»: это фронтовые офицеры «присвоили» его себе. Но автор и не возражал...

«Ночь коротка, спят облака...»

Все, кто был тогда на вечере, спели хором этот вальс, причем, каждый знал «свои» строчки.

— Я не писал, что «лежит у меня на погоне ваша рука», — сказал Евгений Долматовский, — но, может, так даже лучше.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ПОДВИГ

Как родился этот вальс? Во время войны композитор Марк Фрадкин часто летал на У-2 с одним молодым летчиком, который рассказал ему маленький случай. Однажды летчик остановился в прифронтовом городке всего на несколько минут. В местном клубе играл патефон; летчик зашел и увидел, что там танцуют, а одна девушка стоит одиноко в сторонке и грустит. Пилот пригласил ее... Еще не отыграла музыка, кто-то крикнул: «Товарищ младший лейтенант! Машина уходит...» И летчик бросился догонять колонну, он только успел узнать имя девушки... Лейтенант просил написать об этом песню: может, девушка по имени Зина услышит и отзовется?

Самое интересное, что Зина действительно откликнулась и написала Долматовскому и Фрадкину — просила разыскать летчика. Но сделать это авторы уже не могли: в одном из боев парень погиб.

Звали его Вася Васильев. И именно благодаря ему родилась и живет до сих пор эта прекрасная песня...

● «Горит свечи огарочек...»

Старенький трофейный автобус вез весной 1945 года на фронт ленинградскую концертную бригаду. Путь был долгий — к Восточной Пруссии, и поэт Алексей Фатьянов с композитором Василием Соловьевым-Седым решили написать в дороге новую песню. Часть, которую они доглядели, все уходила вперед, и песня постепенно сложилась, несмотря на то, что аккордеон вышел из строя на каком-то ухабе — пели «с голоса».

Какой-то проводник-доброхот взялся проводить бригаду до нужной им части. И вечером на полянке состоялся концерт, в котором впервые прозвучало:

Давно мы дома не были,
цветет родная ель...

Песню спели трижды, на «бис». А концерт окончился — выяснилось, что выступали артисты вовсе не в своей части: боец, по приказу своего командира, «заманил» бригаду не туда... Уже после они нагнали и ту часть, в которую ехали.

За создание этой песни композитору В. Соловьеву-Седому была присуждена Государственная премия.

● «Бушует полярное море...»

...А на Северном фронте пели «Полярный вальс». Мелодия его служила позывными радиопередач для бойцов Северного флота и защитников Мурманска, — готовил передачи поэт Александр Жаров, тогда политрабтник и военный корреспондент.

Шли годы, забывались слова песни, а мелодия оставалась жить. Полковник в отставке, ветеран войны в Заполярье, свердловчанин А. В. Вшивков решил уточнить, кто был автором «Полярного вальса», и написал в главную редакцию народного творчества Центрального телевидения. Вот что он узнал.

Песня пользовалась популярностью еще в довоенные годы. Поэт Джек Алтаузен и композитор Евгений Жарковский посвятили ее открытию Северного морского пути. В годы Отечественной войны композитор приспособил мелодию к стихам поэта Николая Букина: «Прощайте, скалистые горы...»

А первоначальный вариант текста принадлежит Джеку Алтаузену:

Бушует полярное море,
Вздымается борт корабля,
За нами в широком просторе
Осталась большая земля...

Джек Алтаузен — поэт яркий, самобытный; в его стихах вдохновенно поет время, время Маяковского, Багрицкого, Уткина, с которыми он был знаком и дружен.

Алтаузен добровольцем ушел на фронт и в бою под Харьковом в 1942 году погиб смертью героя. А песня продолжала служить — и в первоначальном, и в возобновленном варианте...

● «Есть на севере хороший городок...»

Перед самой войной открылась в Москве Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Кинематографисты откликнулись на это событие светлым и радостным фильмом «Свинарка и пастух». Последние кадры режиссер И. Пырьев снимал уже в дни войны, когда рядом с «Мосфильмом» рвались фашистские бомбы...

Песня из этого фильма, посвященная Москве, стала знаменитой. Но была в нем еще одна песня, шутиливо-лирическая, пел ее Николай Крючков: «Эх, прощайте, други милые, на век, скоро буду я женатый человек...» В 1942 году автор сценария и текста песен Виктор Гусев решил для этой мелодии написать новый текст, отвечающий требованиям дня. Так родилась эта военная песня:

Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залег...

Краснознаменный ансамбль песни и пляски включил ее в свой репертуар и исполнял на всех концертах во время войны.

Интересно, что все тыловые города считали эту песню своей: уральцы — уральской, сибиряки — сибирской...

Майские жуки

Виталий
ПАШИН

Рисунок
Е. Охотникова

Так уж устроен человек, что, старея, он все чаще и чаще оглядывается в свое детство. Кажалось бы напрочь забытые картины прошлого вдруг проступают в памяти во всех красках, со всеми подробностями.

Разговариваю недавно по телефону с приятелем. И кроме голоса собеседника слышу в наушнике какой-то треск, шорохи, царапанье. Будто забрался кто в трубку.

Приятель спрашивает:

— Что у тебя с телефоном?

— Жука, — говорю, — засунул.

— Вспомнил детство?..

Бывало, поймашь майского жука, посадишь его в спичечный коробок и пристаешь ко всем: послушайте телефон. У нас в Тушино под окнами росла большущая береза. Этих самых жуков водилось на ней невероятное количество. Теплыми весенними вечерами устраивали мы на них охоту: метали в летающих хрущей свои кепки. При удачном попадании жук почему-то застревал в подкладке. И это нас очень забавляло. Сунешь руку в кепку, а он тут как тут — забарахтается в кулаке, заскребет ножками.

Однажды мы с Витькой Таранковым притащили в школу две пригоршни жуков. И выпустили их в полет на уроке русского языка. Помню, как заахала наша молоденькая учительница Анна Владимировна, как потом, изгнанные из класса, пошли мы с Витькой на берег канала Москва—Волга и встретили там человека, который оказался...

Нет, не все сразу, а то дальше неинтересно будет.

В общем, пошли на канал. Настроение скверное: сегодняшняя проделка будет, конечно, отмечена в наших дневниках, следовательно, по поведению за неделю нам вкатыт по двойке... Хорошо Витьке: у него отца нет, мать в больнице лежит, а неграмотная бабка царапнет крестик в дневнике, где полагается расписаться родителям, и дело с концом. А мне не избежать порки.

— Пойдем к «булыге», — предложил Витька.

— Пойдем, — согласился я. Мне было все равно куда идти.

«Булыгой» называли у нас плоский белый камень довольно внушительных размеров. Возле него летом мы обычно складывали свою одежду и, переплыв на другой берег, могли быстро отыскать глазами место, куда следует держать курс, возвращаясь.

Берега канала в мае еще пустыньны и тихи. Купаться холодно, болтаться просто так по выложенной камнями набережной тоже удовольствие не большое, и потому мы были удивлены, когда увидели восседавшего на нашей «булыге» незнакомого человека. Воротник его осеннего пальто был поднят, на лоб надвинута

фуражка, во рту он держал курительную трубку. Не замечая нас, человек что-то записывал в маленький блокнот, лежавший у него на колене. Временами он останавливался, бросал быстрый взгляд то на шлюз, то на противоположный берег и принимался писать снова. Потом вдруг откладывал блокнот, доставал из кармана спички и раскуривал трубку. Выпустив одно за другим несколько колец дыма, вновь хватался за блокнот. Движения его были резкие, какие-то лихорадочные...

В нашей округе таких типов не водилось.

А я совсем недавно прочитал «Судьбу барабанщика» Гайдара и, само собой разумеется, очень мечтал изловить какого-нибудь шпиона.

— Витька,— спросил я срывающимся от волнения голосом,— знаешь, кто это?

— Знаю,— тихо ответил Витька,— агент!

Я кивнул головой и скомандовал:

— Беги в милицию, а я останусь следить.

Обычно Витька с первого раза никогда не исполнял моих приказаний. Но тут, шепнув: «Смотри, не упусти!», он круто повернулся и пошел — сначала медленно, вразвалочку, а потом — бегом.

Я залег в кювете метрах в тридцати от берега. Посыпал для маскировки голову сорванной травой. Стал наблюдать, одновременно мысленно проигрывая различные варианты своих действий на случай, если «поднятый воротник» попытается улизнуть. Стрелять он, конечно, не будет: не в его интересах поднимать шум. А вдруг да заметит меня? Подойдет, будто ни в чем не бывало, да и придушит, как котенка... Эх, думаю, надо было самому бежать в милицию. Увалень Таранков теперь до завтра не вернется. Ему-то ничего не грозит — гуляй себе...

Впрочем, вскоре я перестал беспокоиться за свою молодую жизнь. Шпион оказался большой растяпой: он ни разу не оглянулся, чтобы убедиться в отсутствии слежки, а все писал и писал. Наверное, вычерчивал план шлюза, крестиками отмечал места расстановки часовых, пунктиром — пути подноса динамита... Многое я дал бы за то, чтобы хоть краем глаза заглянуть в его блокнот.

Ну, а что, думаю, ждет меня за поимку агента иностранной разведки? Конечно, не к лицу пионеру мечтать — все-таки не за награду стараюсь. Тем не менее было бы очень недурно, если бы директор школы распорядился не писать в наши дневники про жуков и не ставить нам двойки по поведению. Уж мне-то — обязательно: я же, можно сказать, жизнью рискую.

Наконец показался Витька в сопровождении двух милиционеров. Я было хотел броситься им навстречу, да вспомнил, что нахожусь в секрете, не имею права покидать пост.

Поравнявшись со мной, Витька прыгнул в кювет и зашептал на ухо: «Пригнись, не высовывайся!»

Один из милиционеров остался стоять возле нас, другой подошел к человеку с трубкой. Тот перестал писать, удивленно поднял голову. Разговор, который там состоялся, до нашего слуха не долетел. Мы только видели, как «воротник» вынул вдруг из бокового кармана небольшую красную книжечку. Потом оба — он и милиционер — рассмеялись. Потом раздался веселый голос:

— А ну, идите сюда, герои!

Мы с Витькой переглянулись, но с места не сдвинулись.

— Идите, идите,— махнул рукой милиционер.— Чего испугались-то? Это писатель товарищ Гайдар. Хочет с вами побеседовать.

Вот так так!.. Красные от смущения, не смея поднять глаз, подошли мы к Аркадию Петровичу.

— Это кто же заподозрил во мне шпиона? — спросил Гайдар с напускной суровостью.

— Он,— быстро ответил Витька, показав на меня пальцем.

Я покраснел еще больше и пролепетал:

— Вы же задом к нам сидели, и воротник был поднят...

— А так бы мы вас сразу узнали,— подхватил осмелевший Витька,— в книжке вы очень похожи.

Гайдар обнял нас — обоих вместе — и говорит:

— Да правильно, правильно! Вы действовали умело и бесстрашно.

А потом повернулся ко мне и спрашивает:

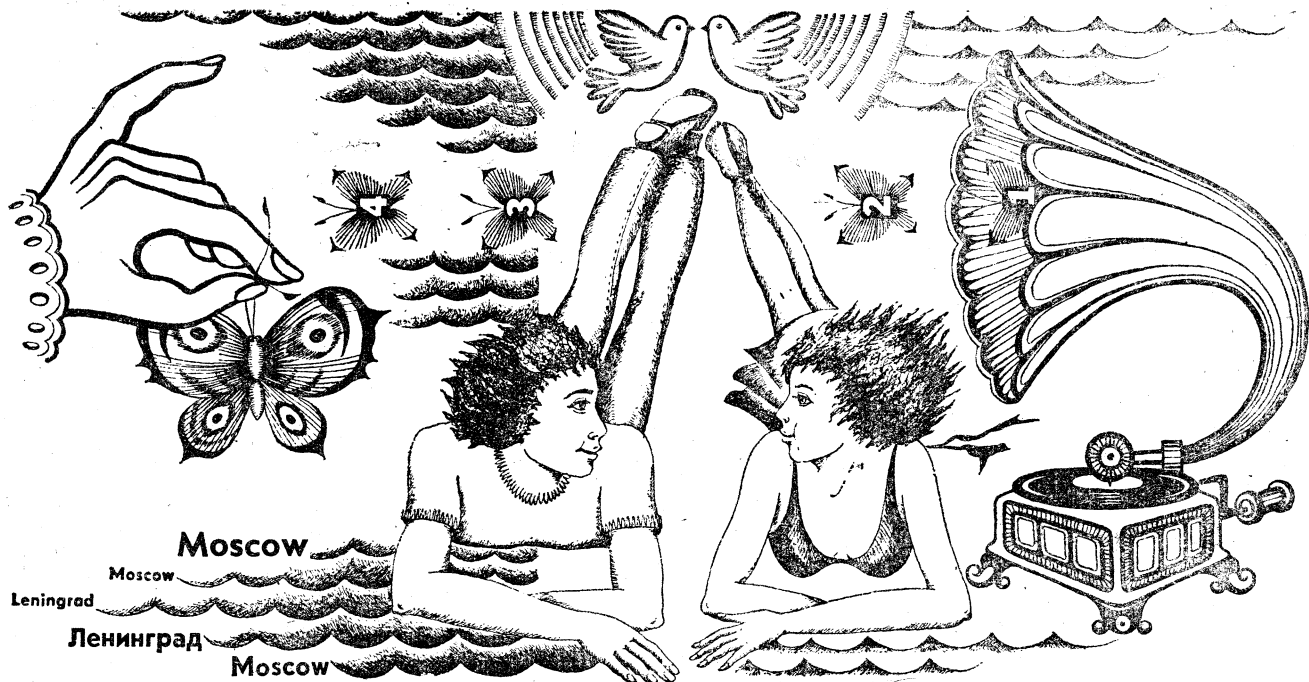
— Ну, а если бы я заметил тебя, подошел и спросил, что ты делаешь в этой канаве? Как бы ты отреагировал?

Я моментально засучил штанину и показал прорвавшийся фурункул под коленкой.

— Ну молодчина! — расхохотался Аркадий Петрович.— Только вот одно плохо: с такой болячкой на холодной земле сидел. Это тебе, брат, даром не пройдет.

— Пройдет,— гордо ответил я.— У меня они каждую весну бывают и ничего, проходят.

— Ну, тогда держи пять.— И Гайдар протянул мне широкую теплую ладонь.

Причуды

**Ирина
КОРНИЕНКО**

Рисунок
Розы Атлас

Будет май и тепло, боже мой, так тепло!.. Белый цвет вишен... Луч солнца на бледной руке. И я в цыганском платье, знаешь, в таком невообразимом платье с огромной юбкой в миллион складок и узким лифом. Я — рюмочка, я — хрупкая сосудинка. И я — с тобой. Представляешь, я с тобой!.. Ты говоришь, куда мы поедем? И я, тая от предвкушения, блаженно излагаю свой план. Да, Рига. Через всю Россию, через все «невозможно». Не забудь про плед, которым мы будем укрываться, про термос, из которого будем пить, мед и акриды.

...И рассвет приветствует нас, Москва прощается. Смоленская дорога кажется розовой, а обочины ее — шоколадными. В Смоленске мы только пообедаем в каком-нибудь тихом месте — тихом, чтобы мы могли говорить о нас, но и тут к нам непременно привяжется какой-нибудь тип и будет пьяно плакать о нашей молодости и нашем счастье и предрекать скорый конец всему этому, но мы не обидимся, мы пожалеем его с эгоизмом влюбленных и нальем ему и посочувствуем.

А после мы двинемся в Минск. Доберемся к ночи; конечно, в гостиницах не будет мест, но, конечно, найдется добрая душа — и вот наш ночлег на каком-нибудь чердаке, а там — солома (или соломы нет в это время года?). Неважно, главное, ты рядом, и так безумно пахнут травы, вишневый цвет, и слышно, как молодой сок рождается в старых досках крыши... И ты скажешь мне: люблю...

Пусть утро будет чудесное, пусть какое-нибудь молоко в кринке, ах, я его не хочу, и, может быть, кринок там вовсе нет, ну и пусть — это же сказочное путешествие, а в сказке все удается и все получается само собой. И весь день будем шататься по городу, в самых удивительных местах, и трогать руками вещи, которые, наверно, веселили души наших предков...

Только затемно мы покинем этот край — и ночь проведем в дремучих белорусских лесах. Вот когда пригодятся и плед, и термос. Устроим шабаш и пригласим всякую лесную нечисть — я буду ревновать тебя к ведьмам, ведь они безумно красивы, безумно смелы и способны вскипятить кровь. Но — нет, ведь ты не бросишь меня ради какой-нибудь?.. Ведь ты знаешь, что, если я захочу, я кем угодно стану... А я захочу, я сведу с ума всех леших, сложу их поленицей, а обнимать буду — тебя...

Утром можно будет попасть в Вильнюс. Это уже близко. Это уже пахнет Балтикой. Это должно быть очень хорошо. Давай там поживем дня три, а?

На этот раз нас устроит люкс в гостинице, и мы надем свои самые благородные одежды и будем играть в пару каких-нибудь аристократов... То есть покажем им всем, что такое манеры, светский тон, вообще — «голубая кровь»... Представляешь — я и вдруг светская дама! Но это получится смешно, ты не будешь скучать... А среди ночи мы сорвемся, забыв про манеры, и снова в путь... Рига!

Будут бить башенные часы. Вечность остановится, глядя на наши лица... О, как я покажу тебе Ригу! Я попрошу спеть о ней каждый камень, каждую башенку, каждый закоулок! Я сама стану ее частью, ее листом на воде, ее бульжником. И куда мы с тобой пойдём! Ты только проговори: Вецмилгравис, Царникава, Саулкрас-ты... А в Юрмале есть одно место...

— Послушай, ну имей же совесть! — сказал ты, вернувшись с работы и не увидев на плите ужина. Сказал и, осерчав, отобрал у меня книжку автомобильных маршрутов по европейской части страны.

КОРОЛЬ ШАХМАТ ПРИГЛАШАЕТ В СВЕРДЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ

**Дмитрий
ВОЛОВИК**

Чудесным образом старый особняк в центре Свердловска стал Дворцом шахмат «с иголки» (конечно, за этим — большой труд архитекторов, строителей), и трехкратный чемпион мира, воспитанник уральской шахматной школы Анатолий Карпов, а также председатель шахматной федерации СССР, дважды Герой Советского Союза космонавт Виталий Севастьянов, тоже, кстати, наш земляк, специально побывали здесь, чтобы «вступить во владение».

Дворец открыт! В нем созданы все условия для занятий, творчества юных и взрослых спортсменов. Многочисленные поклонники древней игры могут теперь рассчитывать если не на скорое превращение Свердловска во «Всемирный центр шахматной мысли», то хотя бы — для начала — на успехи местных шахматистов в турнирах зоны.

Совершим небольшой экскурс в прошлое уральских шахмат.

«Уральский следопыт» рассказывал в 1935 году: верхотурский воевода в соответствии с указом царя Алексея Михайловича повелел приказчику Ирбитской слободы Григорию Барыбину строго наблюдать, чтобы «и в зернию, и в карты, и в шахматы, и лодыгами не играли» и чтобы, «изломав, те бесовские игры ...жечь». Следовательно, шахматы были известны уральцам уже никак не менее трех с половиной столетий назад, но из-за отношения к ним властей как к «играм бесовским» никакого распространения не получили вплоть до конца XIX века.

Неожиданно приверженцами, покровителями шахмат оказались уральские заводчики Демидовы. Однако и они, вкладывая часть денег, нажитых нещадной эксплуатацией рабочих, в

организацию международных шахматных конгрессов, российских турниров, выбрасывая золото на различные шахматные призы, пари, не выделяли рубля своим — уральским любителям игры.

В дореволюционном списке известных уральских шахматистов всего несколько имен, лишь один — С. Левитский — имел звание мастера (лучшее его достижение — третий приз на Всероссийском турнире 1912 года в Вильне, где он опередил таких выдающихся игроков, как Алехин, Нимцович, Левенфиш).

Лишь после Октября шахматы действительно получили права гражданства на Урале.

Событием стало посещение Екатеринбурга чемпионом России Александром Алехиным, в дальнейшем завоевавшим мировую шахматную корону. После Алехина в городе начал работу первый шахматный кружок, и уже в январе 1921 года состоялся первый крупный турнир. За доски сели сорок участников. Первым чемпионом Екатеринбурга стал Ф. Дуз-Хотимирский.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны шахматисты Свердловска располагали несколькими комнатами в здании клуб строителей (теперь это киностудия). После войны, начиная с 50-х годов, в городе плодотворно работает детский шахматный клуб при Дворце пионеров. Отсюда путевку в большой спорт получили международный гроссмейстер Н. Рашковский, международные мастера Л. Саунина, О. Аверкин, мастера С. Юферов, М. Соловьев, А. Терентьев, А. Лысенко, А. Глянец. Они приняли эстафету от первых свердловских мастеров Г. Иливицкого, участника межзонального турнира (1955) в Гетеборге, и Г. Бастрикова.

«Пионерского шахматного центра» оказалось, конечно, мало. В Челябинске, Оренбурге, Орске, Уфе, Ижевске, Тюмени были организованы шахматные клубы, где проводились многочисленные соревнования, фестивали, мастерские турниры и, соответственно, повышался уровень спортсменов, а свердловчане довольствовались прежним. У спортивных руководителей города шахматы были в роли пасынка. В 1982 году сборная команда Свердловской области на зональных соревнованиях Спартакиады народов РСФСР оказалась на четвертом месте...

Но — лед тронулся! В новом Дворце шахмат Свердловска сыграны первые партии. Анатолий Карпов одновременно сразился с кандидатами в мастера Ю. Деминой, Е. Кузнецовой и тринадцатью перворазрядниками. К концу первого часа игры чемпион мира выиграл на пяти досках. А Юлия Демина, семиклассница свердловской школы № 68, чемпионка РСФСР среди девушек, вынудила Карпова пойти на переговоры. Ничья! Вторая ничья Юлии с чемпионом мира! Она выступала с таким же результатом в сеансе, который А. Карпов давал в 1979 году тоже в Свердловске. Родные стены помогают!

Еще двое свердловчан добились ничьих, играя на открытии Дворца шахмат против чемпиона мира, — А. Тоцкий и А. Коротаев. Остальные пока проиграли.

...И снова расставлены на досках фигуры, снова во Дворце идут сражения, в которых совершенствуется мастерство, крепнут воля, мужество. Двери Дворца распахнуты для всех: добро пожаловать!

На тигров с кинокамерой

**Борис
АЛЕНКИН**

Семейная бригада тигроловов отчего-то задерживалась в пути, и мы, участники съемочной группы, жили пока одни. Было наше жилище похоже на все дальневосточные охотничьи зимовья. Сложили когда-то избушку из крепких лиственничных бревен с неопиленными концами разной длины. Одна стена примыкала к отвесно стесанному склону распадка. Пол, потолок и крыша были застланы колотыми сосновыми плашками, такими ровными, будто их пилили и даже строгали.

Водворившись в зимовье, нашли мы там, как и заведено, соль, чай, сахар, крупу, сухари, спички. Часть продуктов мы привезли с собой, а у нашего консультанта Владимира Петровича имелось разрешение на отстрел дичи.

С консультантом по фильму нам повезло. В его таежных былых удивительно сочетались образный язык и прекрасное знание того, о чем он писал. Забегая вперед, скажу, что позже он целиком отдался писательской работе, и несколько его книг вышло за рубежом. Мы оказались первыми, кто услышал некоторые из историй, вошедших в эти книги.

А началось с того, что, желая «затравить» Владимира Петровича, рассказал я историю, услышанную мной однажды от известного дальневосточного партизана Бутрина. В последнее время жил он у сына на дальнем прииске.

Средь бела дня влетел однажды в поселок бык со страшным ревом и обезумевшими глазами. На спине его, удерживаясь всеми четырьмя лапами, сидел бурый медведь. Был бык в то лето постояльцем во дворе Бутриных и немудрено, что помчал он своего страшного всадника туда. Услышав рев быка и медведя, старик Бутрин выбежал из дома. А увидев происходящее, не растерялся, схватил оглоблю и стал охаживать ею незнамого гостя. Тут появились люди с ружьями, бегущие на помощь старику, и медведь очень проворно убежал в тайгу.

Мой замысел — втиснуть Владимира Петровича в разговор и услышать от него интересную историю — удался. Тем более, что из всех зверей старый охотевод отдавал предпочтение медведю.

— Нет, наверное, более интересного зверя, чем мишка. Большой любитель покушать: ест траву, побеги кустарников и деревьев, ягоды, орехи, желуди, всяких насекомых. К осени сильно жиреет, слой сала доходит до десяти и более сантиметров. Этого запаса с лихвой хватает на зимнюю спячку.

В самые сильные морозы рождаются у медведицы крохотные медвежата, обычно два-три, но находили и пять. И ведь что интересно! Мамаша весит два центнера, а малыш не больше полукилограмма и ростом с рукавицу. Но у природы все продумано. Ведь таким малышам молока для пропитания надо совсем немного. Потому и доживают, не зная голода, мать и малыши до ранней весны, когда можно выйти из берлоги и добывать корм в тайге. Из зверей у нашего медведя только один настоящий враг: владыка дальневосточных джунглей — уссурийский тигр. У них на кабаньей тропе случается и смертельная битва. Иной раз погибают оба... Пора, однако, спать. Завтра чуть свет, говорит Владимир Петрович, попомните мое слово, припожалует старик Богатырев, сам Гордей Ерофеевич с сыновьями. Уж я его знаю, не одного тигра вместе отловили...

Я проснулся от холода. По избушке, переговариваясь шепотом, ходили незнакомые люди.

Это были Богатыревы — старик Гордей Ерофеевич и три его сына: Степан, Василий и Иван. Когда зажгли лампу, я рассмотрел их как следует. Высокого роста, широкоплечие, голубоглазые, с окладистыми бородами, они были удивительно похожи друг на друга.

И одевались Богатыревы одинаково: в длинные пиджаки солдатского сукна и олочи — мягкие меховые санюги, поверх которых были выпущены штаны, завязанные внизу, чтоб снег не попадал.

Гордея Ерофеевича сыновья слушали с почитанием.

Наскоро попив чаю, поспешили они в тайгу. Нашему режиссеру, собиравшемуся рассказать замысел фильма, старый тигролов сказал:

— Мы, паря, Борис Кириллович, знаем, чего вам надо. Нам Петрович, он нас встречать выходил, все рассказал. А сейчас, однако, торопиться надо. И так эвон сколь времени потеряли из-за лицензий на отлов. А тигра нас ждать не будет...

Как истый таежник, он говорил: «тигра», «кедра»... И вечерами главным героем разговоров в избушке был уже не мишка, а «тигра».

Уссурийский тигр — не пришелец с юга, приспособившийся к северным условиям, как многие думают. Давным-давно, во время великого оледенения погибло множество зверей. Тигры же, с их густой и теплой шерстью, выжили. И до сих пор живут и размножаются эти удивительные звери, размножаются иногда даже в неволе.

На воле же они рождаются в логове, устроенном

обычно под нависшими скалами, на подстилке из папоротника и мха. До двух лет мать водит тигрят за собой, учит уму-разуму: как подкрадываться к добыче, залезать в засаде, ожидать изюбрей у отстоев — крутых выступов скал, где копытные спасаются от хищников, как бесшумно, втянув когти в мягкие подушки лап, ходить по тайге, прыгать на жертву.

Нанайцы и удэгейцы ранее считали тигра своей праматерью. Верили, что если убьешь тигра, то тебя накажут злые духи. Охотники боялись без нужды даже упоминать имя тигра. Был случай, когда удэгеец убил тигра и утопился в реке, чтобы снять грех со своей души.

Однажды я сказал Гордею Ерофеевичу о том, что слышал, будто бы тигры нападают на людей.

— Давай-ка лучше я тебе одну бывальщину расскажу, — ответил он, хитро улыбаясь. — Давно это было. По осени, когда начинался изюбринный гон, привлекал один охотник рогача, быка изюбря. Так он умел ловко подражать, что не отличишь от истинного рева изюбря. Сидел этот охотник в скрадке, в гущине на опушке махонькой поляночки. Подманивает и слышит — изюбрь на него идет. Старается охотник всюю, добыча-то почти в руках... И тут в его гущину свою морду сует тигра аграмадная. Тигра тоже посчитала, изюбрь ревет, а не охотник в манок дует...

Зарычал зверь на всю тайгу то ли от обиды, то ли от страха, а скорее всего от возмущения... Прыгнул в сторону и был таков.

В другой вечер старший сын Гордея Ерофеевича Степан рассказал такую историю.

Известный на Дальнем Востоке тигролов Козин, когда тигр бросался на него, обезумевший при отлове, совал ему в пасть приклад карабина. Так было и в тот раз. Тигр грыз в ярости ненавистный приклад и, сорвав предохранитель, зацепил спусковой крючок. Грохнул выстрел... и пуля прострелила полу пиджака. Звероловы шутили потом, что тигр чуть не застрелил охотника.

Навсегда запомнилось мне то таежное утро. Выйдя на свежий след, охотники спустили собак. Мы побежали за ними. Я старался не отставать от Гордея Ерофеевича, чтобы успеть снять наиболее интересные моменты. Вдруг собаки залаяли озлобленнее, азартнее.

— Тигры? — спросил я на бегу Гордея Ерофеевича, взволнованный до пределов возможного.

— Однако непонятно! — ответил он, тяжело дыша.

Мы выбежали на поляну и увидели, как собаки рвали лежавшего на окровавленном снегу мертвого тигра.

Охотники привязали псов, не перестававших озлобленно лаять, к дереву и вернулись к зверю. Рядом с тигром лежала съеденная наполовину туша молодого кабана.

Снег на поляне был взрыт и окровавлен, кустарник помят и поломан, всюду валялись ключья тигровой и медвежьей шерсти.

Тигроловы обошли и придирчиво осмотрели место таежной трагедии. Потом сошлись и долго советовались и спорили.

И рассказали, как случилась эта смертельная схватка.

Тигрица задавила кабана и вместе с тигрятами поедала его. Здесь, у туши дикой свиньи, и встретил их медведь-шатун.

Защищая детей, она первой набросилась на шатуна. Делает это тигрица молниеносно. И если в первые минуты не успеет убить медведя, дело ее плохо. Медведь более вынослив и силен. Не так-то просто вырваться из его могучих объятий.

На этот раз тигрице вырваться не удалось. А тигрята разбежались, судя по следам, в разные стороны...

— Жалко тигру, — сказал Гордей Ерофеевич. — Но котят еще жалче. Их надо поймать во что бы ни стало! Без матки пропадут, однако, — шатун задерет.

Сняв место страшной драки, мы тронулись в путь, и тут увидели шагах в двухстах тушу огромного медведя-шатуна. И для него эта схватка оказалась смертельной.

После всего увиденного мне было уже не страшно, когда собаки вскоре настигли и посадили молодого тигра.

Но был момент, при воспоминании о котором у меня и сейчас стынет кровь в жилах. Это когда, преследуемый собаками, кинулся тигр на людей...

Позже, когда мы много раз показывали фильм нашим и зарубежным гостям, они говорили, что кадр этот уникальный. И если это так, то благодарить за него надо нашего старейшего кинооператора Василия Васильевича. Он не дрогнул и продолжал снимать, видя в визир кинокамеры, как огромными прыжками мчится на него тигр...

Второму нашему кинооператору Валерию тоже захотелось снять редкий кадр. Когда отловили и второго молодого тигра и принесли, завернув в парусиновую попону, к зимовью, Валерий попросил развязать зверю челюсти. Выпала возможность снять крупно, во весь экран, голову рычащего тигра. Такой случай едва ли еще подвернется! Когда тигр, а они, оказывается, звери очень нервные и впечатлительные, увидел сверкающий глазок объектива и услышал стрекот кинокамеры, он мгновенно вырвал лапы из веревочных пут и сделал огромный прыжок в сторону. Валерий, увидевший это в визир, помчался в другую.

Все было расхохотались, но старик Богатырев цыкнул на сыновей и срочно отрядил их за тигром. Далеко ему убежать не удалось.

Зато Валере... Мы кричали его, стреляли в воздух из карабинов, искали в тайге. Младший из сыновей Гордея Ерофеевича — Ваня — ходил на лыжах по следу Валерия, а вернувшись, сказал, что следы обрываются у лесовозной узкоколейки.

Наверное, он уехал в город.

Так оно и получилось. Когда мы вернулись в Хабаровск, Валерий уже был на студии, очень обрадовался нашему возвращению и сделал вид, что ничего не случилось.

Но я храню на память заметку об этом случае из местной газеты. Она заканчивается такими словами:

«Убежавшего тигра поймали через два часа. Кинооператора удалось обнаружить только на третий день».

СТАН-БОГАТЫРЬ

ЗАВЕРШЕНА ОДНА ИЗ КРУПНЕЙШИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ЭПОПЕЙ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ: В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ ВСТУПИЛА В СТРОЙ ДЕЙСТВУЮЩИХ ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ УНИВЕРСАЛЬНО-БАЛОЧНОГО СТАНА. СЕЙЧАС ЕГО МОЩНОСТЬ ДОСТИГЛА ПРОЕКТНОЙ. СТАН-БОГАТЫРЬ СПОСОБЕН ПРОИЗВОДИТЬ 1,6 МИЛЛИОНА ТОНН ШИРОКОПОЛОЧНЫХ БАЛОК В ГОД. ПРЕЖДЕ ТАКИЕ БАЛКИ ДЕЛАЛИ МЕТОДОМ СБОРКИ И СВАРКИ, ТРЕБУЮЩИМ МНОГО И ВРЕМЕНИ, И ДЕНЕГ. ПРОКАТКА ШИРОКОПОЛОЧНЫХ БАЛОК, ОСВОЕННАЯ УРАЛЬЦАМИ, ЭКОНОМИТ СОТНИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

ОТ НАЧАЛА И ДО КОНЦА ВЕСЬ УНИКАЛЬНЫЙ ПРОКАТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗГОТОВЛЕН НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ.

КАМЕННЫЕ КАРТЫ ЗВЕЗДНОГО НЕБА

В горах Армении на высоте более двух тысяч метров обнаружены петроглифы, оставленные древними астрономами. Во втором тысячелетии до нашей эры на месте находки существовала обсерватория, считают археологи. Древние астрономы составили на камне множество карт звездного неба. Кое в чем они ошибались — вероятно, из-за несовершенства инструментов наблюдения, однако в основном весьма преуспели. Их каменные карты изданы книгой и теперь доступны всем.

НИЧЕГО СЕБЕ КАМЕШЕК!

Шесть месяцев провела группа старателей в непроходимых джунглях Бразилии в поисках драгоценных камней — и все безуспешно. Когда отчаявшиеся искатели счастья решили прекратить работы, им улыбнулась фортуна. Они обнаружили гигантский драгоценный камень — аквамарин весом 19 килограммов. По мнению специалистов, это — один из крупнейших камней, найденных до сих пор на планете. Он был оценен на мировом рынке в 10 миллионов долларов.

СЭКОНОМИЛИ... ЦЕХА

Не понадобятся новые прокатные цехи, на создание которых пришлось бы затратить 120 миллионов рублей. Будет сэкономлен труд трех тысяч рабочих. Все это — результат творческих находок, принадлежащих профессору Челябинского политехнического института имени Ленинского комсомола В. Н. Выдруну и его молодым ученикам. Челябинцы предложили методы получения горячекалитрованной стали, которые «снимают» многие прежние сложности прокатного производства.

В институте почти треть студентов и научных сотрудников заняты разработкой проблем экономики металла, других важных вопросов повышения эффективности производства. «Экономия, рачительное отношение к народному добру, подчеркивалось на ноябрьском пленуме (1982 г.) ЦК КПСС, — это вопрос реальности наших планов».

НАДУВНОЙ САМОЛЕТ

Он называется «Феникс» и уже готовится к серийному выпуску в Англии. Хотя его пластиковые крылья имеют размах более тридцати метров, без воздуха самолет складывается... в рюкзак. Как полететь на «Фениксе»? Так же, как поехать на велосипеде: просто надо жать на педали.

● Это случилось 2500 лет назад. 50-тысячная армия персидского царя Камбиса решила совершить переход через пустыню, и с тех пор о ней больше не слышали. Хотя бы следы бесследно исчезнувшего в песках войска намерены отыскать теперь итальянские археологи. По предварительным сведениям, итальянцам удалось локализовать место поисков. Наиболее вероятно, считают археологи, удача в районе оазиса Сива, расположенного неподалеку от западных границ Египта.

● Каждую секунду солнце расходует 4,2 миллиона тонн своей массы. Тем не менее, при таком расходе «топлива» даже через 6 миллиардов лет наше светило «похудеет» лишь на одну 40-тысячную своей массы.

● В песках Ливийской пустыни геологи откопали... кости китов, гигантских акул, морских коров, крокодила. Находкам, утверждают археологи, примерно 42 миллиона лет.

● Питаясь в основном рыбой и дикими плодами, канадцы Дональд Старкел и его сын Дан совершили сверхдальнее путешествие на канэ. Старт взяли в Виннипеге, затем добрались до Миссисипи. После проплыли вдоль берегов Мексиканского залива к одному из притоков Амазонки.

● Основной остров Японии — Хонсю — растет вверх. Прежде считалось, что он постоянно опускается в воды Тихого океана. По сведениям японских ученых, поднимаются все прилегающие к острову участки морского дна. Они полагают, что можно ожидать появления рядом с Хонсю новых участков суши.

● На Европе — одном из спутников Юпитера — есть океан с водой, подобной воде первичного океана Земли. Это утверждают американские исследователи. Они тщательно изучили снимки, полученные с автоматической межпланетной станции «Вояджер», прошедшей несколько лет назад вблизи Юпитера и Европы. Океан на Европе покрыт пятикилометровым слоем льда. Его средняя глубина около 50 километров. В ледяном панцире океана зияют трещины (результат приливов, вызванных мощным гравитационным полем Юпитера).

● Дегазированная вода, словно сказочная «живая», способна творить чудеса. Молодые ученые из Казахстана поставили множество экспериментов, исследуя ее свойства, а московские проектировщики разработали несколько вариантов установки для получения такой воды. Принцип прост: сначала обычную, насыщенную газами воду нагревают почти до кипения (в это время содержание кислорода в ней уменьшается вдвое), затем охлаждают без доступа воздуха — под плотной крышкой. Биологическая активность дегазированной воды такова, что замачивание в ней семян, опрыскивание растений (всего 2—3 раза за лето и не больше!) дают прибавку урожайности: сахарной свеклы — на 40 процентов, пшеницы — на 25, картофеля — на 35, огурцов — на 60 процентов. Реальная живая вода эффективна — в строго дозированных количествах — для профилактики и лечения ран, ушибов, простудных и ряда других заболеваний у человека. Исследователи считают, что ее свойства еще надо изучать и изучать.

ЗДЕСЬ ГОРОД ВЕЛЕНО СТРОИТЬ...

Несколько месяцев жители Пензы терялись в догадках: на высоком откосе, откуда видна река Сура и заречная часть города, под серым брезентом скрывалось таинственное сооружение.

И вот наступил день, когда серое покрывало упало и открыло взорам пензенцев бронзовую скульптуру.

Опираясь левой рукой на ручку сохи, с копьем в правой стоит русский воин. Рядом, склонив голову, верный конь. По овалу гранитного постамента выбита надпись: «Лета 1663 на реке Пензе велено город построить».

Памятник установлен на том месте, где свыше трехсот лет назад началось строительство крепости Пенза. В центре крепости размещались деревянный собор, дом воеводы Лачинова, склады, помещение для караула и избы сторожей-воротников.

Сооружение памятника первому поселенцу стало началом создания заповедной исторической зоны, где будет воссоздан первоначальный облик города.

На снимке: памятник первому поселенцу.

А. РЕЗНИЧЕНКО

Фото автора

Лазер

в операционной

Свердловский завод электромедицинской аппаратуры приступил к выпуску лазерных хирургических скальпелей «ЛАЗ-3».

Эта новинка, разработанная московскими конструкторами совместно с заводскими специалистами, представляет собой сложный электронный оптический прибор. С помощью лазерного луча хирурги, оперируя различные органы человеческого организма, рассекают ткани больного. И сокращается время проведения операции, уменьшаются потери крови, быстрее заживают швы.

Институт жизни

Профессор медицины М. Маруа и несколько технических секретарей — вот весь штат Института жизни в Париже. Это одно из самых необычных международных учреждений. Институт стремится объединить всех ученых земли, которых заботит судьба человечества в век стремительных перемен, обусловленных научно-технической революцией (НТР). Науче, считают ученые-организаторы Института жизни, пора задуматься о возможных опасных последствиях НТР для человека, для самой жизни на планете. Знание должно использоваться только на благо человека, во имя жизни; необходимо лучше понимать, какие из научных результатов принесут пользу или вред человечеству. На такой платформе Институт жизни стремится объединить усилия ученых, формировать общественное мнение научного сообщества. Большую популярность получили его конференции, посвященные перспективам и возможным последствиям развития ядерных технологий, генной инженерии, борьбе с профзаболеваниями, связанными с последствиями НТР, глобальной экологии.

КРАЙ ЗЕМЛИ НАШЕЙ — МЫС ДЕЖНЕВА. В 1910 ГОДУ ЗДЕСЬ ПОДНЯЛСЯ В ВИДЕ КРЕСТА ПАМЯТНИК ЗНАМЕНИТОМУ РУССКОМУ МОРЕПЛАВАТЕЛЮ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЮ ПРОЛИВА МЕЖДУ АЗИЕЙ И АМЕРИКОЙ. А ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД РЯДОМ С НИМ ВЫРОС И ПАМЯТНИК-МАЯК. НА ЕГО ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЕ — БЮСТ СЕМЕНА ИВАНОВИЧА ДЕЖНЕВА (1605—1672).

ЗДЕСЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА ПОБЫВАЛИ МОЛОДЫЕ УРАЛЬЦЫ — УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ».

Фото О. Капорейко

АВТОГРАФ ВОИНА

В Доме инвалидов в Париже, где теперь музей Франции, выставлены старинные орудия. Несколько лет назад один из советских туристов, седой фронтовик, подошел к одной из пушек и показал своим друзьям четко выбитые на ней слова: «Постелили Берлин 11 мая 1945 года. Десятерик Иван Ф. (Днепропетровск), Сауленко Л. Д.» Рядом с надписью — пятиконечная звезда.

Туристом оказался сам Иван Феопентиевич Десятерик. Он расписался на стволе старинного орудия в Берлине.

Пушка эта была отлита в 1810 году в Дуэ. Ее вес четыре тонны. В 1815 году после битвы под Ватерлоо пушка была захвачена немцами и перевезена в Берлин. А после разгрома фашистской Германии она была возвращена во Францию.

Б. БОРИСОВ

Та, которую люблю...

Фото В. Ролова (г. Курган)

40 коп.

Индекс 73413